

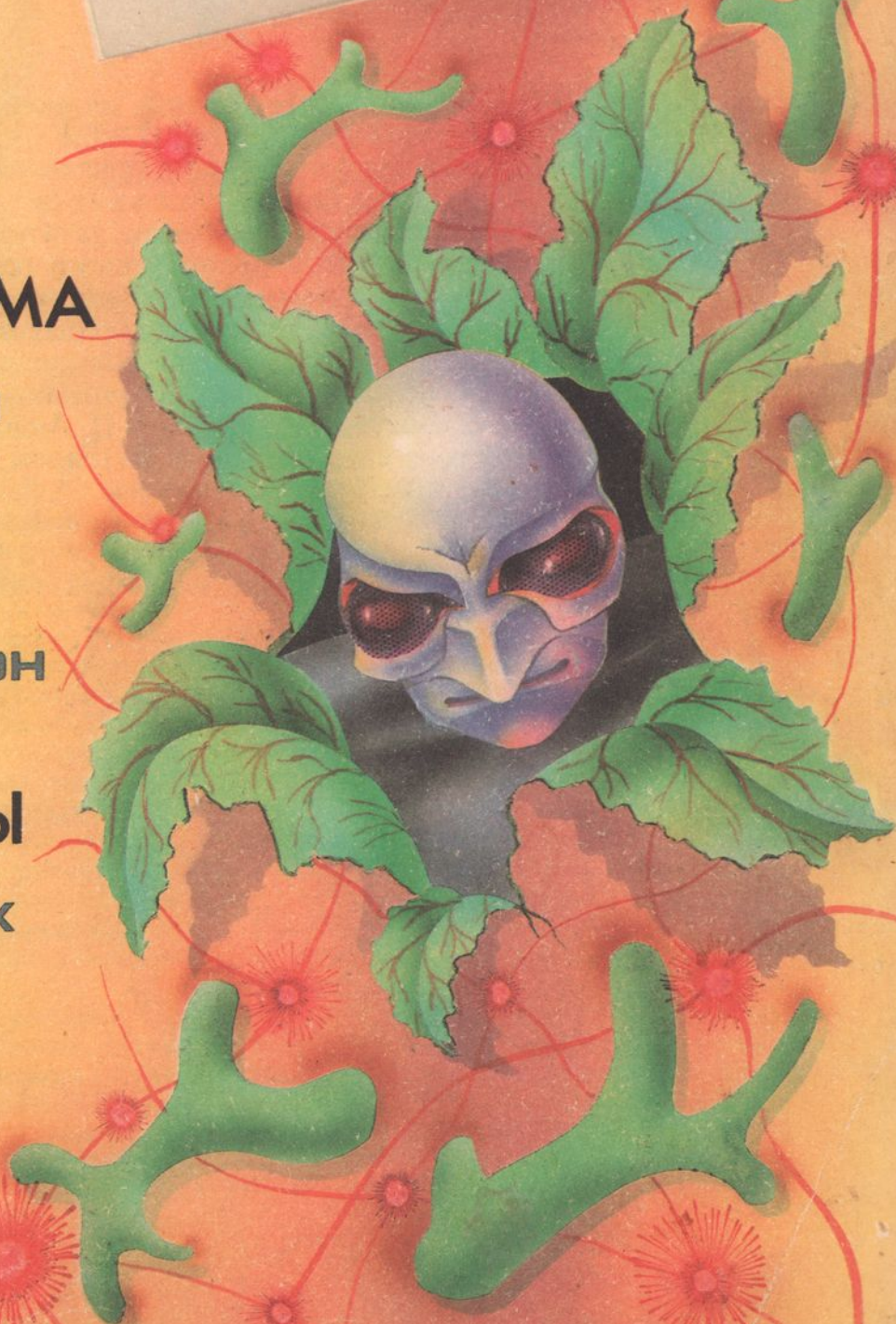
5 '91

**ДЖЕК ВЭНС
ДОМА ИСЗМА**

**УИЛЬЯМ ТЕНН
УИНТРОП
БЫЛ УПРЯМ**

**ПОЛ АНДЕРСОН
РОЛЬ
ЧЕЛОВЕЧИНЫ**

**ФИЛИП К. ДИК
ВТОРАЯ
МОДЕЛЬ**

**ВПХО «Транс Ф» Советского фонда милосердия и здоровья
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
альманах фантастики и приключений
«ФАНДЕТ экспресс»**

В нем мы планируем знакомить читателей с лучшими образцами зарубежного и отечественного детектива и фантастики. 12 номеров альманаха «Фандет экспресс» наполнят вашу жизнь интересным, насыщенным содержанием, скрасят ваши семейные вечера. Со страниц альманаха в ваши дома сойдут герои не переводившихся еще романов Д. Х. Чейза, Р. Желязны, Р. С. Пратэра, К. Лаумера, П. Андерсона и других ведущих мастеров современной детективной и фантастической литературы.

**Принимаются заявки на распространение альманаха
«Фандет экспресс».**

За справками обращаться: г. Москва, тел. 282-10-90

ПОЛ
АНДЕРСОН

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧИНЫ

Научно-фантастический рассказ

Мору соображал насчет ружей. Во всяком случае, высокие незнакомцы продемонстрировали своим провожатым, что могут сделать с плотью те штуки, которые они носили у бедра. Но откуда ему было знать, что небольшие предметы, которые они часто вертели в руках, разговаривая на родном языке, были видеопередатчиками? Возможно, он принимал их за талисманы.

Поэтому убивал Денли Сайрна он на глазах у его жены. Это было чистой случайностью. За исключением подготовительного времени — а сутки на этой планете длились двадцать восемь часов — биолог, как и все остальные, связывался только с компьютером. Но поскольку поженились они совсем недавно и были беспомощно счастливы, Эвалит тенью следовала за мужем, как только освобождалась от своих основных обязанностей.

То, что она включилась в тот самый момент, было совпадением, не больше. У нас почти не было работы. В её ведении находилась военная техника — сама она была родом из полуварварской области Кракена, где

и мужчинам, и женщинам приходилось быть в равной степени искусными в схватках с природой, но все эти железяки уже изрядно намозолили ей глаза, и она махнула рукой на ежедневную проверку оружия. Кроме того, жители Локсона сотрудничали с пришельцами с небес, насколько это позволяла обоюдная загадочность. Интуиция и опыт говорили Эвалит Сайрн, что вся их сдержанность — маскировка, на самом же деле они испытывали благоговение и надежду на будущую дружбу. Капитан Дженифир был с ней согласен. Это превращало её жизнь в синекуру: она старалась узнать как можно больше о работе Денли, чтобы быть ему помощницей, когда он вернется с равнин.

И еще: недавнее медицинское обследование подтвердило, что она беременна. Но лучше, решила она, сказать ему об этом не сейчас, через сотни километров, а потом, когда они снова лягут вместе. А пока сознание, что они дали начало новой жизни, стало в её жизни путеводной звездой.

Был полдень, когда она, что-то насвистывая, вошла в биолaborаторию. Снаружи царил медного оттенка солнечный свет, безжалостно падавший на пыльную землю, на сборные домики, теснящиеся вокруг катера, доставившего их сюда с орбиты, на которой находилась «Новая Заря», на припаркованные флиттеры, на которых люди летали вокруг острова, бывшего единственным на этой планете обитаемым местом, и на самих людей.

Позади складов и вершин деревьев — здания из грязного кирпича, рокот голосов и шелест шагов, полосы дыма, показывающие, что от этого места до озера Зело раскинулся город с четырехтысячным населением.

Лаборатория занимала более половины помещения, где жили Сайрны. Удобств было мало, да и что за удобства могут быть на кораблях горстки культур, борющихся за цивилизацию на обломках империй? Для Эвалит, во всяком случае, это был дом. Впрочем, она привыкла к простоте. Что привлекло её в Денли прежде всего, когда она встретила его на Кракене, так это тот оптимизм, с которым он, человек с Атейн, принял жизнь её убогой страны.

Гравитационное поле составляло здесь 0.77 стандартного — менее двух третей того, к которому она привыкла. Эвалит легко и стремительно шла мимо аппаратуры и отобранных образцов, крупная молодая женщина с хорошей фигурой. Черты её лица были, пожалуй, слишком резковаты для вкуса мужчин её народа, подобно большинству своих соотечественников, она была белокура и носила на ступнях и тыльной стороне ладони замысловатую татуировку, бластер на поясе был наследием множества предыдущих поколений. Одетая она была в комбинезон, какие носили все члены экспедиции.

Как прохладно и сумрачно было в хижине! Она с удовольствием вдохнула этот воздух, села и включила расивер. Как только в воздухе сформировалось трехмерное изображение, она услышала голос Денли, и сердце её слегка вздрогнуло.

— ...похоже происходит от клевера.

Объектив остановился на растении с тройными лепестками, редко разбросанным среди местной красноватой псевдотравы. Изображение увеличилось, Денли поднес передатчик поближе, чтобы компьютер мог записать все в деталях для дальнейшего анализа. Эвалит

наморщила лоб, пытаясь вспомнить, что же... Ах да! Клевер был формой жизни, которую человек принес с собой со старушки-Земли на планеты, многих из которых сейчас никто не помнил, забытых еще до того, как пела Долгая Ночь. Часто клевер был неузнаваемым — тысячелетия эволюции приспособили его к чуждым условиям, мутационные и генетические искажения воздействовали на первоначальную плантацию, приводя порой к самым неожиданным последствиям. Никто на Кракене не знал, что их чайки и ризобактерии — изменившиеся пришельцы, пока экипаж Денли не идентифицировал их. Не то чтобы он или кто другой в этой области галактики намеревался все это вернуть в родительский мир. Но информационные банки Атейн забивались сведениями, а вот милая курчавая голова Денли... Его рука гигантская в поле зрения передатчика, отбирающая образцы... Ей захотелось поцеловать её.

«Спокойствие, спокойствие, — сказала она себе, — мы здесь для работы. Мы открыли еще одну утерянную колонию, совсем никудышную в эдакой дали, опустившуюся до полного примитивизма. Наш долг сообщить по линии: то ли можно попытаться взбодрить здесь цивилизацию, то ли растрачивать скудные ресурсы Объединенных Планет где-то в другом месте, оставив местных жителей прозябать еще двести сотни лет.

Чтобы составить добросовестный отчет, мы должны изучить их самих, их культуру, их мир. Вот зачем я здесь, в этих варварских горах, а он — внизу, в джунглях, среди этих дикарей. ТОЛЬКО ВОЗВРАЩАЙСЯ ПОСКОРее, МИЛЫЙ!!!»

* * *

Денли перешел на диалект равнинных жителей. Это была искаженная форма локсонского, который, в свою очередь, произошел от английского. Лингвисты экспедиции расшифровали его за пару недель. Правда, потрудиться им пришлось изрядно. А потому ему обучились и остальные члены экипажа методом мозговой трансляции. И все же она восхищалась тем, как быстро её муж освоился с языком местных жителей, поговорив с ними лишь несколько дней.

— Мы еще не на месте, Мору? Ты говорил, что это рядом с лагерем.

— Мы уже пришли, Человек с Облаков.

В груди Эвалит шевельнулась легкая тревога. Что происходит? Неужели Денли бросил своих коллег и ушел с аборигеном один? Рогар предупреждал Лексона, что в этих местах следует опасаться предательства. Впрочем, лишь вчера проводники спасли Хайми Ниела, когда тот свалился в горный поток... с риском для себя...

Изображение смазлось — передатчик в руках Денли закачался. У Эвалит слегка закружилась голова. Время от времени она бросала взгляд на окружающее. Звериная тропа скрывалась в зарослях. Ржавая листва, коричневые ветки и сучья, тени, резкие пронзительные крики невидимых существ. Она словно наяву ощущала жаркую и влажную тяжесть воздуха, вдыхала острые неприятные запахи... Этот мир, который до сих пор не знал имени, ПРОСТО МИР... поскольку его обитатели позабыли, что такое на самом деле звезды, был мало приспособлен для колонизации. Жизнь, которую он породил, была побогаче питательными веществами и большей частью ядовита. Мужчины держались за чертой голода лишь за счет продуктов, привозимых издалека. Сначала дела у переселенцев вроде бы пошли на лад. Но потом наступил закат — свидетельством тому был их единственный город, стертый ракетами до основания вместе с большинством его жителей, — и не было надежд, что ресурсы восстановятся: было просто чудом, что здесь еще уцелело что-то человеческое, кроме костей.

* * *

С того момента, как Эвалит выпустили из лазарета, её сковывало какое-то оцепенение. Она никак не могла полностью осознать тот факт, что Денли больше нет. Ей все казалось, что в какое-то мгновение в низкий дверной проем втиснется его фигура, солнечный свет брызнет из-за его плеч, и он позовет её и избавит от этого кошмара. Это было действие психопрепарата, она знала это и проклинала достижения медицины. Она была почти рада почувствовать медленно нарастающую ярость. Это значило, что действие лекарства ослабевало. К вечеру она сможет плакать.

— Капитан, — сказала она, — я видела его убитым. Я видела смерть раньше и иногда довольно жуткую. На Кракене не скрывают правду. Вы лишили меня права уложить мужа

и закрыть ему глаза. Но вы не лишите меня права требовать справедливости. Я должна знать, что случилось.

Пальцы Дженифера, лежащие на приборной панели, сжались в кулаки.

— Мне тяжело говорить об этом.

— **НО ВЫ СКАЖИТЕ, КАПИТАН!**

— Ну ладно, ладно! — взорвался капитан. Слова его вылетали подобно пулям.

— Мы видели, что было дальше. Он содрал с него кожу, подвесил за ноги на дереве и выпустил всю кровь в свой мешок. Потом отрезал половые органы и бросил туда же. Потом вскрыл тело, вырезал сердце, легкие, почки, печень, щитовидную железу и простату, поджелудочную железу и тоже бросил все это в свой мешок. А потом скрылся в лесу. Теперь вы поняли, почему мы вам не показывали то, что от него осталось?

— Локсонцы говорили, чтобы мы остерегались лесных жителей, — протянул Фиел. — Все это слышали. Но раньше они казались просто смешными карликами. И они вытащили меня из реки. Когда Денли сказал мне про птиц, описал их, помните, и спросил, видел ли кто-нибудь что-нибудь похожее, Мору сказал, что видел, но они очень редки и осторожны: любой шум спугнет их. Но если с ним пойдет кто-нибудь один, он сможет найти гнездо и увидеть птицу. Он назвал это домиком. Так он сказал нам. Он разговаривал с Мору один на один в стороне от остальных, мы не слышали ни слова, и это должно было нас насторожить. Наверное, надо было расспросить других аборигенов, но мы не видели причин для этого... Но я хочу сказать, что Денли был выше, сильнее и вооружен бластером. Какой абориген рискнул бы напасть на него? И они ведь были к нам дружелюбны, чуть ли не игривы, после того, как преодолели начальный страх. И выказывали такое же стремление к контакту, как и локсонцы, и... — голос его затих.

— Он забрал приборы и оружие? — спросила Эвалит.

— Нет, — ответил Дженифер. — Все вещи вашего мужа у меня. Я могу отдать вам их хоть сейчас.

Фиел сказал:

— Не думаю, что это было проявлением злобы. Скорее, это как-то связано с верованиями Мору.

Дженифер кивнул.

— Мы не можем судить о нем по нашим меркам.

— Но по чьим же тогда? — парировала Эвалит. — Какой там сверхтранквилизатор! — Она сама удивилась прозвучавшей в её словах злости. — Я с Кракена, поймите это! Я не могу позволить, чтобы ребенок Денли рос, зная, что его отца убили и никто и пальцем не шевельнул, чтобы восстановить справедливость.

— Но не можем же мы мстить целому племени! — сказал Дженифер.

— Я и не собираюсь. Но, капитан, в состав экспедиции входят люди с разных планет. На каждой — свое общество. Устав гласит: уважаются права каждого. Я хочу, чтобы меня освободили от моих обязанностей, пока я не найду убийцу и справедливость не восторжествует.

Дженифер опустил голову.

— Я вынужден позволить вам это, — уныло сказал он.

Эвалит поднялась.

— Благодарю вас, джентльмены, — произнесла она. — С вашего разрешения я начну сейчас же. — Она все еще оставалась машиной, пока не кончилось действие лекарства.

В более глухих и прохладных горных районах еще оставались возможности для ведения сельского хозяйства. Поля и сады, с большим трудом обрабатываемые орудиями неолита; кое-как поддерживали деревни и главный город Локсон. Здешние жители были похожи на лесных, как братья. Слишком мало людей здесь выжило для того, чтобы дать начало новому человечеству. Но городские жители лучше питались, были крупнее и сильнее. Они носили ярко раскрашенные туники и сандалии. У состоятельных были украшения из золота и серебра. Волосы они стригли, бороды брили. Ходили смело, не боясь засады, как равнинные жители, разговор их был весел. Впрочем, это относилось только к свободным. Когда антропологи «Новой Зари» начали изучать их культуру во всех подробностях, то обнаружили, что в Локсоне существует обширный класс рабов. Некоторые из них были упитанными домашними слугами. Большинство покорно гнуло спины на полях, в каменоломнях, шахтах, под плетью надсмотрщиков и солдат, чьи мечи и наконечники копий были сделаны из старинного имперского металла. Но никто из космонавтов не был шокирован этим. Они видели вещи и похуже.

В исторических блоках памяти хранились сведения о местах, называвшихся в древности Африкой, Индией, Америкой.

Эвалит шла по извилистым пыльным улочкам мимо аляповато раскрашенных стен глинобитных зданий без окон. Спешащие по своим делам обитатели почтительно приветствовали её, хотя все теперь знали, что пришельцы не таят зла. Она возвышалась над самыми рослыми мужчинами, волосы её отливали металлом, а в глазах блестело небо, молнии покачивались у её пояса, и кто знает, что еще за божественные силы таились в ней?

Сегодня перед ней опускались на колени даже солдаты и аристократы, а рабы падали ниц. Там, где она появлялась, стихал обычный шум, на рынке прекращалась вся торговля, когда она проходила по рядам, дети бросали свои игры и бежали со всех ног. Она двигалась в молчании, подобном молчанию её души. Под солнцем и снежной шапкой Маунт Бурус поселился страх. Теперь Локсон знал, что равнинный житель зарезал человека со звезд. Что будет?

Слухи дошли до Рогара, и он ожидал её прихода в своем доме у озера Зело, рядом со священным местом. Он не был ни королем, ни вице-президентом, ни главой духовенства, но в какой-то степени совмещал всех троих. И именно он обычно вел дела пришельцев. Его жилье обычного типа было больше, чем соседнее, но казалось низким из-за окружавших его стен. Они заключали в себе огромное количество построек, куда не допускался никто из пришельцев. Ворота всегда охранялись стражами в алых одеждах и деревянных шлемах, украшенных грубоватой резьбой. Сегодня их число было удвоено, часть их стояла у дверей. Озеро сверкало, словно полированная сталь. Даже деревья на берегу выглядели сурово. Мажордом Рогара, толстый пожилой раб, распростерся у входа, лишь только она приблизилась.

— Если Рожденная Небесами снизойдет выслушать такое ничтожество, как я, то клев Рогар ожидает...

Охрана сложила перед ней копы. Широко распахнутые глаза были полны страха. Подобно всем домам, этот дом был открыт. Рогар сидел на возвышении в комнате, открывающейся во дворик. Здесь, казалось, было холоднее и сумрачнее, чем на залитой солнцем улице. Ей были хорошо видны фрески на стенах

и узоры на коврах. Довольно грубое искусство. Она сосредоточила внимание на Рогаре, он не поднялся ей навстречу, здесь это не было знаком уважения. Вместо этого он опустил косматую голову на сцепленные ладони. Мажордом предложил ей скамью, а старшая жена Рогара, перед тем как исчезнуть, поставила большую чашку травяного чая.

— Приветствую тебя, клев,— сказала Эвалит.

— Приветствую тебя, Рожденная Небесами.

Оставленные наедине, защищенные от взбесившегося солнца, они выдерживали ритуальное молчание. Потом Рогар сказал:

— То, что случилось, ужасно, Рожденная на небесах. Ты, наверное, не знаешь, что мои белые одежды и босые ноги означают траур, как по своей собственной крови.

— Это хорошо,— сказала Эвалит,— мы это запомним.

Его достоинство пропало.

— Ты понимаешь, что никто из нас ничего не может поделать со злом? Эти дикари и наши враги тоже. Они — настоящие паразиты. Наши предки захватывали их и делали рабами. Больше они ни на что не пригодны. Я говорил твоим друзьям, чтобы они не ходили к тем, кого мы не можем усмирить.

— Они так и хотели сделать,— ответила Эвалит.— У меня желание — отомстить за мужа.

Она не знала, входило ли это в их понятия о справедливости. Неважно. Из-за лекарства, которое обострило логические способности и притупило эмоции, она говорила на локсонском достаточно хорошо для того, что ей было надо.

— Мы можем дать солдат, и они убьют всех, кого ты укажешь,— предложил Рогар.

— Не надо. С тем оружием, что у меня на боку, я могу разрушить больше, чем вся ваша армия. Мне нужен твой совет и помощь в другом. Как я могу найти того, кто убил моего мужа?

Рогар задумался.

— Дикари умеют скрываться в непроходимых джунглях...

— Тогда могут ли они скрываться от других дикарей?

— А! Прекрасная мысль! Эти племена всегда готовы перегрызть друг другу горло. Если

мы сможем установить контакт с одним из них, его охотники быстро скажут нам, где находится племя убийцы,— он нахмурился.— Но он может уйти и от своих и прятаться, пока ты не покинешь нашу землю. Одного человека вряд ли можно найти, равнинные жители прячутся очень умело, ведь им это необходимо.

— Почему необходимо?

Рогар, похоже, был удивлен её непонятливостью.

— Ну, представь себе человека, не способного охотиться,— сказал он.— Он не может преследовать дичь вместе с остальными, он отпугивает её своим шумом или запахом. Поэтому на него может напасть кто-то из другого племени, так как он обычно одинок в джунглях. Человек, убивающий из засады, так же обычен, как и убивающий в открытой схватке.

— Но отчего эти непрерывные стычки?

Замешательство на лице Рогара отразилось еще сильнее:

— Где же еще они возьмут человеческого мяса?

— Но они же не живут им!!!

— Конечно нет, если нет необходимости. Но эта необходимость бывает слишком часто, ты сама знаешь. Их стычки — это основной путь добыть человечину. Трофеи тоже притягательны, но не это основная причина войны. Тот, кто убивает, естественно, завладевает трупом и делит его в своем узком кругу. Не всем везет в сражении, поэтому тот, кто не имел шанса убить на войне, отправляется на охоту на свой страх и риск. Иногда такие люди объединяются по двое-трое, чтобы отыскать одинокого человека из другого племени. Вот почему равнинные жители так ловко прячутся.

Эвалит не могла ни двинуться, ни вымолвить ни слова. Рогар тяжело вздохнул и принялся объяснять дальше:

— Рожденная Небесами, услышав дурные вести, я долго говорил с твоими людьми. Они рассказали, что увидели на расстоянии с помощью удивительной вещи, которой ты командуешь. Теперь мне все ясно. Тот проводник... как его... да, Мору, он — калека. У него не осталось надежды убить человека, разве что хитростью. Когда ему подвернулся шанс, он им воспользовался.— Он рискнул улыбнуться.— В горных районах этого случиться не может. Мы не ведем войн, защищаемся, когда на нас нападают, и не охотимся за людьми, как за

дикими зверями. Как и вы, мы — цивилизованные люди, — его губы раздвинулись, обнажив ослепительно белые зубы, — но, Рожденная Небесами, твой муж убит. Я думаю, мы отомстим убийце, и не одному убийце, если схватим его, а целому племени, которое сможем легко разыскать, воспользовавшись твоим советом. Это научит всех дикарей думать о том, что для них лучше. А потом мы поделим их мясо. Половину нам, половину — твоим людям.

Эвалит и раньше приходилось испытывать замешательство, но теперь она словно свалилась со скалы. Она уставилась на скрытое тенью старое морщинистое лицо и только спустя довольно долгое время услышала свой голос.

— Вы здесь... тоже... едите людей?

— Рабов, — сказал Рогар, — и не больше, чем нужно. Один взрослый для четверых мальчиков.

Её рука поползла к оружию. Рогар в тревоге вскочил на ноги.

— Рожденная Небесами! — завопил он. — Я говорил, что мы цивилизованные люди! Никогда не думай, что кто-то из наших посмеет напасть на вас. Мы, мы...

Она тоже поднялась, возвышаясь над ним. Не прочел ли он решение в её глазах? Не был ли страх, охвативший его, страхом за весь свой народ? Он вжался в угол, вспотевший и дрожащий.

— Рожденная Небесами, верь мне! У вас не может быть неприятностей с Локсоном... нет, разреши мне провести тебя в Священное Место, даже если ты не посвящена... ты, конечно же, принадлежишь к богам, боги не обидятся... Идем, разреши мне тебе показать, разреши доказать, что у нас нет ни желания, ни необходимости быть вашими врагами...

Рогар распахнул перед ней массивные ворота. И были растерянные крики стражи, громкие обещания многочисленных жертвоприношений, чтобы умиловить силы. Была вымощенная камнями дорожка за воротами, горячая и резонирующая под ногами, словно внизу была пустота. Были идола, ухмыляющиеся вокруг центрального храма. Были жилища слуг, сжавшихся от страха, когда увидели, что их повелитель ввел внутрь чужестранку. Были бараки рабов.

— Смотри, Рожденная Небесами, они все хорошо ухожены, разве не так? Мы ломаем им

руки и ноги, когда отбираем их еще детьми. Подумай, насколько опасны были бы в противном случае сотни детей и юношей, которых мы здесь держим. Но мы заботимся о них, если они ведут себя как следует. Разве они не жирны? Их собственная Священная пища особенно изысканна, это тела людей всех положений, умирающих в расцвете сил. Мы говорим им, что они будут жить в тех, для кого их убьют. Большинство с этим согласно, поверь, Рожденная Небесами. Спроси их сама... Только помни, что они вырастают глупыми и тупыми, ведь они ничего не делают из года в год. Мы убиваем их быстро и чисто в начале каждого года... не больше чем надо для мальчиков, вступающих в период зрелости. Один раб идет для четверых мальчиков, больше мы не берем. И все это прекрасно обставлено, а потом начинается празднество в течение нескольких дней, а за ними свадьбы. Теперь ты понимаешь, Рожденная Небесами? Вам нечего опасаться нас. Мы не дикари, которые воюют, совершают налеты и нападают на людей из засады, чтобы получить человечину. Мы цивилизованные... Не богоподобны, как вы, нет, у меня даже и мысли такой нет, не сердитесь на меня... Но мы цивилизованные и достойны вашей дружбы, разве не так? Не так, Рожденная Небесами?

* * *

Чена Дарнад, возглавившая отдел изучения культуры, велела своему компьютеру просмотреть всю имеющуюся по этому вопросу информацию. Её компьютер, как и все остальные, был весьма портативен, а его память размещалась на «Новой Заре». В это время корабль находился на противоположном полушарии, и поэтому прошло некоторое время, пока лучи совершили путь туда и обратно, отразившись от релейного спутника...

Чена откинулась назад и внимательно посмотрела на Эвалит поверх пульта. Даже если лекарства и сохранили какую-нибудь силу, смотрелось это все равно неестественно. Будьте уверены, предки Эвалит были наверняка воинственными аристократами. Более того, она была прирожденным психологом, насколько можно им быть при существующих различиях психологии различных миров. Об этом известно не так уже много, если не считать экстремальных случаев, как, например, с Гвидоном... или

с этой планетой... Однако, подумала Чена, было бы лучше, если бы Эвалит дала волю слезам.

— Ты уверена в этом, дорогая? — спросила она мягко, как только могла. — Я хочу сказать, что только этот остров обитаем, он велик, его топография запутанна, средства сообщения примитивны, но моя группа уже идентифицировала характерные признаки различных культур.

— Я говорила с Рогаром больше часа, — ответила Эвалит все тем же тусклым голосом, глядя все такими же тусклыми глазами, что и раньше. — Мне известна техника допроса, и ему пришлось несладко. Он вынужден был говорить.

Локсонцы не так отстали, как их технология. Сотни лет дикари грозят их пограничным районам. Это заставляет их совершенствовать разведку. Рогар в деталях описал мне всю её структуру. От неё мало практической пользы, но зато они всегда хорошо информированы о происходящем. И хотя их племенные обычаи различны, каннибализм повсеместен. Вот почему никто в Локсоне об этом никогда не упоминал. Это считалось само собой разумеющимся, они думали, что и у нас есть свой способ добывать человеческое мясо.

Чена спросила:

— И люди все это... хм... терпят?

— Да, конечно. Они для этого специально выращивают рабов. Но у большинства жителей равнин слишком примитивная технология. Некоторые используют для этого войну или просто убивают. Кроме того, и внутри племени происходят постоянные стычки. Или... Впрочем, какая разница? Факт состоит в том, что повсеместно мальчики, достигнув зрелости, проходят ритуал, который заключается в поедании мяса взрослого человека.

Чена закусила губу.

— Великий Хаос! Но из-за чего же все это началось? Компьютер! Долго ты еще там?!

— Готово, — произнес металлический голос из ящика, стоящего на пульте. — Сведения о каннибализме среди людей немногочисленны, потому что это редкость. На всех когда-либо известных планетах каннибализм находится под запретом и является лишь историей, хотя иногда он считается простительным, как вынужденная мера, когда нет другой возможности для спасения жизни. Иногда встречаются

крайне ограниченные формы того, что можно назвать церемониальным каннибализмом, или, например, поглощение малых количеств крови друг друга при принесении клятвы верности и дружбы фалькенами Логланны.

— Хватит, — перебила Чена. — Спазмы в горле делали её голос непомерно высоким. — Только здесь, похоже, они выродились настолько, настолько, что... Или это не вырождение? Может, возврат? Что известно о старушке-Земле?

— Информация отрывочна. Помимо того, что многое было утеряно во время Долгой Ночи, трудность состоит еще и в том, что последние примитивные племена исчезли задолго до межзвездных перелетов. Но сохранились некоторые сведения, собранные древними учеными. Каннибализм иногда входил в ритуал человеческих жертвоприношений. Как правило, убитые не съедались. Но некоторыми религиями предписывалось употреблять в пищу тела жертв или отдельные их части. Иногда — особому классу, иногда — обществу в целом. Особенно это приветствовалось теофагами. Так, ацтеки Мехико приносили в жертву своим богам по несколько тысяч человек зараз. Это провоцировало войны и бунты, что в свою очередь помогало европейским конкистадорам заполучить союзников среди местного населения. Большинство пленных просто казнили, а их сердца клали перед алтарем. Но все же есть один культ, где тела жертв делили среди жрецов. Каннибализм бывает также и формой магии. Человек, поедающий мясо другого, надеялся, что к нему перейдут все качества съеденного. Это было принципиальным мотивом каннибализма в Африке и Полинезии. Современники писали, что человеческое мясо очень вкусно, да это и легко понять, ведь эти области бедны белком. Единственный сохранившийся в истории случай нецеремониального систематического каннибализма — это американские караибы. Они ели человеческое мясо лишь потому, что предпочитали его любому другому. Особенно им нравились дети, и поэтому они обычно похищали женщин из других племен, чтобы мяса всегда хватало. Из-за этой-то отвратительной склонности, в основном, караибов и истребили до последнего человека европейцы, — компьютер смолк.

— Я могу понять европейцев, — поморщилась Чена. Эвалит подняла брови, но лицо

её оставалось таким же невыразительным, как и голос.

— Разве ты забыла, что должна быть объективным исследователем?

— Помню, помню. Все-таки существует и такая вещь, как рассудок. И они убили Денли.

— Не они, а один из них. Я его найду.

— Но он всего лишь порождение среды и болен болезнью, поразившей всю его расу,— Чена сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться.— Болезнь, как мы видим, стала нормой поведения,— заключила она.— Осмелюсь предположить, что все началось в Локсоне. Культура всегда передается от более благополучных народов к менее благополучным. И поскольку этот остров единственный, и прошло уже два столетия, ни одно племя не избежало заразы. Позднее локсонцы тщательно отработали и рационализировали эту практику. Дикари оставили жестокость неприкрытой. Но у равнинных жителей и у горных образ жизни частично базируется на каннибализме.

— Можно ли отучить их от этого? — спросила Эвалит без малейшего интереса.

— Да, со временем. Теоретически. Но... я достаточно знаю то, что случилось на старушке-Земле и в других мирах, когда развитые общества пробовали перестраивать более примитивные. Структура общества разрушалась, так и должно быть. Подумай о том, что будет, если мы прикажем этим людям отменить их ритуал. Они не послушаются, их дети должны стать взрослыми. Они знают, что мальчик не станет мужчиной, если не съест кусок человеческого мяса. Нам придется воевать с ними, убить большинство из них, а остальных сделать пленниками. И тогда следующее поколение ребят достигнет зрелости без волшебной пищи... что потом? Можешь ты себе представить это деморализованное общество? Массовое чувство неполноценности, потерю той традиции, которая обеспечивала признание личности? Милосерднее будет разбомбить весь остров,— Чена покачала головой.

— Нет,— сказала она хрипло.— Единственный приемлемый для нас способ добиться успеха — действовать не торопясь. Можно послать миссионеров. С помощью их наставлений и собственного примера мы сможем добиться того, что аборигены, спустя одно-два поколения, сами откажутся от обычая. Но нам

просто не хватает для этого сил. Слишком долго ждать. В галактике достаточно миров, которым будет более полезна та малая помощь, которую мы способны им оказать. Я, пожалуй, рекомендовала бы оставить эту планету в покое.

Эвалит немного помолчала, прежде чем ответить.

— Это отчасти из-за твоей собственной реакции?

— Да,— согласилась Чена,— я не могу преодолеть свое отвращение. И у меня, как ты заметила, должна быть профессиональная объективность взглядов. Поэтому я скажу, если даже Линия начнет вербовать миссионеров, я сомневаюсь, что это принесет пользу.— Она поколебалась.— Ты сама, Эвалит...— Кракенка поднялась.

— Мои чувства здесь ни при чем,— сказала она.— Это мой долг. Спасибо за помощь.— Она повернулась на пятках и вышла строевым шагом. Химический барьер рухнул. Эвалит стояла перед маленьким домиком, который принадлежал ей и Денли, боясь войти. Солнце висело над самым горизонтом, и поселок был полон теней. Над головой молчаливо кружила змееподобная тварь с птичьими крыльями. Из-за складов доносились звуки шагов, незнакомой речи, всхлипывание деревянной флейты. Воздух становился прохладным. Она поежилась. Их дом стал слишком пустым. Кто-то шел ей навстречу. Она узнала эту женщину. Альсабета Мендейн с Новой Америки. Лучше войти в дом, чем выслушивать её благоглупости. Эвалит преодолела последние три шага и захлопнула за собой дверь.

**ДЕНЛИ НИКОГДА НЕ ПРИДЕТ СЮДА.
НИКОГДА.**

Для него это помещение не было пустым. Оно, пожалуй, было даже слишком переполненным. Стул, на котором он обычно сидел, читая потрепанный том стихов, которых она не могла понять, и поэтому постоянно поддразнивала его, стол напротив, за которым он обычно пил за неё и осыпал её поцелуями, крошечная кладовка, где висела его одежда, поношенные шлепанцы, кровать — все это кричало о нем. Эвалит быстро прошла в лабораторию и задернула занавеску, отделявшую её от жилого помещения, кольца загрохотали. Этот звук был просто ужасен в наступающих сумерках. Она закрыла глаза и сжала кулаки,

тяжело дыша. «Я не буду мягкотелой,— внушала она себе.— Ты всегда говорил, что полюбил меня за силу... и за кучу других восхитительных черточек, добавлял ты с улыбкой, и я до сих пор это помню... и я не позволю, чтобы исчезло хоть что-то, что ты любил...»

— У меня теперь будет много дел,— сказала она ребенку Денли.— Начальство согласится с увещеваниями Чены и повернет корабль домой. У нас останется не так уж много дней, чтобы отомстить за папку.

Её глаза вдруг широко раскрылись. «Что это со мной? — подумала она в замешательстве.— Я разговариваю с мертвецом и неродившимся ребенком». Она отвернулась от лежащего на полу флюороскопа и направилась к компьютеру. Размерами он не отличался от других. Им пользовались, пользовался и Денли. Но она не могла оторвать глаз от знакомых вмятин и царапин на поверхности ящика. Так же, как не могла убежать от его микроскопа, анализатора, хроматографа, биологических образцов. Она заставила себя сесть. Сейчас не мешало бы выпить, но нужна ясность сознания.

— Включись,— приказала она. Загорелись желтые буквы «ВКЛ». Эвалит потеряла подбородок, подбирая слова.

— ЗАДАЧА,— сказала она наконец.— Выследить равнинного жителя, имеющего при себе несколько килограммов человеческого мяса и крови одного из членов экспедиции и скрывающегося в джунглях. Убийство произошло шесть часов назад. Можно ли найти и как?

Ей ответило глубокое гудение. Она продолжала ждать, представив себе цепь: сигнал мчится на лазер на космическом пароме, в небо, на ближайший спутник, на следующий, на следующий, вокруг выпяченного брюха планеты, мимо солнца-великана, мимо необжитых планет, пока импульсы не достигнут корабля-матки, потом внутрь в безжизненный мозг, который переправит вопрос в подходящий информационный банк, затем — на сканнеры, которые, заставляя резонировать молекулу за молекулой, перебирают много больше битов информации, чем это необходимо; сведения с сотен, а может, с тысяч миров; сведения, прошедшие сквозь крушение Империи и последующие темные века, видение, дошедшее до старушки-Земли, которой, возможно, уже нет.

Она испугалась этой мысли и переметнулась на родной Кракен. «Мы вернемся туда,— пообещала она ребенку Денли.— Там ты будешь жить в стороне от этих машин и вырастешь таким, каким пожелают боги».

— Конкретно,— произнес искусственный голос, кто из членов экипажа пал жертвой преступления?

Эвалит пришлось облизнуть губы, прежде чем ответить на этот вопрос.

— Денли Сайрн, твой хозяин.

— В таком случае возможность поимки желаемого местного жителя может быть осуществлена. Дополнительные данные сейчас будут просчитаны. Не желаете ли пока ознакомиться с основными соображениями.

— Да.

— Биохимия атейнцев развилась по пути, аналогичному земному,— сказал голос.— И первые колонисты не испытывали трудностей с разведением земных культур. Так они и наслаждались дружелюбием природы, а популяция становилась достаточно большой, чтобы не бояться расовых изменений в результате мутаций или генетического износа. Кроме того, не существовало никаких факторов естественного отбора, вызывающих изменения. Вследствие этого современное население Атейна мало отличается от земного, на основании чего их биохимия и психология известны в подробностях. То же самое относится к большинству колонизированных планет, о которых имеются сведения. Там, где есть биохимически отличные виды, это является следствием того, что местные жители первоначально состояли из представителей планеты, сильно отличающейся условиями. Случайность или адаптация к местным условиям редко приводят к идеальным радикальным изменениям биотипа. Например, мощная фигура среднего кракенца — реакция организма на чрезвычайно высокую гравитацию, его размер помогает легче переносить холод, его светлые волосы хороши для жизни под солнцем, бедным ультрафиолетовыми лучами. Но его предки уже были наделены всеми этими признаками. Его отклонения от них незначительны. На них не влияют ни жизнь на землеподобных планетах, ни смешанные браки. Изредка, однако, происходят большие отклонения. Их появление обусловлено либо малыми размерами популяции, либо резко

отличающимися от земных условиями, либо и тем и другим. Популяция может либо быть малой, из-за того что планета не может прокормить больше, либо стать малой в результате враждебных действий во времена крушения Империи. В первом случае имеют значение генетические изменения, во втором — мутационные. Эти факторы, скорее, влияют на внутреннюю секрецию и ферменты, нежели на анатомию, а это затрагивает и физиологию, и психологию. Хорошо известны такие случаи, как реакция жителей Гвидоны на никотин и их определенную леность, а также употребление ифрианами незначительных доз свинца. Вследствие таких различий обитатели этих планет полностью стерильны по отношению друг к другу. Пока этот остров подвергнут лишь поверхностному изучению...— Эвалит вздрогнула, освобождаясь от гипноза мерно падающих слов,— ясно лишь одно. Здесь произрастает очень мало земных культур. Сперва их было больше, но они погибли после того, как были утеряны способы их возделывания. Человек вынужден был употреблять в пищу, в основном, местные растения. В них ничтожно мало элементов, необходимых для полноценного питания. Например, в оставшихся земных растениях содержится витамин «С». Сайрн наблюдал, как люди употребляют огромное количество травы и листьев этого вида, а флюороскопические снимки показали, что это сильно изменило их пищеварительный тракт. Ни один из них не пожелал дать кожу, кровь, слюну, не позволили взять анализы даже у мертвецов.— «Боятся магии»,— мрачно подумала Эвалит,— ...но тщательный анализ мяса животных показал, что в нем почти нет тех аминокислот, без которых привычка к нему может привести к изменениям на клеточном и молекулярном уровне. Возможный тип и степень подобного изменения можно рассчитать... Расчеты эти как раз закончены,— голос умолк, и Эвалит вцепилась в подлокотники, не в силах перевести дыхание.— И ответ благоприятен, мясо атейнца чужеродно данной жизни. Оно может быть усвоено, но организм местного жителя будет выделять определенные соединения, что приведет к характерному запаху дыхания и кожи, а также мочи и кала. Это хорошо тем, что может быть обнаружено посредством новейшей сыскной техники на

расстоянии нескольких километров даже спустя шестнадцать-семнадцать часов. Но поскольку молекулы расщепляются и претерпевают химические изменения, рекомендуется действовать побыстрее...— Я НАЙДУ УБИЙЦУ ДЕНЛИ...— темнота вокруг Эвалит наполнилась ревом.

— Следует ли заказать для вас нужные организмы и выдать подходящую программу поиска? — спросил голос.— И то и другое может быть у вас через три часа.

— Да,— она запнулась.— Да... нет ли еще какого-нибудь совета?

— Туземец не должен погибнуть, а должен быть подвергнут заключению и изучению и ничему другому, чтобы экспедиция могла завершить дело до конца.

«Это речь машины»,— мысленно закричала Эвалит. Она была спроектирована для исследования и ни для чего больше. Но она принадлежала ему. И её ответ был в какой-то степени ответом Денли, в такой, что она не смогла сдержать слез.

Единственная огромная луна, находившаяся в последней четверти, поднялась сразу же после заката, утопив почти все звезды в своем сиянии. Джунгли были вымощены серебром и укутаны темнотой. Снежная шапка Маунт Бурус неестественно пылала над горизонтом. Ветер свистел в ушах Эвалит, пригнувшейся на грависанях. Он был наполнен ароматами, холодил кожу, хотя ночь была не холодной, и клочкотал за спиной. Где-то каждые несколько минут что-то кричало и немедленно слышался ответный крик. Она хмуро поглядывала на индикатор, светящийся на приборной панели. Проклятье и Хаос! Мору должен быть где-то поблизости. Он просто не мог за это время убежать из долины, математическая модель гарантировала это. Если она растратит всех жуков раньше, чем найдет его, можно ли считать, что он мертв? Она должна найти даже тело, если только оно не закопано слишком глубоко. Здесь. Она перевела сани на свободное парение. Взяла следующую склянку и выпрямилась, чтобы открыть её. Жучки вылетели, словно дымок повис в лунном свете. Снова ошибка? Нет, погодите! Разве они не выстроились в линию, хорошо-видную в лунном свете и не ринулись вниз? Сердце её замерло, она наклонилась к индикатору. Антенны нейродетектора не качались из стороны

в сторону, как раньше, а указывали на 32 градуса ниже горизонта. Только концентрация жучков могла заставить вести их так. И только определенное сочетание молекул, различить которое могли эти жучки, могло заставить их лететь на источник.

— А-а-а!..— она не могла удержаться от крика стервятника, увидевшего добычу. Но сразу же закусил губу, не замечая как с подбородка закапала кровь... В молчании она повела сани дальше. Расстояние было невелико, всего несколько километров. Она пошла на снижение на лесной прогалине. Среди зарослей поблескивали покрытые пеной лужи. Деревья поднимались сплошной стеной. Эвалит опустила на глаза инфокрасные очки. Стала видна крыша небольшой хижины. Сверху она была укрыта диким виноградом и ветвями растущих рядом двух гигантских деревьев. Жучки толклись у входа.

Эвалит остановила сани в метре от земли и встала на ноги. Парализующий пистолет выскользнул из кобуры в правую руку. Левая легла на бластер. Из хижины выглянули двое сыновей Мору. Жучки вились вокруг них, как туман, скрывая их фигуры.

«Конечно,— подумала Эвалит, не впадая, однако, в дикую ярость,— я должна была подумать о том, что они настоящие обжоры. Сейчас они как никогда походили на гномов. Обтянутые кожей кости, животы, вздувшиеся от постоянного недоедания. Кракенские мальчишки в их возрасте бывают раза в два выше, они начинают становиться мужчинами. Эти же обнаженные тела принадлежали детям, которым для смеха придали некоторые черты взрослых. Следом появились родители, скрытые роём жучков. Мать закричала. Эвалит разобрала лишь несколько слов. «Что случилось... помогите... что это за?..»

Но её внимание было приковано к отцу, к Мору. Хромающий, споткнувшийся о порог, он навел её на мысль о большом жуке, выбирающемся из кучи отбросов. Но она узнала эту лохматую голову, хотя её мысли были о другом. У него был каменный нож, наверняка тот самый, которым он зарезал Денли.

«Я должна его вырвать, вырвать вместе с рукой,— подумала Эвалит.— Я оставлю его в живых, когда разоружу голыми руками, и пусть он посмотрит, как я буду кончать его чертово отродье!» Тишину снова разрезал крик

жены. Она увидела металлическую платформу и стоящую на ней великаншу со сверкающими в свете луны глазами.

— Я пришла к тому, кто убил моего мужа,— сказала Эвалит.

Мать снова закричала и бросилась вперед, заслоня собой детей. Отец попытался закрыть её, но хромая нога подвернулась, и он упал лицом в лужу. Пока он протирает глаза, Эвалит выстрелила в женщину. Пистолет сработал абсолютно бесшумно, она дернулась и упала на землю.

— Бегите! — закричал Мору детям. Он бросился к саням. Эвалит потянула за рычажок. Платформа описала круг, вздымаясь над головами детей. Она выстрелила в них сверху, куда Мору не мог дотянуться. Он склонился над ближайшим ребенком, взял его тело на руки и взглянул вверх. Лунный свет безжалостно струился на него.

— Что ты будешь делать еще? — выкрикнул он. Она парализовала и его, совершила посадку, быстро связала всех четверых. Затаскивая их в сани, она обнаружила, что они даже легче чем она ожидала. Её вдруг прошиб пот. Комбинезон прилип к телу. Она задрожала, словно в лихорадке. В ушах зазвенело.

— Мне хотелось бы изуродовать тебя,— сказала она. Голос её прозвучал далеко и незнакомо. Где-то в глубине шевельнулась удивительная мысль, зачем она разговаривает с потерявшими сознание, да еще на чужом языке.— Я бы хотела, чтобы ты не вел себя так. Это заставляет меня помнить о том, что сказал компьютер, о друзьях Денли, которым ты нужен для исследования. Я понимаю, слишком удобный случай после того, что ты сделал, согласно объединенному своду законов мы имеем право арестовать тебя, и не один из его друзей не будет особенно интересоваться по поводу третьих чувств. Нет, они не будут негуманными. Несколько проб ткани, куча исследований, анестезия, где это надо. И не со зла, это будет просто клиническое исследование, насколько хватит наших возможностей. Вне всякого сомнения, ты будешь питаться гораздо лучше, чем когда-либо раньше, и конечно же, медики найдут какие-нибудь патологические изменения, отклонения, которые они смогут вылечить. А после всего этого, Мору, мы выпустим твоих жену и детей.— Она внимательно посмотрела в его испуганные

глаза.— Я довольна тем,— сказала она,— что для тебя, не понимающего, что все это значит, настанут тяжелые времена. А когда они закончат, Мору, я буду настаивать на том, чтобы тебя отдали мне. Они не смогут мне в этом отказать. В конце концов твое собственное племя выгнало тебя. Правильно? Боюсь, что мои коллеги не дадут мне сделать больше, чем убить тебя, но уж на этом-то я настою.

Она включила двигатель и на полной скорости полетела в Локсон, стараясь добраться поскорее, пока еще могла довольствоваться такой малостью.

И дни без него, дни без него!

А ночи были желанны. Если она не вырабатывалась за день, то пила таблетки. Он редко приходил к ней по ночам. Но она должна была выносить эти долгие ночи и не отгонять его таблетками. К счастью, перед стартом было полно работы, и у экспедиции не хватало рабочих рук, а делать все надо было немедленно. Все имущество должно быть собрано, упаковано, переправлено на корабль и загружено в трюм. Надо было подготовить саму «Новую Зарю», опробовать и испытать все системы. Эвалит, высококвалифицированному микро-технику, приходилось быть то механиком, то пилотом катера, то командовать погрузчиками. В довершение ко всему она снова вспомнила об оборонной технике поселка. Капитан Дженифер был взбешен.

— В чем дело, лейтенант? Местные жители и так синеют, едва увидят нас. Они наслышаны о том, что вы сделали. А тут еще это шастание по небу, приведение в готовность роботов и тяжелой техники с наступлением темноты. Мне стоило большого труда убедить их не покидать город!

— И пускай бы драпали! — огрызнулась она.— Наплевать!

— Мы пришли сюда не для того, чтобы убивать их, лейтенант.

— Нет. Однако, на мой взгляд, они с удовольствием поубивали бы нас, капитан, если бы предоставился удобный случай. Представьте только, какие специфические соединения могут находиться в нашем теле, капитан.

Он вздохнул и уступил. Но когда она отказалась принять Рогара, находясь внизу, он приказал ей сделать это и быть вежливой.

Клев вошел в лабораторию, она не хотела пускать его в жилое помещение, с подарком,

который он нес обеими руками, мечом из имперского металла. Она пожала плечами, любовью музей, конечно, был бы рад приобрести подобную вещь.

— Положи его на пол, велела она. Поскольку она занимала единственный стул, он остался стоять. И он казался маленьким и старым в своих одеждах.

— Я пришел,— произнес он шепотом,— сказать, что Локсон рад, что Рожденная Небесами совершила свою месть.

— Совершает,— поправила она.

Он не мог встречаться с ней глазами. Она непрерывно, в упор глядела на его поредевшие волосы.

— Раз Рожденная Небесами может так легко находить то, что пожелает, она видит правду в сердцах людей Локсона, видит, что мы никогда не замыслили ничего дурного против её народа.— Это, пожалуй, было сказано, чтобы услышать ответ. Он сцепил пальцы.— Зачем вы бросаете нас? Когда вы пришли в первый раз, когда мы начали узнавать вас, и вы заговорили на нашем языке, вы говорили, что останетесь на многие луны, а затем придут другие, чтобы обучать нас и торговать, и наши сердца возрадовались. Не тем товарам, которые вы могли бы начать продавать нам однажды, не тому, что ваши мудрецы говорили о преодолении голода, болезней, опасностей и горя. Нет. Наше ликование происходило больше из-за чудес, которые вы нам открыли. Мир, который был так узок, неожиданно сделался огромным. А теперь вы уходите. Я спросил однажды, набравшись смелости, и твои люди сказали, что никто из вас не вернется. Что мы сделали не так и как мы можем исправиться, скажи, Рожденная Небесами?

— Вы должны прекратить использовать людей как животных,— выдавила Эвалит сквозь сжатые зубы.

— Я понял... не сразу... что вы, со звезд, считаете неправильным то, что происходит в священном месте. Но мы делаем это один раз в жизни, Рожденная Небесами, и только потому, что это нам необходимо!

— Ничего вам не надо.

Рогар упал перед ней на колени.

— Может, это и так для сошедших со звезд,— взмолился он,— но мы простые смертные. Если наши сыновья не достигнут зрелости, они никогда не смогут иметь детей, и последний из нас одиноко умрет в мире смерти.

и некому будет разбить ему череп, чтобы выпустить душу...— он рискнул поднять на неё взгляд. То, что он увидел, заставило его всхлипнуть и отползти назад, на солнцепек. Позднее Эвалит увидела Чену Дарнад.

Они выпили и немного поболтали о всякой всячине. А потом антрополог сказала:

— Ты плохо пообщалась с Сейчемомо.

— Какое твое дело...— но тут кракенка вспомнила, что все разговоры записываются, чтобы потом можно было их исследовать.— Что я должна была, по-твоему, сделать? Поцеловать этого людоеда в губы?

— Нет,— поморщилась Чена.— Думаю, что нет.

— Ты первой подписалась под рекомендацией покинуть эту планету.

— Да, но... я теперь не знаю. Мне будет так плохо потом. Да и сейчас. Однако... Я смотрела, как медики работают с твоими пленниками. Ты не видела?

— Нет.

— Посмотри, как они ползают на коленях, тянутся друг к другу и кричат, когда их привязывают в лаборатории, и как все они держатся друг за друга, когда их возвращают в камеру.

— Но ведь им не причиняют никакой боли.

— Конечно, нет, но они не могут в это поверить. И их нельзя пичкать транквилизаторами, пока они не обследованы. Иначе результаты будут неверными. Их страх перед абсолютной неизвестностью... Знаешь, мне пора кончать эти наблюдения, я больше не могу.— Чена помолчала, глядя на кракенку.— А вот ты сможешь.

Эвалит покачала головой.

— Я тоже не в восторге от всего этого. Я застрелю убийцу, потому что этого требует моя честь. Остальные могут уйти, даже мальчишки. Даже несмотря на то, что они ели...— Она налила себе еще и залпом выпила. Пищевод словно охватило пламя.

— Я бы этого не хотела,— сказала Чена.— Денли это бы не понравилось. У него была поговорка, он говорил, что она была очень старая... он ведь был из нашего города, и я знала его больше, чем ты. Я слышала, как он говорил раза два или три: «Стоит ли убивать врагов, если их можно сделать друзьями?»

— Подумай о ядовитых насекомых,— парировала Эвалит,— вряд ли ты будешь с ними дружить. Скорее, ты их раздавишь каблуком.

— Но этот туземец сделал это, потому что таким его сделало общество,— голос Чены становился все более настойчивым, она наклонилась и взяла руку Эвалит в свою, но та оставалась неподвижной.— Что значит одна жизнь, один человек по сравнению с теми, кто живет рядом, и теми, кто ушел из жизни раньше? Канныбализм не был бы обнаружен на этом острове повсеместно, в каждой группировке — а ведь они так отличаются друг от друга — не будь он необходимой потребностью этой расы.

Эвалит усмехнулась, чувствуя поднимающуюся в ней ярость.

— Что это за раса, если она дошла до этого! И как насчет того, чтобы посчитаться и с моими необходимыми потребностями? Я возвращаюсь домой, чтобы растить ребенка Денли в стороне от вашей цивилизации слюнтеяв. Он вырастет и не будет знать позора от того, что его мать оказалась слишком слаба и не сумела добиться справедливости. А теперь, извини. Мне завтра рано вставать. Надо будет принимать катер, а потом разгружать его.

Эта задача требовала времени. На следующий день Эвалит освободилась только перед закатом. Она чувствовала себя более усталой, чем обычно. И более умиротворенной. Саднящее воспоминание о том, что произошло, ушло куда-то вглубь. В голове вертелась мысль абстрактная, но не шокирующая, не предательская. «Я молода. Наступит время, и придет новый мужчина. Я не буду любить тебя меньше, дорогой».

Она шла по тропинке, оставляя на собой шлейф пыли. Поселок был наполовину разобран, соответствующее количество персонала находилось на корабле. Под желтоватым небом тихо спускался вечер. Среди машин и домиков сновали те, кто еще остался. Локсон лежал притихший, таким он стал в последнее время. Поднимаясь в домик Дженифера, она пораздовалась даже звуку собственных шагов. Он сидел большой и неподвижный возле экрана, ожидая её.

— Обход закончен и происшествий нет,— доложила она.

— Сядьте,— сказал он.

Помолчав, Дженифер напряженно сказал:

— Медики закончили работу.

Это было ударом. Эвалит заметалась в поисках слов.

— Так скоро? Я хочу сказать, ну, что у нас так мало оборудования и так мало людей, которые в этом что-то понимают и без Денли, специалиста по внеземной биологии. Нужно, наверное, более тщательное исследование... на хромосомном уровне, если не глубже... не надо забывать и о физической антропологии... Может, всем этим надо заняться еще раз?

— Все так,— согласился Дженифер.— Не найдено ничего, что могло бы представить хоть какой-нибудь интерес. Возможно, что-нибудь и нашлось бы, если бы ребята Удена знали бы, что искать. Тогда они смогли бы выдвинуть гипотезу, проверить её на организме и прийти к пониманию того, как все это происходит. Вы правы, Денли обладал профессиональной интуицией, которая могла бы направить нас куда надо. Не обладая ни интуицией, ни практическим опытом, лишённые всяческой помощи от этих напуганных, невежественных дикарей, они вынуждены действовать почти наугад. Они нашли некоторые странности в пищеварительной системе, которые не могут быть объяснены здешней экологией.

— Тогда почему они остановились? Все равно мы не можем улетать раньше, чем через неделю?

— Они сделали это по моему приказу, после того, как Уден показал мне, что у них творится, и сказал, что бросает это занятие, чтобы я не говорил.

На губах Эвалит мелькнула презрительная улыбка.

— Вы имеете в виду психологическую пытку?

— Да. Я видел эту истощенную женщину, привязанную к столу. Её тело было опутано проводами разных измерительных приборов, которые громоздились вокруг, щелкали, гудели, вспыхивали. Она не видела меня, её глаза были ослеплены страхом. Она, наверное, считает, что её лишают души. А может, все обстоит еще хуже и с ней делали что-то еще более страшное, чему она даже и названия не знает? Я видел её детей в камере, держащихся за руки. Они на пороге зрелости, как это отразится на их психосексуальном развитии? Я видел их отца, лежащего рядом, напичканного наркотиками после того, как он попытался проломиться сквозь стену. Уден и его ребята говорили мне, что они пытались с ними подружиться, но

у них ничего не вышло. Это и понятно, потому что пленники знают, что находятся во власти той, которая ненавидит их ненавистью, способной достать их даже в могиле.— Дженифер помолчал.— Все на свете имеет свои пределы, лейтенант,— продолжил он,— включая и науку и наказания. Особенно, если оказывается, что шанс открыть еще что-нибудь очень мал. Я приказал закончить исследование. Завтра ребята и их мать доставят к дому и отпустят.

— Почему не сегодня? — спросила Эвалит, почти зная, что он ответит.

— Я надеюсь,— сказал Дженифер, что вы согласитесь отпустить с ними и Мору.

— Нет!

— Ради бога!..

— Вашего бога,— Эвалит смотрела в сторону.— Я не в восторге от всего этого, капитан. Я уже, кажется, хочу и сама забыть про свой долг. Но ведь Денли погиб не в честном бою и не в вендетте... Его зарезали, словно поросенка. Каннибализм — это зло, он превращает человека в хищное животное. Я не верну его, но несколько уравнию предметы, превратив каннибала в опасное животное, которое надо убить.

— Понимаю,— Дженифер уставился в окно. Предзакатные тучи надели на его лицо маску. Наконец он холодно сказал:

— Законы Объединенных Планет и этой экспедиции не оставляют мне выбора. Но у нас не будет вампирских церемоний и делать вам все придется самой. Пленник будет доставлен тайно после наступления темноты. Вы разделаетесь с ним и примите участие в кремации.

Ладони Эвалит покрылись потом.

— Я никогда не убивала человека, безоружного, беспомощного человека!

«Но он это сделал»,— подумала она и вслух сказала:

— Понятно, капитан.

— Очень хорошо, лейтенант. Сейчас можете подняться наверх и помочь с обедом. Вы приступите к делу,— Дженифер посмотрел на часы,— в двадцать шесть ноль-ноль.

Эвалит сглотнула, борясь с сухостью в горле.

— Это не слишком поздно?

— Я хочу,— ответил он,— чтобы лагерь уснул.— Их взгляды столкнулись,— и чтобы у вас было время подумать.

— Нет! — она выпрямилась, словно подброшенная пружиной, и шагнула к двери.

Его голос догнал её:

— Денли тоже просил бы тебя об этом.

Ночь пришла и заполнила комнату. Эвалит не в силах была подняться, чтобы включить свет, стул, который так любил Денли, словно не пускал её. В конце концов она вспомнила про медикаменты. У неё осталось мало таблеток. Одной было вполне достаточно для того, чтобы облегчить выполнение экзекуции. Не оставалось сомнений, что Дженифер распорядился, чтобы Мору дали транквилизатор — уж теперь то, наверняка, — перед тем, как доставить его сюда. Почему бы и ей не обрести спокойствие с помощью таблеток? Это было бы нечестно. Почему?

— «Я не знаю. Я больше ничего не понимаю. А кто понимает? Один Мору. Он знает, зачем убил и освежевал человека, который ему доверял». Эвалит вдруг обнаружила, что грустно улыбается в темноте. Он был суеверен, его верный проводник. Он видел, как у его детей появляются первые признаки возмужания. Это должно было его немного поддерживать. Странно, что при таком стрессе все-таки началась внутренняя перестройка молодых организмов. Скорее, тут можно было ожидать задержку. Правда, пленники были посажены на сбалансированную диету, и медицинское вмешательство, видимо, избавило их от хронических заболеваний. И все-таки это очень странно. Кроме того, у нормальных детей в нормальных условиях за столь короткое время никак не могли появиться отчетливые внешние признаки. Денли было бы тут над чем поломать голову. Она словно увидела его, нахмурившегося, потирающего подбородок, улыбающегося уголком рта от удовольствия решения новой проблемы.

«Я должен дойти до этого сам, — услышала она его голос. — Из этого может получиться небольшой переворот. — Как? — спросил бы его Уден, отделенный от него кружками пива и табачным дымом. — Ведь твоя область — общая биология. Я ничего не хочу сказать, но психология человека в неё не входит. — Хм-м-м. И да, и нет. Моя работа — изучать земной растительный и животный мир и то, как он приспосабливается к условиям новых планет. А человек — тот же представитель животного мира...»

Но Денли не было, и никто другой не был в состоянии выполнить его работу... Быть хотя

бы частью его, но она бежала от этой мысли и от мысли о том, что ей сегодня предстоит сделать. Она сосредоточилась на том, что кто-то из людей Удена должен был попробовать использовать знания Денли. Как заметил Дженифер, только Денли был способен предложить идею свежую, безумную, какие обычно приводят к открытиям. Уден и его помощники были рутинерами. Они даже не думали о том, чтобы использовать компьютер Денли, чтобы ознакомиться с его хранилищем информации. Да и зачем им это, если перед ними была чисто медицинская проблема. А ведь их нельзя было назвать глупыми. Боль, которую они причиняли туземцам, заставляла их избегать всего, что могло привести к дальнейшим исследованиям. Денли делал бы все по-другому.

Тьма вокруг сгустилась. Эвалит стало трудно дышать. Слишком жарко и слишком тихо. Слишком долго ждать, и она должна что-то предпринять, иначе растеряет всю свою решительность и не сумеет нажать на спуск. Она поднялась и вошла в лабораторию. Флюороскоп ослепил её на мгновение, когда она повернула выключатель. Она подошла к компьютеру и сказала «Включись!» Единственным ответом был огонек индикатора. Окна были абсолютно черными, облака закрыли луну и звезды.

— Какое... — это прозвучало хриплым карканьем, но принесло разряженную злость. «Возьми себя в руки и говори членораздельно, идиотка, иначе какой матерью ты будешь ребенку, которого носишь?» Теперь она могла задать вопрос: «Какое объяснение, с точки зрения биологии, может быть дано поведению людей на этой планете?»

— Подобные явления объясняются, скорее, с точки зрения психологии и сравнительного анализа культур.

— М-м... — может быть, и так, — сказала Эвалит, — а может быть, и нет.

Она уцепилась за несколько мыслей и старалась не дать им затеряться среди множества других.

— Аборигены могут быть дегенератами, а не настоящими людьми.

— Я хочу, чтобы Мору жил. Просконируй все имеющиеся факты, включая подробные медицинские исследования, проводившиеся с четырьмя из них в последние дни. Сравни с базовыми земными данными. Дай мне приемлемые

гипотезы,— она поколебалась.— Поправка, я имею в виду возможные гипотезы, все, что находится в прямом противоречии с фактами. Приемлемые гипотезы мы уже рассматривали.

Машина загудела. Эвалит закрыла глаза и вцепилась в край панели: «Денли, прошу тебя, помоги мне».

С другого конца вечности раздался голос:

— Единственный элемент поведения, который не может быть легко объясним такими причинами, как среда обитания и случайности исторического развития, это ритуал каннибализма, знаменующий наступление совершеннолетия. Согласно антропологическому компьютеру, это могло иметь своим началом человеческие жертвоприношения. Но компьютер отметил некоторые нелогичности этой гипотезы. А именно: религии Земли, осуществляющие человеческие жертвоприношения, сосуществовали с обществом землевладельцев, которые даже больше, чем охотники, зависели от плодородия почвы и хорошей погоды. Но принесение людей в жертву даже их ставило в неблагоприятные условия, что наилучшим образом показывает пример ацтеков. Локсон рационализировал эту практику, вводя систему рабов, и это свело к минимуму отрицательные явления. Но для равнинных жителей это настоящее зло, источник постоянных опасностей, поглощающий силы и ресурсы, которых у них и так мало, очевидно, что обычай, пусть даже перенятый у Локсона, был распространен среди всех племен. Значит, он имеет какой-то смысл, и задача состоит в том, чтобы определить какой именно. Методы добычи жертв сильно различаются, но потребность везде одинакова. Согласно утверждениям локсонцев, тела одного взрослого мужчины необходимо и достаточно для достижения зрелости четверым мальчикам. Убийца Денли Сайрна не мог унести труп целиком. То, что он взял, наводит на размышления. Отсюда следует, что у мужчины этой планеты может проявиться диптероидный феномен. Подобное ранее никогда не встречалось среди высших животных. Но и это не следует исключать. Причиной является изменение У-хромосом. Проверку наличия этого изменения и, следовательно, правильности гипотезы, можно провести без особого труда.

Голос умолк. Эвалит услышала биение своего сердца.

— О чем ты говоришь?

— О феномене, обнаруженном среди низших животных некоторых миров,— ответил компьютер.— Он необычен. Поэтому хорошо и известен. Название ему дал один из видов навозной мухи Земли.

— Наконец-то забрезжил свет! Навозная муха... хорошо!

Машина продолжала объяснения.

Дженифер вел Мору. Руки дикаря были связаны за спиной, и космонавт неестественно возвышался над ним. Несмотря на это и на покрывающие его синяки, туземец ковылял очень уверенно. Облака разошлись, и луна пролила льдистый белый свет. Эвалит, ожидающая перед дверью, смотрела на опустевший поселок, на склоны с пилообразными крышами и на возвышающийся над ними кран, похожий на виселицу. Воздух похолодел, планета катилась к осени, и тихий ветерок принимался жалобно стонать позади пыльных дьяволов, мельтешащих на земле. Шаги Дженифера были слышны издалека. Он заметил её и остановился. Вслед за ним остановился и Мору.

— Что они узнали? — спросила она.

Капитан кивнул.

— После вашего вызова, Удену пришлось здорово поработать,— сказал он.— Проверка оказалась сложнее, чем предполагал ваш компьютер. Впрочем, он был рассчитан на умение Денли, а не Удена. Уден никогда не додумался бы до этого без подсказки. Да. Все оказалось верно.

— Ну и как?

Мору молча ждал, пока шел этот разговор на непонятном ему языке.

— Я не врач,— тон Дженифера по-прежнему оставался бесцветным.— Из того, что говорил мне Уден, я понял только, что мужские особи здесь не могут созреть спонтанно. Они нуждаются в дополнительном гормональном толчке. Он упомянул тестостерон и видростерон и что-то там еще необходимое, для того чтобы началась серия превращений, ведущая к зрелости. При отсутствии этого развивается евнухоизм. Уден считает, что после бомбежки уцелело слишком мало народа, и они прибегли к каннибализму исключительно ради того, чтобы при таких обстоятельствах мутационные изменения, которые исчезали бы сами собой, закрепились и распространились на всех потомков.

Эвалит кивнула.

— Понятно.

— Полагаю, вы понимаете, что все это значит,— сказал Дженифер.— Прекратить каннибализм не составляет труда. Мы просто скажем им, что у нас есть новая и лучшая Священная Пища и докажем это несколькими таблетками. Позднее будут доставлены животные земного типа, в мясе которых будет содержаться все необходимое. И, наконец, я уверен, что наши генетики смогут исправить дефект У-хромосом.

Он не мог больше сдерживать себя. Его рот разошелся трещиной на выжженной зноем земле, и он хрипло бросил:

— Я хочу просить вас ради спасения целого народа! Я не могу. Поступайте, как знаете.

Эвалит шагнула вперед и остановилась около Мору. Он вздрогнул, не выдержав её взгляда.

Она с удивлением повернулась к капитану.

— Так вы не дали ему наркотики?

— Нет,— ответил Дженифер.— Я не собираюсь помогать вам,— он сплюнул под ноги.

— Хорошо, я рада,— она обратилась к Мору на его языке.— Ты убил моего мужа. Справедливо ли, что я хочу убить тебя?

— Да, это справедливо,— ответил он так же ровно, как и она.— Я благодарю тебя за то, что моя жена и дети отпущены на свободу.— Секунды две он помолчал.— Я слышал, что твой народ может годами хранить пищу и она не портится. Я буду рад, если ты сохранишь мое тело для своих сыновей.

— Я в этом не нуждаюсь,— ответила Эвалит.— И сыновьям твоих сыновей это будет не нужно.

В его голосе зазвучало легкое беспокойство.

— Ты знаешь, зачем я убил твоего мужа. Он был добр ко мне и подобен богу. Но я — хромец. У меня не было другого пути дать моим сыновьям то, в чем они нуждались. А время приближалось, и скоро могло стать слишком поздно, и они никогда не стали бы мужчинами.

— Я узнала от него, как это много — быть мужчиной,— сказала Эвалит.

Она повернулась к Джениферу, который напряженно ждал её действий. На его лице отразилось недоумение.

— Я отомстила,— сказала она на языке Денли.

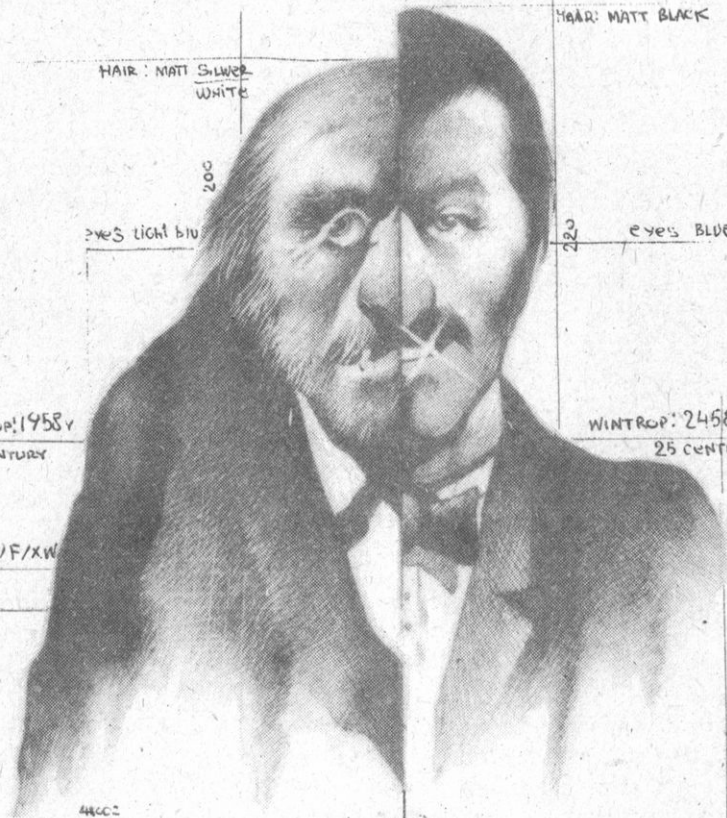
— Что? — машинально спросил он.

— После того, как я узнала о диптеронидном феномене,— сказала она,— все что мне было нужно, это сохранить молчание. Мору, его дети и вся его раса отныне будет приноситься в жертву в течение столетий, если не вечно. Я сидела, наверное, полчаса, наслаждаясь местью.

— И что же дальше? — спросил Дженифер.

— Я была удовлетворена и могла подумать о справедливости,— сказала она. Она взяла нож. Мору выпрямился. Она подошла к нему и разрезала веревку.

— Иди,— сказала она,— и помни о нем.

HAIR: MATT SILVER
WHITE

HAIR: MATT BLACK

EYES: LIGHT BLUE

EYES: BLUE

WINTROP: 1958 Y
20 CENTURY

WINTROP: 2458 Y
25 CENTURY

248540/F/XW

281045

S8
ONN
OFF

1827

184

44CC

УИЛЬЯМ ТЕНН

1048 1979 2000 2001

20

900 2000 300

3000

3004 3005

A LEFT

RIGHT

B

C

1224

1224

1228

1229

3524

Фантастическая
повесть

UNITED STATES EXPERIMENTAL
2584C.F.W.D.E.O.P.

БЫЛ УПРЯМ

2450 ONN

NEW TIME

FIRST TIME

SECOND
TIME

20TH
CENTURY

21
CENTURY

22 CENTURY

В этом заключалась вся беда. Таково было общее мнение.

Уинтроп был упрям.

Миссис Бракс взбешенно уставилась на грех своих товарищей — посетителей из двадцатого века.

— Но он не имеет права!.. — воскликнула она. — Он же не один... Он должен подумать о нас! Не бросит же он нас на мели в этом безумном мире!

Дэйв Поллок пожал плечами, обтянутыми консервативным серым костюмом, так контрастировавшим с окружением двадцать пятого века, где они находились. Это был тощий, нервный молодой человек, его руки имели неприятное свойство потеть. Но сейчас все были весьма потными.

— Он сказал, что мы будем еще благодарны. Но ему плевать, благодарны мы или нет. Он остается.

— Это же значит, что нам придется остаться, — жалобно сказала миссис Бракс. — Разве он этого не понимает?

Поллок беспомощно простер влажную ладонь.

— Какая разница? Он твердо решил оста-

ться. Ему нравится двадцать пятый век. Я спорил с ним два часа. Я никогда не видел такого упрямого. Я так и не смог сдвинуть его с мертвой точки.

— А почему бы вам не поговорить с ним, миссис Бракс? — предложила Мэри Энн Картингтон. — Он с вами был так любезен. Может быть, вы вразумите его?

— Гмм... — Миссис Бракс поправила прическу, которая после двух недель пребывания в будущем начала растрепываться. — Вы так думаете? Мистер Мид, как, по-вашему, это хорошая идея?

Четвертый человек в овальной комнате, плотный, среднего возраста мужчина с выражением кота, который должен проглотить канарейку просто из приличия, на секунду задумался и кивнул.

— Хуже не будет. А может, получится. Должны же мы сделать хоть что-нибудь.

— Хорошо. Тогда я попробую.

Миссис Бракс ощутила в себе дух своей бабушки. Она знала, что подумали остальные, но не высказала вслух. Для них они с Уинтропом были «стариками» — обоим за пятьдесят. Следовательно, у них есть что-то общее и они смогут договориться.

То, что Уинтроп старше ее на десять лет, мало что значило для сорокашестилетнего мистера Мида, еще меньше для тридцатичетырехлетнего Дэйва Поллока и, вероятно, совсем ничего для двадцатилетней Мэри Энн Картингтон. Один из «стариков» вполне способен образумить другого, вероятно, думали они.

Что они знали, со своей дистанции юности, о пропасти, разделявшей Уинтропа и миссис Бракс даже больше, чем всех остальных? Им было неважно, что он непробиваемый и неэмоциональный старый холостяк, а она сердечная и общительная мать шестерых детей, бабушка двух внуков, с годовщиной серебряной свадьбы, гордо оставшейся позади. Они с Уинтропом обменялись едва ли дюжиной фраз с тех пор, как прибыли в будущее. Они питали друг к другу отвращение с того момента, как встретились в Вашингтоне в финале путешествия во времени.

Но... Уинтроп был упрям. Факт оставался фактом. Мистер Мид хохотал над ним своим лучшим, чиновничьим, смехом. Мэри Энн Картингтон напоминала о его старости своей юной, гибкой фигуркой и порхающим голоском. Даже Дэйв Поллок, человек воспитанный, преподаватель в высшей школе со степенью магистра чего-то там, даже он говорил, что у старика нет сердца и его невозможно расшевелить.

Итак, все было возложено на нее. Кто-то должен был переубедить Уинтропа, иначе все они останутся в будущем, здесь, в этом ужасном двадцать пятом веке. Неважно, что она ненавидит его больше остальных, что повидала в своей жизни горе... но это было возложено на нее.

Она встала и расправила складки на своем дорогом черном платье, которое муж купил у «Лорда Тейлора» за день до отбытия группы. Попробуйте только сказать Сэму, что ее избрали по чистой случайности, что это был лишь вопрос психоподборки в послании из будущего! Сэм не станет и слушать... Вероятно, он расхвастался всему магазину, всем своим закройщицам о том, что его жена — одна из пятерых, выбранных из всех Соединенных Штатов Америки для путешествия на пятьсот лет в будущее! И что он скажет, когда минует шесть часов, а она не вернется? Осознание этого пробилось сквозь подушки груди и зашвербило в носу.

Мэри Энн Картингтон сочувственно прошептала:

— Я велю прислать джампер, миссис Бракс?

— Что я, по-вашему, сошла с ума? — сердито вспыхнула миссис Бракс. — До нижнего холла немного ходьбы, нужен мне этот ваш мозгодер! Здесь недалеко, я могу пройтись и пешком.

Она направилась к двери, прежде чем девушка успела вызвать это ужасное изобретение, которое перемещает с одного места на другое, и от которого кружится голова и переворачивается желудок. У двери она на секунду остановилась и бросила последний задумчивый взгляд на комнату, прежде чем покинуть ее. Несмотря на то, что это никоим образом не походило на ее уютную пятикомнатную квартиру в Бронксе, она провела здесь почти каждую минуту из своих двух недель в будущем и, невзирая на стены жутких расцветок и странную обстановку, возненавидела саму мысль о том, что ее придется покинуть. По крайней мере, здесь ничто не журчало по полу, ничто не протягивалось со стен. Здесь было ровно столько здравомыслия, сколько она могла обнаружить в двадцать пятом веке. Она проглотила твердый комок в горле, с запоздалым раскаянием сказала: «Ах!» и закрыла за собой дверь.

Она быстро пошла по коридору, стараясь держаться середины, чтобы быть как можно дальше от неровных, коричневых стен.

В том месте коридора, где пурпурная стена безостановочно обтекала устойчивый желтый прямоугольник, она остановилась. Борясь с отвращением, она приблизила к нему губы.

— Мистер Уинтроп? — спросила она.

— Да-да, уж не миссис ли это Бракс? — прогудел в ответ прямоугольник. — Давненько вас не видел. Входите прямо в него, миссис Бракс!

В центре желтой заплаты появилась крошечная дырочка, которая быстро расширилась в дверной проем. Она шагнула в него в высшей степени осторожно, словно могла упасть с высоты нескольких этажей.

Комната имела форму длинного узкого равнобедренного треугольника. В ней не было ни мебели, ни другого выхода, кроме того, что предлагал желтый прямоугольник. Разноцветные полосы точно гонялись друг за другом по стенам, полу и потолку, меняя преобладающий оттенок интерьера по всему спектру. А за цве-

том следовали запахи, запахи, появлявшиеся и на короткое время наполнявшие комнату, одни неприятные, другие интригующие, но все незнакомые и чужие. Откуда-то из-за стен и потолка доносилась музыка, ее тихие звуки мягко дополняли цвета и запахи. Музыка была слишком странной для ушей человека двадцатого века: нити диссонанса, за которыми следовали длинные или короткие паузы, и в их окружении почти неслышную мелодию можно было принять за островок в океане странных звуков.

В дальнем конце комнаты, в острой вершине треугольника, на приподнятой секции пола лежал пожилой человек. Периодически приподнятая секция то слегка поднималась еще выше, то опускалась, покачиваясь, как корова, пытающаяся найти удобное положение на траве.

Единственное его одеяние тоже все время изменялось. Одну секунду это была белоснежная туника, покрывавшая его с плеч до бедер, потом она резко вытянулась в зеленую мантию, обернувшую его до щиколоток, — и резко сжалась в светло-коричневые плавки, отделанные сложным узором из сверкающих голубых раковин.

Миссис Бракс смотрела на все это с почти религиозным неодобрением. Человек должен быть одет, смутно чувствовала она, в следующую секунду так же, как и в предыдущую, а не бешено метаться из одного наряда в другой, как на смонтированной киноленте.

Уинтроп положил на пол огромное яйцо, которое держал в руках.

— Присаживайтесь, миссис Бракс, дайте ногам отдых, — весело предложил он.

Вздвигнув при виде пола, поднявшегося холмиком по знаку хозяина, миссис Бракс, поколебавшись, согнула колени и села, едва касаясь его напряженным телом.

— Как... как вы тут, мистер Уинтроп?

— Чудесно, просто чудесно! Лучше и быть не может, миссис Бракс. Вы видели мои новые зубы? Я получил их только сегодня утром. Посмотрите.

Он открыл рот и оттянул пальцами губы.

Миссис Бракс подалась вперед, по-настоящему заинтересованная, и осмотрела полный рот белой, сияющей эмали.

— Хорошая работа, — наконец произнесла она, кивнув. — Здешние дантисты так быстро сделали их для вас?

— Дантисты? — Он развел костлявые руки широким, веселым жестом. — У них в 2458 году нет дантистов. Они вырастили мне эти зубы, миссис Бракс.

— Вырастили? Как вырастили?

— Откуда я знаю, как? Они умны, вот и все. Гораздо умнее нас, во всяком случае. Я услышал о регенерационной клинике. Там, если вы потеряли руку, вам вырастят ее прямо из обрубка, легко, как и все прочее. Я пошел туда и сказал: «Я хочу новые зубы» машине, что стоит там у них. Машина велела мне сесть: раз, два, три — и все! Я выбросил свои железки. Хотите попробовать сами?

Она встревоженно шевельнулась на своем холмике.

— Может быть... но я лучше подожду, пока это не усовершенствуют...

Уинтроп рассмеялся.

— Вы напуганы, — провозгласил он. — Вы, как и все остальные, напуганы двадцать пятым веком. Все новое, все иное — и вам хочется спрятаться в нору, как кроликам. И только у меня, Уинтропа, есть мужество. Я самый старый из вас, но это не имеет значения. Мужество есть только у меня.

Миссис Бракс улыбнулась дрожащими губами.

— Но, мистер Уинтроп, без вас никто не вернется обратно. У меня семья, у мистера Мида тоже, мистер Поллок только что женился, а мисс Картингтон обручена. Мы все хотим вернуться, мистер Уинтроп.

— Мэри Энн обручена? — Старый бесстыдник захихикал. — Никогда бы не подумал, глядя, как она увивается вокруг темпорального руководителя. Эта малютка вешается на любого, до кого только может дотянуться.

— Однако же, мистер Уинтроп, она обручена. С бухгалтером из ее конторы. Прекрасный, трудолюбивый мальчик. И она хочет вернуться к нему.

Старик приподнялся, пол-кушетка сгорбилась и нежно почесала его между узких лопаток.

— Тогда пусть возвращается. Кто, черт возьми, ей мешает?

— Но, мистер Уинтроп... — миссис Бракс облизнула губы и крепко стиснула руки. — Она не сможет вернуться, и все мы не сможем вернуться, если не вернемся вместе. Помните, что говорили, когда мы прибыли сюда, эти

темпоральные руководители? Мы все должны сидеть в креслах в здании машины времени ровно в шесть часов, когда они сделают то, что называют переносом. Если мы не соберемся все там в надлежащее время, они не смогут сделать перенос. Так они сказали. Таким образом, если один из нас, если вы, например, не явитесь...

— Не говорите мне о ваших делах,— резко прервал ее Уинтроп. Лицо его побагровело, верхняя губа приподнялась, обнажив новые зубы. Пронесся неприятный запах, и на стенах появились малиновые пятна, комната приспособилась к настроению хозяина. Музыка превратилась в резкое, отрывистое гроыхание.

— Все хотят, чтобы Уинтроп сделал им одолжение. А что они когда-либо сделали Уинтропу?

— А? — спросила миссис Бракс.— Я вас не понимаю.

— Вы, проклятая зануда, не понимаете меня? Когда я был маленьким, мой старик обычно возвращался домой каждую ночь в стельку пьяный и дьявольски колотил меня. Я был слабым, и все мальчишки в квартале также избивали меня. Когда я вырос, то получил шивую работу и шивую жизнь. Помните депрессию и очереди безработных за даровой похлебкой? Ну, как вы думаете, кто стоял в этих очередях, в каждой проклятой очереди по всей проклятой стране? Я — вот кто. А потом, когда вернулись хорошие времена, я был уже слишком стар для приличной работы. Ночной сторож, сборщик вишен, мусорщик — вот это для меня. Дешевые меблированные комнаты. Все получают подливку, Уинтроп — объедки.

Он поднял с пола большой яйцевидный предмет, который изучал, когда вошла она, и грустно уставился на него. В красном освещении комнаты его лицо казалось темно-багровым. На тонкой шее подрагивала выступающая жилка.

— Да... Как вы сказали, у всех есть кто-то, к кому они хотят вернуться, у всех, кроме меня. Будьте вы прокляты, мне не к кому возвращаться! Черт побери, у меня никогда не было друзей, не было жены, не было даже девушки, которая осталась бы со мной после того, как опустошила мой карман! Так зачем мне возвращаться? Здесь я счастлив, я получаю все, что хочу, и не должен за это платить. Вы

хотите вернуться, потому что чувствуете, что здесь все по-иному — вам здесь неудобно. А мне — нет. Я здесь прямо как дома, которого у меня не было. Я хорошо провожу время. И остаюсь.

— Послушайте, мистер Уинтроп,— миссис Бракс нетерпеливо подалась вперед и тут же подпрыгнула, когда сиденье под ней тоже подалось вперед. Она поднялась, решив, что на ногах может, по крайней мере, наслаждаться минимальным контактом со своим непосредственным окружением.— Послушайте, мистер Уинтроп, у всех есть в жизни неполадки. С моей дочерью Энни у меня было время, какого я не пожелала бы и злейшему врагу. И с моим Джулиусом... Но разве из-за того, что у меня были несчастья, я должна причинять их другим? Разве я не позволю им вернуться домой, когда они больны и устали от машин переноса, машин пищевых и... я не знаю... машин, машин...

— Кстати, о пищевых машинах,— задрал нос Уинтроп.— Вы видели мой новый продовольственный фонограф? Последняя модель. Я услышал о ней прошлой ночью, сказал, что хочу такой, и будьте уверены, утром он был доставлен к моей двери. Без хлопот, без ожидания, без денег. Вот это мир!

— Но это не ваш мир, мистер Уинтроп. Вы не сделали для него ничего, вы не работали на него. Даже если здесь все бесплатно, у вас нет на это прав. Вы должны принадлежать к этому миру, должны иметь на него права.

— В их законах ничего не говорится об этом,— рассеянно заметил он, открыл огромное яйцо и уставился на набор циферблатов, переключателей и краников.— Смотрите, миссис Бракс, двойной контроль объема, двойной контроль окраски, тройной контроль витаминов. Это вещь! Скажем, вот этими рычажками можно повышать маслянистость пищи, этими сладость... а если вы нажмете эту кнопку, то можете сжать еду так, что ее станет не больше чем на глоток, и вы сможете вкусить еще пару других композиций. Хотите попробовать? Я настроил ее на последнюю вещь Уинни Оэхла, нового альдебаранского композитора, «Воспоминание о марсианском суфле».

Она нетерпеливо мотнула головой.

— Нет, по-моему, еда должна подаваться на тарелках. Я не хочу и пробовать это. Большое спасибо.

— Вы многое теряете. Поверьте мне, леди, очень многое... Первое блюдо — нечто легкое, быстрое, все травы с Альдебарана IV, смешанные с пряным уксусом с Альдебарана IX. Второе блюдо, «Консоле гранд», более медленное и величественное. Оэхел основал его на похлебке из белого ганла, дикого кроликоподобного животного, которое водится у них на Альдебаране IX. Он использует только местную альдебаранскую пищу, чтобы намекнуть на марсианское кушанье. Понимаете? То же самое, что сделал Крецмейер в «Долгоиграющем десерте на Фобосе и Деймосе», только гораздо лучше. Более совершенно, если вы понимаете, что я имею в виду. Ну, а в третьем блюде Оэхел действительно поднялся до недостижимых высот. Он...

— Пожалуйста, мистер Уинтроп, — взмолилась миссис Бракс, — Довольно! Хватит! Я ничего больше не хочу слушать. — Она свирепо поглядела на него, пытаясь сдержать презрительную гримасу. Нечто подобное она слышала много лет назад от своего сына Джулиуса, когда он шлялся с бездумной толпой музыкантов из соседнего колледжа и часами разглагольствовал о непонятных для нее вещах, почерпнутых из музыкальных обзоров в ежедневных газетах и статей в альбомах пластинок. Единственное из этого, что она выучила, и то с трудом, как распознавать мощную эстетику.

Уинтроп пожал плечами.

— Ладно, ладно. Но подумайте, не хотите ли вы, по крайней мере, попробовать? Другие уже пробовали. Они взяли по кусочку классического Крецмейера или Джурна и Хока, им не понравилось и они выплюнули... Но вы ведь не живете ничем иным, кроме проклятой еды двадцатого века, с тех пор, как прибыли сюда. С первого же дня вы не научились есть вне своей памяти. А как вы решили оформить свою комнату!.. Это так старомодно, что меня тошнит. Вы живете в двадцать пятом веке, леди, очнитесь!

— Мистер Уинтроп, — строго сказала она, — да или нет? Вы собираетесь быть хорошим или...

— Вам пятьдесят лет, — сказал он. — Пятьдесят, миссис Бракс. Сколько вы можете надеяться еще прожить в наше время? Еще десять — пятнадцать лет. И все. Здесь вы проживете еще лет двадцать. Они могут творить чудеса со своими мудрыми машинами. И здесь

нет ни войн, ни эпидемий, ни депрессий, ничего. Все доступно, масса интересного, Марс, Венера, звезды. Почему, черт возьми, вы так безумно рветесь назад?

— Потому что там мой дом, — зарыдала миссис Бракс, уже наполовину потеряв самообладание. — Потому что там мне все понятно. Потому что я хочу быть со своим мужем, детьми, внуками. И потому что мне не нравится здесь, мистер Уинтроп, мне так не нравится здесь!

— Ну, так возвращайтесь! — гаркнул Уинтроп. Комната, которая за последние несколько минут установилась в бледных золотисто-желтых тонах, вновь вернулась в розовый, согласно его настроению. — Убирайтесь ко всем чертям назад! У всех вас слишком мало мужества. Даже у этого молодого парня... как его там... кажется, Дэйв Поллок. Он провел со мной первую неделю и попробовал все по разу. Но все это слишком напугало его, и он вернулся в свою маленькую старомодную комнатку. Это слишком упаднически, заявил он, да, слишком упаднически. Так забирайте его с собой и возвращайтесь — все вы!

— Да не можем мы вернуться без вас, мистер Уинтроп. Вспомните, ведь нам сказали, что перенос должен быть совершен в обе стороны. Если останется один, останутся все. Мы не можем вернуться без вас.

Уинтроп улыбнулся, показав пульсирующую на шее вену.

— Проклятые людишки, вы не можете вернуться без меня? А я остаюсь. Это единственное, на что старый Уинтроп твердо настроен.

— Пожалуйста, мистер Уинтроп, не упрячьтесь. Будьте добры, не вынуждайте нас прибегнуть к силе.

— Вы не можете заставить меня вернуться силой, — сказал он, бросив на нее торжествующий взгляд. — Я знаю свои права. Согласно законам Америки двадцать пятого века, никого нельзя заставлять что-либо сделать силой. Факт. Я под защитой закона. Если вы нападете на меня, чтобы увести отсюда силой, я стану кричать, что меня заставляют насильно, и — раз, два, три! — появится толпа правительственных машин и вернет мне свободу. Так у них заведено. Вбейте это в свою старую тыкву!

— Послушайте, — сказала она, уже собираясь уходить, — к шести часам мы все будем

в здании машины времени. Может быть, вы передумаете, мистер Уинтроп?

— Нет,— выпалил он.— Это единственное, в чем вы можете быть уверены. Я не изменю своих намерений.

Тогда миссис Бракс вернулась в свою комнату и сказала остальным, что Уинтроп упрям, как всегда.

* * *

Оливер Т. Мид, вице-президент по общественным связям «Септические Резервуары Свитботтома, инк.», Гэри, штата Индиана, нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотнику красного кожаного кресла, которое комната миссис Бракс создала специально для него.

— Смешно! — воскликнул он.— Смешно и совершенно нелепо! Этот отщепенец, бродяга хочет помешать людям вернуться к своим делам... Вы знаете, что через несколько дней состоится торговое совещание «Свитботтом» относительно розничных выпусков? Я должен быть там. Я непременно обязан вернуться сегодня ночью в наше время согласно расписанию, без всяких там «если» и «но». Могу вам сказать, случится ужасное несчастье, если до конца срока ответственные за нашу экскурсию не поймут этого.

— Держу пари, что поймут,— сказала Мэри Энн Картингтон, похлопав круглыми, почтительными, подкрашенными глазами.— Такая солидная фирма, как ваша, может всыпать им за это, мистер Мид.

Дэйв Поллок устало поморщился.

— Фирма, которая просуществует пятьсот лет? Кому они могут пожаловаться... в учебники истории?

Оливет Т. Мид в отчаянии махнул рукой. Миссис Бракс прижала руки к груди и сказала:

— Не ссорьтесь, не надо. Давайте поговорим, подумаем, только не ругайтесь. Вы думаете, мы вправду не сможем заставить его вернуться?

Мистер Мид откинулся на спинку кресла и взглянул в несуществующее окно.

— Может быть. С другой стороны, может, и нет. Я хочу верить, что в 2458 году есть хоть что-нибудь — что-нибудь! — кроме преступной безответственности. Они пригласили нас посетить их время, и теперь не прилагают ни малейших усилий убедиться, что мы вернулись в целостности и сохранности по окончании двух

обещанных недель... кроме того, что будет с их людьми, посетившими наше время, с той пятеркой, с которой мы обменялись? Если мы застрянем здесь, они застрянут в 1958 году. Навсегда. Любое правительство, достойное носить это звание, должно защищать своих граждан. Без этого оно менее чем никчемно: драть налоги, плодить бюрократию, это... просто преступно!

Дерзкое личико Мэри Энн Картингтон кивало при каждом ударе его кулака о красный кожаный подлокотник.

— Я говорю то же самое. Только правительство здесь, кажется, состоит из одних машин. Как можно спорить с машинами? Единственный правительственный человек, которого мы видели здесь с тех пор, как прибыли, это мистер Сторку, который официально пригласил нас в Соединенные Штаты Америки 2458 года! А он, кажется, не очень интересуется нами. По крайней мере, он не показывает никакого интереса.

— Вы имеете в виду руководителя Протокола Департамента Штата? — спросил Дэйв Поллок.— Который зевал, пока вы говорили ему, как прекрасно он выглядит?

Девушка слегка погрозила ему, сопровождая свой жест укоризненной улыбкой.

— О, вы...

— Ну, тогда нам нужно кое-что сделать. Кое-что.— Мистер Мид поднялся и стал поочередно загибать пальцы на правой руке.— Мы должны действовать через этого единственного человека в правительстве, которого встретили лично, этого мистера Сторку. Это раз. Во-вторых, мы должны выбрать среди нас представителя. В-третьих, этот представитель должен пойти к мистеру Сторку как официальное лицо и выложить перед ним факты. Факты полные и недвусмысленные. Раз его правительство смогло связаться с нашим, факт, что путешествие во времени возможно, но только если соблюдать определенные физические законы, в частности, закон о... закон о... Какой закон, Поллок?

— Закон сохранения массы и энергии. Материя или ее эквивалент в энергии не может ни появляться, ни исчезать. Если вы хотите переправить пять человек из континуума 2458 года в континуум 1958 года, то должны перемещать их одновременно с пятью людьми точно такой же массы и сложения из нашего времени.

В противном случае получается нехватка массы в одном пространственно-временном континууме и излишек в другом. Это как химическое уравнение...

— Это все, что я хотел узнать, Поллок. Я не студент в вашей аудитории, не пытайтесь произвести на меня впечатление.

Молодой человек хмыкнул.

— Кто пытается производить на вас впечатление? — воинственно спросил он. — Что вы можете сделать для меня? Дать работу в вашей империи септических резервуаров? Я только хочу объяснить вам, что перед вами масса хлопот. В этом суть нашей проблемы: закон сохранения массы и энергии. Из способа, которым машина перенесла нас пятерых и их пятерых, вытекает, что никто не сможет сделать обратную переброску, если все мы впятером и все они не будут присутствовать на обоих концах связи в один и тот же момент.

Мистер Мид медленно и саркастически кивнул.

— Прекрасно, — сказал он, — прекрасно! Большое вам спасибо за лекцию, но теперь, если вы не против, я, пожалуй, продолжу. Некоторые из вас не работают, но наше время ценно.

— Слушайте промышленного магната! Не так ли? — шутливо намекнул Поллок. — Его время бесценно! Послушайте, Олли, дружище, пока Уинтроп будет продолжать упрямиться, мы все застрянем здесь. А тут в 2458 году мы все новички, дикари из дикого прошлого. К вашему сведению, сейчас ваше время — мое время, и наоборот.

— Тс-с-с! — приказала миссис Бракс. — Будьте добры, продолжайте, мистер Мид. Это очень интересно. Разве не интересно, мисс Картингтон?

Блондинка кивнула.

— Конечно. Они не могут наказывать людей ни за что. Вы ставите вопросы так... так прямо, мистер Мид.

Оливер Т. Мид, немного успокоившись, благодарно улыбнулся ей.

— Значит, в-третьих. Мы выкладываем факты перед мистером Сторку. Мы говорим ему, что пришли честно после того, как нас выбрали из всей нации, чтобы подобрать точные подобию пятерых людей из его эпохи. Мы сделали это отчасти из естественного и вполне понятного любопытства узнать о будущем

и отчасти из патриотизма. Да, патриотизма! Разве Америка 2458 года не наша родина, пусть странно и необъяснимо изменившаяся? Как патриоты, мы не могли поступить иначе, как патриоты, мы...

— О, ради бога! — взорвался преподаватель. — Оливер Т. Мид клянется в преданности флагу! Мы знаем, что вы делаете для нашей страны под защитой рыночных расценок. Вы ни подо что не подкапываетесь, да?

В комнате наступило долгое молчание, пока сильный, среднего возраста человек разыгрывал пантомиму борьбы за самообладание. Пантомима закончилась, он хлопнул ладонями по бокам своего темного, делового, сшитого на заказ, костюма и сказал:

— Поллок, если вы не хотите слушать, что я говорю, можете выйти подышать в холле. Как я уже сказал, объяснив все факты мистеру Сторку, мы подойдем к имеющему место тупику. Мы честно расскажем, что Уинтроп отказался возвращаться с нами. И мы потребуем — вы слышите меня? — потребуем, чтобы американское правительство этого времени предприняло надлежащие шаги, для того, чтобы обеспечить нам безопасное возвращение в наше время, даже если для этого потребуется применить... ну, военный закон к Уинтропу. Мы изложим это Сторку спокойно, ясно, точно.

— И это вся ваша идея? — насмешливо спросил Поллок. — А что, если Сторку ничего на это не скажет?

— Он не может ничего не сказать, если подать это правильно. Властность, мне кажется, правильная линия. Это будет предъявлено ему достаточно властно. Мы граждане — во временном протязении — Америки. И требуем охраны своих прав. С другой стороны, если он откажется признать наше гражданство, мы потребуем возвращения туда, откуда прибыли. Это право любого иностранца в Америке. Он не может отказать. Мы объясним, чем рискует его правительство: потерей доброй воли, неправым ущербом будущим контактам между двумя эпохами. Его правительство обвинят в нарушении обещаний и все такое прочее. В таких делах нужно подобрать правильные слова и произнести их вежливо и твердо.

Миссис Бракс согласно кивнула.

— Я верю. Вы сможете сделать это, мистер Мид.

Толстяк, казалось, начал худеть, как проколотый воздушный шарик.

— Я?

— Конечно,— с энтузиазмом воскликнула Мэри Энн Каррингтон.— Только вы можете сказать это как надо, мистер Мид. Только вы можете представить все... ну... правильно. Как вы говорили, это нужно сказать вежливо и твердо. Кто еще, кроме вас, может...

Дэйв Поллок засмеялся.

— Ну, не скромничайте, Олли! Вы поладите со Сторку не хуже любого из нас. Вы избраны. Кроме того, разве это не касается общественных отношений? А вы в этих делах большой человек.

Мистер Мид попытался выразить в одном взгляде всю ненависть во Вселенной. Затем махнул рукой и пожал плечами.

— Отлично. Если никто из вас не годится для этого дела, я займусь им сам. Я скоро вернусь.

— Джампер, Олли? — спросил Поллок, когда он выходил из комнаты.— Почему бы вам не воспользоваться джампером? Это быстрее.

— Нет, благодарю вас,— коротко ответил мистер Мид.— Я пойду пешком. Мне необходим моцион.

Он поспешно прошел по коридору к лестнице. Хотя он спускался по ней упругой, исполнительной рысью, лестница, казалось, почувствовала, что он идет недостаточно быстро. Эскалатор двинулся и все наращивал скорость, пока мистер Мид не споткнулся и чуть не упал.

— Стой, проклятая! — взревел он.— Я могу идти сам!

Лестница немедленно прекратила течение вниз. Он вытер лицо широким носовым платком и стал спускаться опять. Через несколько секунд лестница снова превратилась в эскалатор.

Снова и снова он приказывал ей остановиться, и снова и снова лестница повиновалась, а затем украдкой старалась ему помочь. Она напоминала большого, любящего сенбернара, который однажды упорствовал, принося мертвого воробья и полевую мышь в дом как дары от переполненного сердца. Когда страшные вещи были выброшены, собака через пять минут принесла их обратно и положила на ковер жестом, говорящим: «Нет, я в самом деле хочу подарить их вам. Примите как легкое выражение моего уважения и благодарности. Берите, берите их и будьте счастливы».

Наконец, он разрешил страшной лестнице двигаться и, очутившись на уровне земли, прошел по инерции так быстро, что с ужасной скоростью вылетел из пустого вестибюля на тротуар, рискуя сломать себе ногу или свихнуть спину.

К счастью, тротуар под ним двинулся. Когда он качнулся влево, тротуар сделал то же самое, бережно, но точно сохраняя ему равновесие. Он, наконец, встал твердо и пару раз глубоко вздохнул.

Тротуар слегка дрогнул, ожидая, пока он выберет направление, чтобы помочь.

Мистер Мид в отчаянии огляделся. На широкой улице не было ни души.

— Что за мир! — простонал он.— Что за безумный мир! Есть здесь полицейский... или хоть кто-нибудь?!

Внезапно этот «кто-нибудь» появился. Почти над его головой раздалось хлопанье работающего джампера, и на высоте двенадцати футов появился человек. За ним маячил некто, закутанный по глаза и напоминающий оранжевую изгородь.

Часть тротуара взметнулась и мягко опустила их на уровень земли.

— Послушайте,— закричал мистер Мид,— я так рад, что встретил вас! Я пытаюсь добраться до Государственного Департамента и не знаю, куда идти. Я прошу немного помочь мне.

— Извини, мы с Клап-Лиллтой должны через полчаса вернуться на Ганимед. Мы опаздываем на прием. Почему бы тебе не вызвать правительственную машину?

— Кто это? — спросила оранжевая изгородь, когда они быстро направились к входу в здание, и тротуар под ними поплыл, как счастливая река.— Он не так н а г р а мне, как вы все.

— Путешественник во времени,— объяснил первый.— Из прошлого. Один из обменных туристов, что прибыли две недели назад.

— А-а! — сказала изгородь.— Из прошлого. Не удивительно, что я не могу н а г р а его. Вполне возможно. Знаешь, мы на Ганимеде не верим в путешествия во времени. Это противоречит нашей религии.

Землянин хмыкнул и ткнул изгородь в перекладины.

— Ох уж ты со своей религией! Ты такой же атеист, как и я, Клап-Лилл. Когда ты

в последний раз был на церемонии шкут-сим?

— Не позднее последнего сизгиз Юпитера и Солнца,— кивнула изгородь.— Но это неважно. Я еще на хорошем счету. Все вы, люди, ничего не понимаете в религии Ганимеда...

Голос его оборвался, когда они исчезли в здании. Мистер Мид чуть было не плюнул им вслед. Затем взял себя в руки. У них нет времени валять дурака — и кроме того, он в странном мире с обычаями, безумно отличающимися от привычных ему. Кто знает, какое наказание следует за плевков?

— Правительственная машина,— смиренно сказал он в пустоту.— Мне нужна правительственная машина.

Он чувствовал себя немного глупо, но его инструктировали, что именно так следует поступить в критическом положении. И тут же перед ним возникла из пустоты сверкающая путаница проводов, катушек и разноцветных панелей.

— Да? — спросил безжизненный голос.— Нужны услуги?

— Мне нужно встретиться с мистером Сторку из вашего Государственного Департамента,— объяснил мистер Мид, подозрительно уставившись на ближайшую к нему большую катушку.— И у меня неприятности с тротуаром. Я могу упасть и разбиться, если он не перестанет двигаться подо мной.

— Извините, сэр, но никто не падал на тротуаре за последние двести лет, это очень чувствительный тротуар, который вряд ли мог бы избежать нашего внимания при еженедельных психологических проверках. Могу я предложить вам взять джампер? Я вызову его для вас.

— Я не хочу воспользоваться джампером. Я хочу идти пешком. Все, что вам нужно сделать, это велеть проклятому тротуару успокоиться и быть неподвижным.

— Извините, сэр,— повторила машина,— но тротуар исполняет свои обязанности. Кроме того, мистера Сторку нет в его кабинете. Он занимается духовными упражнениями на Поле Криков или на Стадионе Паники.

— О, нет,— простонал мистер Мид. Сбывались худшие его опасения. Он не хотел идти в названные места.

— Извините, сэр, но он там. Минуточку,

я проверю.— По катушкам пробежала яркая голубая искра.— Мистер Сторку занимается сегодня криками. Он нынче почувствовал излишнюю агрессивность. Он приглашает вас присоединиться к нему.

Мистер Мид подумал. Он не испытывал ни малейшего желания идти в эти места, где нормальные люди на пару часов становились сумасшедшими. С другой стороны, времени оставалось мало, Уинтроп по-прежнему упрямылся.

— Ладно,— сказал он с несчастным видом.— Я присоединяюсь к нему.

— Я вызову джампер, сэр?

Толстяк отступил.

— Нет! Я... я пойду пешком.

— Извините, сэр, но тогда вы не успеете к началу Крика.

Вице-президент «Свитботтома», ответственный за общественные отношения положил потные ладони на лицо и мягко помассировал его, чтобы успокоиться. Он должен помнить, что это не коридорный, на которого можно пожаловаться дирекции, не глупый полицейский, о котором можно написать в газету, не плохой секретарь, которого можно уволить, и не нервная жена, на которую можно наорать,— это всего лишь машина, в цепи которой заложены реакции на голос. Если его перед ней хватит удар, она ничуть не взволнуется, просто вызовет еще одну, медицинскую машину. Все, что можно с ней сделать, это выдать ей или получить от нее информацию.

— Я — не — люблю — джамперы,— процедил он сквозь зубы.

— Извините, сэр, но вы выразили желание встретиться с мистером Сторку. Если вы хотите ждать, пока кончится Крик, это не проблема, кроме того, вам посоветуют полететь на Фестиваль Ароматов на Венере, куда он собирается потом. Однако, если вы хотите встретиться с ним немедленно, то должны взять джампер. Других возможностей нет, сэр, если вы не считаете, что мои памятные цепи неадекватны или не хотите добавить в обсуждение новый фактор.

— Я хочу добавить... А, ладно.— Мистер Мид осел, где стоял.— Вызывайте, вызывайте ваш джампер.

— Да, сэр. Готово, сэр.

Пустой цилиндр немедленно материализовался над головой мистера Мида и, пока он

открывал рот, чтобы сказать: «Эй! Я передумал...», скользнул в него.

Темнота. Он почувствовал, как желудок мягко, но настойчиво подступает к горлу. Кишки, селезенка, легкие, казалось, последовали туда же. Затем кости устремились к центру опустевшего живота и стали сжиматься, пока не исчезли совсем. Он коллапсировал.

Внезапно он снова оказался целым и невредимым на большом зеленом лугу с дюжиной человек вокруг него. Желудок вернулся на надлежащее место.

— ...я прииду потом,— закончил он фразу, но замолчал.

Когда спазмы утихли и слезы перестали литься из глаз, перед ним оказался мистер Сторку, высокий, дружелюбный, желтоволосый молодой человек.

— В самом деле, это так просто, мистер Мид. Нужно только сохранять спокойствие во время прыжка.

— Легко... легко сказать,— выдохнул мистер Мид, вытирая платком губы. И почему только Сторку всегда выражает такое покровительственное презрение к нему? — Почему ваш народ... почему он не нашел другого способа передвижения? В мое время удобство в транспорте являлось основным, самым главным принципом индустрии. Любая автобусная или аэрокомпания, которая не заботится, чтобы доставить своим пассажирам максимум комфорта на маршруте, вылетает в трубу в мгновение ока. Либо так, либо у них появляется новая дирекция.

— Он не интригует? — спросила у своего приятеля стоящая возле него девушка. — Он говорит, как в исторических романах.

Мистер Мид злобно взглянул на нее. И поперхнулся. Она была нагая. Все вокруг него были нагими, включая и мистера Сторку. Кто знает, что происходит на этом поле Криков? — нервно подумал он, во всяком случае, прежде он глядел на них с расстояния как зритель, а теперь оказался прямо посреди этих неторопливых лунатиков.

— Ну, вы немного несправедливы,— пожал плечами мистер Сторку. — Во всяком случае, если человек из елизаветинских времен или Древней Греции поехал бы в вашем безлошадном экипаже или на железных лошадях — пользуясь вашим местным языком — ему было бы крайне неудобно, и он испытывал

бы гораздо большее физическое напряжение, чем вы. Это вопрос чистого приспособления к неведомому. Некоторые приспосабливаются, как ваш компаньон Уинтроп, другие — нет, как вы.

— Кстати, об Уинтропе... — начал было мистер Мид, радуясь появившейся возможности сменить тему.

— Все здесь? — спросил возникший из пустоты молодой человек атлетического сложения. — Я ваш ведущий на этом Крике. Идемте, все, своими ногами. Дайте тренировку вашим мускулам. У нас будет по-настоящему хороший Крик.

— Снимите одежду,— сказал мистеру Миду правительственный чиновник. — Вы не сможете участвовать в Крике одетым. Особенно так одетым.

Мистер Мид хрипло ответил:

— Но я и не собираюсь... я пришел сюда только, чтобы поговорить с вами. Я буду наблюдать.

Раздался громкий, раскатистый смех.

— Не можете же вы наблюдать посреди Поля Криков! И кроме того, присоединившись к нам, вы автоматически записались на Крик. Если вы сейчас удалитесь, то потеряете все.

— Потеряю?

Сторку кивнул.

— Конечно. Разное количество стимуляторов применяется к любому разному количеству людей, если хотите развить желание интенсивного Крика в каждом из них. Снимайте одежду и вливайтесь в дело. Маленькое упражнение такого рода великолепно поднимет ваш тонус.

Мистер Мид подумал и стал раздеваться. Он был смущен, жалок и более чем напуган перспективой, но у него было настоящее дело по части общественных отношений с желтоволосым молодым человеком.

В свое время он с удовольствием сосал сигары, которыми угощали его политики, пил в маленьких, неопишимо вонючих барах с важными газетчиками, терпел шипы и стрелы в оскорбительных телепередачах — и все в интересах «Септических Резервуаров Свифтботтома».

И очевидно, что группа, с которой он пришел из 1958 года, состоит из трудяг и головяков. Они никогда не вернутся сами — а с ними и он — в свое время, в мир, где распредели-

тельная система спроса-предложения имеет смысл вместо чего-то, что кажется совершенно ужасным в тех немногих областях, где оно видимо и понятно. В мир, где неодушевленные предметы остаются неодушевленными, где стены не обволакивают вас, мебель не приспосабливается под вами, а одежда не изменяется ежесекундно, словно узоры в калейдоскопе.

Нет, именно на него возложена задача вращения всех в родной мир, и единственный канал эффективных действий проходит через Сторку. Следовательно, Сторку нужно задобрить, и у него должно возникнуть чувство, что Оливер Т. Мид настоящий парень.

Кроме того, когда мистер Мид начал снимать одежду, ему пришло в голову, что некоторые девушки выглядят весьма привлекательно. Они напомнили ему съезд по Септическим Резервуарам в прошлом июле в Дес-Мойнс. Если бы только они не обрывали головы!

Мистера Мида толкали и пихали в толпе. Толпа волновалась — вперед, назад, вправо, влево — сплываясь все более тесно под руководством и впахиванием ведущего Крика. Вокруг слышалась музыка, скорее, просто шум, чем музыка, поскольку в ней не было различной гармонии, и становилась все громче и громче, пока не стала оглушительной.

Кто-то, шевелящийся в поисках равновесия в массе нагих тел, ударил мистера Мида откинутой рукой в живот. Мистер Мид сказал: «Уф!» и затем снова: «Уф!», когда кто-то навалился ему на спину. «Смотреть надо!» — простонала девушка возле него, когда он наступил ей на ногу. «Извините, — ответил он, — но я не могу...» А затем чей-то локоть заехал ему в глаз, и он отступил на пару шагов назад, пока группа снова не изменила направление и не толкнула его вперед.

Он все шел по кругу, толкаемый и толкающий других, ужасные звуки раздирали уши. Он слышал, казалось, все удаляющиеся крики ведущего, командующего: «Вперед, быстрее. Нет, теперь вокруг дерева. Эй, вы, назад в группу, всем вместе. Оставаться всем вместе. Теперь назад, вправо, обратно. Быстрее, быстрее».

Они пошли в обратном направлении, огромная масса людей, толкающих мистера Мида, вдавливающих его в такую же массу людей впереди. Затем они внезапно снова пошли вперед, дюжина маленьких пересекающихся людс-

ких потоков, текущих друг против друга в толпе, и его проволокли на несколько шагов вправо, затем развернули и потащили по диагонали влево. Пару раз его выталкивали на окраину группы, но, что очень удивляло его, когда он думал над этим позднее, он упорно лез назад, в серединку волнующейся толпы.

Это было так, словно он все это время не принадлежал никому, кроме толпы торопливых безумцев. Обритые женские головы ударились ему в грудь, когда группа меняла направление. Он сам ударял кого-то и не обращал внимание на крик и вздохи, которые помогал создавать. Он был частью этой... этого... бог знает, чего. Он был в истерике, в синяках, скользкий от пота, но в голове не было ни одной мысли, кроме того, чтобы удержаться на ногах.

Он был частью толпы и больше ничего не знал.

Внезапно откуда-то с окраины водоворота бегущих, толкающихся нагих тел раздался крик. Это был долгий вопль мощного мужского голоса, он длился и длился, почти заглушив музыку-шум. Женщина впереди мистера Мида подхватила его оглушительным визгом. Кричавший замолчал, и почти сразу же смолкла и женщина.

Затем мистер Мид снова услышал крик, и женщина снова присоединилась к нему, но он не удивился, услышав добавившийся к шуму собственный голос. Он излил в этом крике все расстройство двух последних недель, все удары, толчки и синяки нескольких последних минут, все крушения и ненависть, накопившиеся за всю свою жизнь. Снова и снова раздавался крик, и каждый раз мистер Мид вторил ему. Все вокруг тоже присоединялись к нему, пока, наконец, не образовался устойчивый, неодушевленный вопль всей тесной толпы, скользящей, падающей и гонящей саму себя по огромному лугу. Где-то в уголке сознания мистер Мид испытывал детское удовольствие от ритма, в котором они вопили, и от самого процесса крика.

Удар пульса, удар, крик-к-к-к, удар пульса, удар, крик-к-к-к, удар пульса, удар, крик-к-к-к.

Все вместе, все вокруг. Все вместе. Это было прекрасно!

Позже он не мог сообразить, сколько они бегали и кричали, когда он заметил, что больше не находится в середине плотной толпы.

Все как-то разрезились и растянулись по лугу в длинную, волнующуюся линию. Он испытал легкое смущение. Не теряя ритма криков, он делал усилия, чтобы приблизиться к мужчинам и женщинам справа от него.

Крик резко оборвался. Музыка-шум смолкла. Он устоял перед собой, куда глядел кто-то еще, и увидел это...

Пушистое коричневое животное размером с овцу. Оно повернуло голову и бросило явно дрогнувший, явно испуганный взгляд на них, затем вскочило на ноги и бешено понеслось по лугу.

— Хватайте его! — раздался откуда-то голос ведущего. — Хватайте! Все вместе! Хватайте его!

Кто-то двинулся вперед, и мистер Мид последовал за ним. Снова раздался крик, нескончаемый, неопиcуемый вопль, и он присоединился к нему. Затем он бежал по лугу за пушистым коричневым животным, крича во всю глотку, с затемненным и гордым сознанием, что все рядом с ним делают то же самое.

Уже почти пойманное, животное резко сжалось и прыгнуло назад, через линию людей. Мистер Мид метнулся к нему, выбросив вперед руки. С полной горстью шерсти он упал на колени, а животное ускакало.

Не переставая кричать, он тут же вскочил на ноги. Все повернулись и побежали вместе с ним.

— Хватайте его! Хватайте его! Хватайте его!

Животное бегало взад и вперед по лугу, и люди преследовали его. Оно изворачивалось, увиливало, прыгало, избегая сходящихся групп. Мистер Мид бежал вместе со всеми, бежал в первом ряду. И кричал, кричал...

Куда бы ни поворачивало коричневое животное, люди поворачивали за ним и все приближались и приближались к нему и, наконец, они схватили его.

Толпа сомкнулась. Мистер Мид был первым, кто дотянулся до него. Он ударил его кулаком и пинком опрокинул на землю. Девушка прыгнула на распростершуюся тушу и с искаженным лицом стала рвать его ногтями. Мистеру Миду удалось сомкнуть руку на покрытой мехом ноге. Он сделал ужасный рывок, и нога осталась у него в руке. Он слегка удивился начинавшим ее обрывкам проводов и сложным механизмам.

— Мы схватили его! — пробормотал он, уставившись на ногу. «Мы схватили его, — безумно плясали мысли. — Мы схватили его, мы схватили его!»...

Внезапно он почувствовал себя очень усталым, почти совершенно лишенным сил. Он выбрался из толпы и тяжело опустился на землю, продолжая смотреть на обрывки проводов, торчащих из оторванной ноги.

Тяжело дыша, к нему подошел мистер Сторку.

— Отлично, — сказал он. — Вы получили хороший Крик?

Мистер Мид показал покрытую коричневым мехом ногу.

— Да, получил, — озадаченно сказал он.

Желтоволосый молодой человек рассмеялся.

— А теперь вам нужен хороший душ и порция успокаивающего. Пойдемте. — Он помог мистеру Миду подняться на ноги и, поддерживая его под руку, повел по лугу к широкой желтой площадке под трибунами. Вокруг остальные участники Крика весело щебетали друг с другом, описывая, как хорошо они очистились и привели в порядок свой метаболизм.

Очнувшись в одной из многих кабинок, которыми было наполнено пространство под трибунами, мистер Мид понемногу начал приходить в себя. Похоже, он не стал чувствовать себя лучше.

Что-то ушло из него в последние несколько секунд, когда он рвал механическую добычу, что-то, что он безгранично хотел бы оставить на сыром дне своей души. Он, скорее всего, никогда и не знал, что оно существует.

Он почувствовал себя смутно, гнетуще, как человек, перелистывавший книгу о сексуальных извращениях и вдруг наткнувшийся на особенно безобразную историю, которая в каждой детали является параллелью истории его жизни, и понявший — в единственной ужасной вспышке — точно, что все эти невинные на вид причуды и нюансы относятся лично к нему.

Он попытался напомнить себе, что он по-прежнему Оливер Т. Мид, хороший муж и отец, уважаемый, исполнительный работник, существенная опора общества и местной церкви, но это не помогало. Теперь, и на всю оставшуюся жизнь, он стал совершенно иным существом.

Он должен во что-нибудь одеться и немедленно.

Мистер Сторку кивнул, когда мистер Мид заявил об этом.

— Вы, вероятно, много накопили в себе. Со временем вы начнете освобождаться от этого. Я не беспокоюсь: вы так же в здравом уме, как и любой другой в вашей эпохе. Но вашу одежду уже убрали с поля вместе со всем мусором от нашего Крика, и поле уже готовят для новой партии.

— Что же мне делать? — запричитал мистер Мид. — Я не могу вернуться домой в таком виде.

— Да? — спросил чиновник с изрядной долей любопытства. — Действительно не можете? Гм, очаровательно! Ну, шагните сюда, под этот экипировщик. Я полагаю, вы хотите костюм двадцатого века?

Мистер Мид кивнул и с сомнением занял место под указанным механизмом, когда очередной вновь одетый гражданин Америки двадцать пятого столетия вышел из-под него.

— Да-а... Пожалуйста, сделайте что-нибудь нормальное, что я смогу носить.

Он смотрел, как хозяин быстро регулирует какие-то циферблаты. Из машины над головой раздался легкий гул, и на мистере Миде появился неофициальный черно-белый вечерний костюм. Через секунду он сменился другим, обувь выросла и превратилась в высокие резиновые сапоги, пиджак вытянулся в зюйдвестку. Теперь мистер Мид был прекрасно одет для мостика любого китобойного судна.

— Стоп! — обезумев, закричал он, когда дождевик стал превращаться в явно спортивные трусы. — Вернитесь назад, к первой вещи.

— Вы можете сделать это сами, — указал мистер Сторку, — если ваше подсознание не имеет ничего против. — Однако он снова сунулся к машине и мистер Мид был снабжен твидовым пиджаком и бриджами для гольфа, такими популярными в 1920 годах.

— Так лучше?

— Я... Кажется, да. — Мистер Мид нахмурился, взглянув на себя. Конечно, это был странный костюм для вице-президента «Септических Резервуаров Свитботтома», вернувшегося в свое время, но, по крайней мере, это был костюм. И скоро он будет дома...

— Теперь послушайте, Сторку, — сказал он, потирая руки и отбросив непристойные воспоминания о самом себе. — У нас непри-

ятности с Уинтропом. Он не хочет возвращаться с нами.

Они вышли наружу и остановились на краю луга. Вдалеке был организован новый Крик.

— Ну и что? — спросил без малейшего интереса Сторку. Он показал на шумную толпу толкающихся голых людей. — Знаете, два-три таких занятия, и ваша психика будет в прекрасной форме. Хотя, глядя на вас, я бы сказал, что Стадион Паники был бы куда лучше. Почему бы вам не заняться этим? Одна первоклассная, визжащая, головокружительная Паника, и вы будете абсолютно...

— Благодарю вас, нет! Мне уже достаточно этого, вполне достаточно. Моя психика — мое личное дело.

Желтоволосый молодой человек серьезно кивнул.

— Конечно. «Психика взрослого индивидуума не подлежит ничьей юрисдикции, кроме интересов самого взрослого индивидуума» Конвенция от 2314 года, единогласно принятая всем населением Соединенных Штатов Америки. Позднее, конечно, расширена международным плебисцитом от 2337 года, включающим весь мир. Но я лишь сделал личное, дружеское предложение.

Мистер Мид заставил себя улыбнуться. Он был огорчен, обнаружив, что, когда улыбнулся, лацканы пиджака встали торчком и нежно пригладили щеки.

— Не обижайтесь, не обижайтесь. Я уже сказал, что получил все, что хотел, от этого сумасбродства. Но что вы собираетесь делать с Уинтропом?

— Делать? Конечно, ничего. Что мы можем сделать?

— Вы можете заставить его вернуться! Вы представитель правительства, не так ли? Правительство пригласило нас сюда, правительство ответственно за нашу безопасность.

У мистера Сторку был недоумевающий вид.

— Разве вы не в безопасности?

— Вы знаете, что я имею в виду, Сторку. Наше благополучное возвращение. Правительство ответственно за него.

— Нет, если ответственность предполагает вмешательство в желания и действия взрослого индивидуума. Я только что процитировал вам Конвенции от 2314 года, мой друг. Вся правительственная философия обуславливает,

что Конвенция основана на полной независимости индивидуума. Силу никогда нельзя применять к взрослому гражданину, и даже официальное убеждение может быть применено лишь в крайних и специфических случаях. Данный случай, конечно, не из их числа. К тому времени, когда ребенок проходит через нашу систему образования, он или она становятся хорошо сбалансированным членом общества, которому можно доверять что угодно,— это есть общественная необходимость. С этого момента правительство прекращает играть активную роль в жизни индивидуума.

— О, настоящая утопия неоновых веков,— фыркнул мистер Мид.— Никаких полицейских, охраняющих жизнь и благополучие, и даже просить... А, ладно, это ваш мир и вам в нем жить. Но дело не в этом. Разве вы не понимаете — а я уверен, что понимаете, раз вы только что упомянули об этом,— что Уинтроп не является гражданином вашего мира, Сторку? Он не прошел вашу систему образования, не получал этих психологических штучек, этих курсов повышения каждые два года, он не...

— Но он явился сюда в качестве приглашенного нами гостя,— заметил мистер Сторку.— И, как таковой, он имеет право на полную защиту нашими законами.

— А мы, получается, нет?! — закричал мистер Мид.— Он может делать с нами все, что захочет, и оставаться чистеньким? И вы называете это законом? Вы называете это справедливостью? А я — нет! Я называю это бюрократией, вот чем. Бюрократия и все!

Желтоволосый человек положил руку на плечо мистера Мида.

— Послушайте, друг мой,— мягко сказал он,— и попытайтесь понять. Если Уинтроп попытается что-нибудь сделать с вами, его остановят. Не прямым вмешательством в действия Уинтропа, но устранением вас от соседства с ним. Этим займется комиссия по делу вмешательства в ваши права как индивидуума. Однако то, в чем вы обвиняете Уинтропа, есть не вмешательство. Он отказывается возвращаться с вами? Ладно. Он имеет право отказаться делать что-либо со своим телом и разумом. Конвенция от 2314 года покрывает эту область гораздо большим количеством слов. Вы хотите, чтобы я процитировал вам весь относящийся к делу отрывок?

— Нет, я не хочу, чтобы вы цитировали

мне этот отрывок. Значит, вы пытаетесь объяснить, что никто не может ничего сделать? Уинтроп может не позволить нам вернуться в наше собственное время, но вы не можете ничего с этим сделать, и мы не можем ничего с этим сделать. К дьяволу все это!

— Какая интересная фраза,— заметил мистер Сторку.— Если бы в вашей группе был этимолог или лингвист, мне было бы интересно обсудить ее с ним. Однако ваше заключение, что в данном случае сложилась, по меньшей мере, особая ситуация, весьма правильно. Есть только одно, что вы можете сделать: вы можете попробовать уговорить Уинтропа. До последнего момента расписания переброски, конечно, существует возможность решения проблемы.

Мистер Мид опустил свои сверхчувствительные лацканы пиджака.

— А если не уговорим, если мы потерпим неудачу? Не можем ли мы взять его за шиворот и...

— Боюсь, что не сможете. На сцене появится правительственная машина или искусственный правительственный чиновник и освободит его. Конечно, без малейшей угрозы для вас, как вы понимаете.

— Конечно. Без малейшей угрозы,— задумчиво произнес мистер Мид.— Но оставить нас в этой психушке на весь остаток жизни, без всяких «если», «и» и «но»...

Мистер Сторку принял обиженный вид.

— Но послушайте, друг мой, я уверен, что это не так уж плохо! Наше общество может очень сильно отличаться от вашего в области культуры, оно может быть неудобным для чужака со своей точкой зрения и подспудной философией, но, конечно, есть и компенсация. За массу старого в семейных отношениях, общении и переживаниях должен быть выигрыш в новом, захватывающем. Ваш Уинтроп обнаружил, что это так — он почти ежедневно бывает на Стадионе Паники или на Поле Крика — за последние десять дней я, по меньшей мере, трижды встречался с ним на семинарах и в салонах, я слышал от Бюро Домашних Приборов Департамента Внутренней Экономии, что он устойчивый, полный энтузиазма и весьма разборчивый потребитель...

— Конечно, он получает все эти вещи,— фыркнул мистер Мид.— Ему ведь не надо платить за них. Такой ленивый безработный,

как он, не станет запрашивать чего-нибудь лучше. Этот мир... аххх!

— С моей точки зрения, — спокойно продолжал мистер Сторку, — это ваше, ну... «застрять в психушке», как вы весьма ярко обрисовали наше общество, имеет свои положительные аспекты. И поскольку здесь, кажется, есть иные возможности, для ваших людей будет весьма логичным начать изучение этих положительных аспектов. Это как-то более искренне, чем шарахаться от любого мероприятия или заказывать такие анахронизмы двадцатого века, какие мы не способны восстановить.

— У нас есть все... что мы хотим. А сейчас мы хотим вернуться домой и продолжать жить той жизнью, для которой мы были рождены. Итак, мы пришли к тому, что никто и ничто не может помочь нам с Уинтропом, да?

Мистер Сторку вызвал джампер, и как только он появился, поднял руку, чтобы задержать огромный цилиндр в воздухе.

— Ну, хорошо. Я совершенно не хочу заходить так далеко без личного изучения дела. Вполне возможно, что кто-то или что-то в мире сможет помочь вам, если проблема привлечет внимание и будет достаточно интересной. У нас, знаете ли, довольно большой, хорошо населенный мир. Я определенно могу сказать только, что Государственный Департамент не может помочь вам.

Мистер Мид вонзил ногти в ладони и стиснул зубы так, что захрустела эмаль.

— Не можете ли вы, — медленно, очень медленно спросил он наконец, — сказать нам немного более определенно, куда теперь обратиться за помощью? У нас осталось меньше двух часов — и мы не можем за это время покрыть большую часть Галактики.

— Хорошее замечание, — одобчительно сказал мистер Сторку. — Очень верное замечание. Я рад видеть, что вы, наконец, успокоились и мыслите ясно и находчиво. Значит, кто — в ближайшее время — может найти решение неразрешимой проблемы? Ну, во-первых, Темпоральное Посольство, которое завел обменом и которое переместило вас сюда. У них есть все связи, они могут, если захотят, охватить всю изобретательность человеческой расы за последующие пять тысяч лет. Беда в том, что, на мой взгляд, они слишком увлекаются длительными обзорами. Затем есть

Машины-Оракулы, которые дадут вам ответ на любой вопрос, на который можно ответить. Трудность здесь в том, чтобы правильно интерпретировать ответ. Далее, на Плутоне на этой неделе проходит съезд векторных психологов. Если кто-то и может придумать способ уговорить Уинтропа изменить свое решение, так только они. К несчастью, доминантной сферой интересов векторной психологии в настоящий момент является детское образование, так что, боюсь, они посчитают вашего Уинтропа слишком зрелым образцом. Еще в окрестностях Ригеля есть раса грибов с уникальным даром предвидения, которых я могу рекомендовать, исходя из своего личного опыта. У них самый невероятный талант в...

Мистер Мид неистово махнул рукой.

— Хватит! Пока достаточно этого! У нас всего два часа — помните?

— Конечно, помню. И поскольку очень неправдоподобно, что вы сумеете что-либо сделать за такой короткий срок, могу ли я предложить вам бросить все это и махнуть со мной джампером на Венеру? Фестиваль Ароматов бывает раз в шестьдесят шесть лет. Вы убедитесь, мой друг, что его нельзя упускать. На Венере подобные мероприятия всегда отлично организуются: там будут величайшие эмиттеры запахов во Вселенной. И я буду просто счастлив объяснять вам все тончайшие нюансы. Идемте?

— Нет, благодарю вас! Почему, — спросил он, отступив на безопасное расстояние, — ваши люди вечно берут отпуска, почему вы вечно куда-то стремитесь отдыхать и наслаждаться? Как, черт побери, делается в этом мире хоть какая работа?

— О, превосходно делается, — рассмеялся желтоволосый молодой человек, пока цилиндр опускался на него. — Когда возникает работа, которую может выполнить только человеческое существо, один из нас — ближайший ответственный индивидум с применимыми в данной сфере навыками — берет на себя заботу о ней. Но наши личные цели отличаются от ваших. Говоря словами пословицы: «Все играют, нет работы, чтобы Джеку поскучать».

И он исчез.

Тогда мистер Мид вернулся в комнату миссис Бракс и сказал, что Государственный Департамент в лице мистера Сторку не в силах помочь им с упрямым Уинтропом.

Мэри Энн Картингтон с деловым видом наматывала на указательный палец пряжку волос, размышляя над его словами.

— Вы сказали ему все, что говорили нам, мистер Мид, и он ничего не станет делать? Вы уверены, что он знает, что вы?

Мистер Мид не потрудился ответить ей. У него в голове было другое. Не только душа и тело его были в синяках и царапинах от недавних испытаний, но как раз в этот момент пробудилось трико для гольфа. Если пиджак просто пытался выразить свое огромное внимание к его личности, то трико зашло дальше. Оно ходило рябью вверх и вниз по бедрам, маршировало взад-вперед по ягодицам. Только сосредотачивая все внимание и плотно прижимая трико к телу, он избегал ощущения, будто его проглотила анаконда.

— Наверняка он знает, кто такой мистер Мид, — ответил ей Дэйв Поллок. — Олли тыкал своим вице-президентством ему в лицо, но Сторку просто слышал, что «Септические Резервуары Свитботтома» сошли с рынка 481 год назад, так что это его не взволновало. Верно, Олли?

— Мне это не кажется смешным, Дэйв Поллок, — сказала Мэри Энн Картингтон, мотнув ему головкой. Она понимала, что преподаватель всего лишь завидует мистеру Миду, но не знала, потому ли, что у него самого нет таких денег, или потому, что у него не такой внушительный вид. Единственно, что раз такой крупный деятель, как мистер Мид, не смог вызволить их из этого положения, значит, не сможет и никто другой, и это будет ужасно, положительно и абсолютно ужасно.

— Ну, мистер Мид, — настойчиво сказала она, — я уверена, он сказал вам, что мы можем сделать. Он ведь не посоветовал оставить надежду окончательно и бесповоротно, верно?

Мистер Мид поймал конец ремешка от трико, когда тот растянулся и принялся торжественно качаться по ноге. Он сверкнул на него глазами, чувствуя, что одежда зашла слишком уж далеко, будь она проклята.

— Он сказал мне, что мы можем сделать, — ответил он со сдерживаемой злобой. — Он сказал, что нам может помочь Темпоральное Посольство, если только мы имеем право обратиться туда. Нужно, чтобы кто-нибудь из нас пошел в Темпоральное Посольство.

Мэри Энн Картингтон откусила кусочек

губной помады, которой в этот момент красила губы. Не поднимая глаз, она поняла, что миссис Бракс и Дэйв Поллок уставились на нее. И она почувствовала самой глубиной своих испуганных кишок, о чем они подумали.

— Ну, я, конечно, не...

— Не скромничайте, Мэри Энн, — прервал ее Дэйв Поллок. — У вас там большие возможности, и сейчас это выглядит нашим единственным шансом. У нас остается около полутора часов. Возьмите джемпер, улетните отсюда и пустите в ход ваше девичье обаяние.

Миссис Бракс села рядом и положила ей на плечо тяжелую материнскую руку.

— Послушайте, мисс Картингтон, иногда не так легко что-то сделать. Но что остается? Торчать здесь? Этого вы хотите? Значит, — она простерла руки, — немножко пудры, немножко губной помады, то да се, и он сам не знает, что сделает ради вас. Он уже сходит по вас с ума, и кто может сказать, чего он не сделает, если попросите его вы? — Она пожала плечами в неуклюжей попытке выразить эту мысль.

— Вы в самом деле так думаете? Ну... может быть... — девушка начала прихорашиваться.

— Никаких «может быть», — сказала миссис Бракс, основательно подумав. — Конечно, да. Абсолютно, да. Никаких «может быть», нет и быть не может. При виде хорошенькой девушки, вроде вас, у мужчины не может быть никаких «может быть». Это самый надежный способ. Чего не сможет достигнуть такой мужчина, как мистер Мид, женщина добьется всегда. А такой хорошенькой девушке, как вы, не придется и пальчиком шевельнуть.

Мэри Энн Картингтон кивнула, соглашаясь с этой женской точкой зрения, и решительно встала. Дэйв Поллок немедленно вызвал джемпер. Она отпрыгнула, когда огромный цилиндр материализовался в комнате.

— Я должна воспользоваться им? — спросила она, прикусив губку. — Это ужасно, он выбивает меня из колеи.

Поллок взял ее за руку и стал подводить под джемпер серией мягких, но настойчивых рывков.

— Вы не должны идти пешком, у нас нет времени. Поверьте мне, Мэри Энн, это ваш главный полдень и звездный час. Так что будьте хорошей девочкой, встаньте сюда и... Послушайте, темпоральный контролер должен понять, что его люди тоже останутся. Если

кто-нибудь здесь и отвечает за них, так это он. Значит, как только вы прибудете туда...

— Вам не нужно рассказывать мне, как справиться с темпоральным контролером, Дэйв Поллок! — надменно сказала она и метнулась под джампер. — Во всяком случае, он будет моим другом, а не вашим — моим очень хорошим другом!

— Конечно, — простонал Поллок, — но вы еще должны будете убедить его. И все, что я предлагаю... — В следующий миг он был отрезан цилиндром, скользнувшим к полу и исчезнувшим вместе с девушкой.

Поллок вернулся к остальным, которые озабоченно смотрели на него.

— Ну, вот и все, — заявил он, беспомощно взмахнув руками. — Мэри Энн — наша последняя надежда!

Мэри Энн Картингтон и точно чувствовала себя Последней надеждой, материализовавшись в Темпоральном Посольстве.

Она подавила тошноту, которая, казалось, всегда сопровождает транспортировку на джампере и, помотав головой, сделала глубокий вдох.

Как способ транспортировки джампер, конечно, превосходил старый дребезжащий «бьюик» Эдгара Раппа — только оставлял во рту привкус шоколадного солода. Это беда здешнего времени: любая превосходная вещь имеет неприятные остаточные эффекты!

Потолок собрался над ее головой огромной ротондой, и на нее стала опускаться пурпурная глыба. Она походит, нервно подумала девушка, на собирающуюся упасть люстру.

— Да? — вежливо спросила пурпурная глыба. — Кого вы хотите увидеть?

Девушка облизнула губы и расправила плечи.

— Я пришла встретиться с Гигио... я хочу сказать, мистер Гигио Раблин у себя?

— В настоящий момент мистер Раблин не в размере. Он вернется через пятнадцать минут. Хотите подождать в его кабинете? Там еще один посетитель.

Мэри Энн Картингтон быстро раздумывала. Ей совершенно не нравилась мысль о еще одном посетителе, но, может быть, так будет и лучше? Присутствие третьей стороны окажет сдерживающее влияние для них обоих и сгладит ее возвращение к Гигио в качестве просительницы после того, что между ними произошло.

Но что может означать «не в размере»? Люди двадцать пятого века делают с собой столько жутких вещей...

— Да, я подожду его в кабинете, — сказала она потолку. — О, вам не стоит беспокоиться, — сказала она полу, дрогнувшему у нее под ногами. — Я знаю, куда идти.

— Совершенно никакого беспокойства, мисс, — бодро ответил пол и понес ее через ротонду к личному кабинету Раблина. — Это удовольствие.

Мэри Энн вздохнула и покачала головой. Некоторые из вещей тут такие упрямые! Она расслабилась и, позволив везти себя, достала компактную пудру для последнего быстрого мазка по волосам и лицу. Но взгляд в зеркальце снова пробудил воспоминания. Она покраснела и чуть было снова не вызвала джампер, чтобы вернуться в комнату миссис Бракс... Нет, это невозможно — это их последний шанс убраться из этого мира и вернуться в свой собственный. Но подлый Гигио Раблин... будь он проклят!

Желтый квадрат на стене расширился, пол ввез ее в кабинет Раблина и снова стал плоским. Она огляделась, слегка кивнув знакомому окружению. Здесь был стол Раблина, если можно так назвать странную мурлыкающую штуку. Тут же была и странно извивающаяся кушетка, которая...

У Энн перехватило дыхание. На кушетке лежала молодая женщина, одна из этих ужасных местных лысых женщин.

— Извините, — на одном дыхании сказала Мэри Энн. — Я не знала... я не хотела...

— Все совершенно нормально, — сказала молодая женщина, по-прежнему уставившись в потолок. — Вы не мешаете. Я только что погрузила Гигио. Садитесь.

Словно по указанию, пол вырос позади Мэри Энн и, когда она устроилась на нем, медленно опустился до высоты сиденья.

— Вы, должно быть, из двадцатого века... — женщина замолчала, затем быстро поправилась: — ...меня зовут Флюрит. Я старый друг детства Гигио — из «Третьей Группы Ответственности».

Мэри Энн чопорно кивнула.

— Конечно, очень приятно. Меня зовут Мэри Энн Картингтон. В самом деле, я... я только...

— Я сказала вам, все в порядке. У нас

с Гигио ничего нет. Работа в Темпоральном Посольстве слишком скучна для него из-за женщин: все они либо из последующих, либо из предыдущих веков. Во всяком случае, они анахроничны. А я ожидаю трансформации — главной трансформации — так что не ищите во мне сейчас сильных чувств. Удовлетворены ли вы? Надеюсь, что да. Привет, Мэри Энн.

Флюрит несколько раз согнула руку в локте, в чем Мэри Энн с презрением узнала стандартный приветственный жест. Ну и женщина! Это напоминает демонстрацию мускулов. И ничего не дает, в отличие, например, от вежливого взгляда в сторону гостя!

— Потолок сказал, — неуверенно начала она, — что Гиг... мистер Раблин сейчас не в раз- мере. Это примерно значит, как мы говорим, что его нет дома?

Лысая девушка кивнула.

— В определенном смысле. Он в этой комнате, но не настолько велик, чтобы разговаривать с вами. Сейчас размеры Гигио... дайте подумать... О, да, тридцать пять микрон. Он внутри капли воды на предметном столике микроскопа слева от вас.

Мэри Энн обернулась и увидела на столе слева у стены сферический черный предмет. Кроме двух окуляров, краснеющих на поверхности, у него было мало общего с микроскопами, которые она видела на картинках в журналах.

— В... где? Что он там делает?

— Отправился на микроохоту. Теперь вы узнаете вашего Гигио. Совершенно неисправимый романтик. Кто теперь ходит на микроохоту? К тому же, в культуре кишечных амёб. Убивать их руками вместо обычной психо- или даже химиотерапии импонирует его порывистой душе. Пора повзрослеть, Гигио, говорила я ему, это игры для детишек. Ну, это задело его гордость, и он сказал, что уходит на охоту на пятнадцатиминутный забор. Пятнадцатиминутный забор! Услышав это, я решила прийти сюда и понаблюдать за схваткой.

— Разве пятнадцатиминутный забор опасен? — спросила Мэри Энн. Лицо ее напрялось, она подумала о замечании «вы узнаете вашего Гигио». В этих словах крылся двойной смысл, который не нравился ей: со всеми их разглагольствованиями о личных и священных правах личности, такой мужчина, как Гигио,

и не подумал бы рассказывать самые интимные вещи... другим людям.

— Подумайте сами: Гигио установил свой рост в 35 микрон, что в два раза больше размеров кишечных паразитов, с которым он будет сражаться, — таких амёб, как «Эндолимакс нана», «Йодамеба бастчилии», «Диетамеба фрагилис». Но предположим, он наткнется на толпу «Эндамеб коли», не говоря уже о нашей приятельнице — тропической дизейтерии «Эндамеба хитолитика»? Что тогда?

— Что тогда? — повторила Мэри Энн. Об этом она не имела ни малейшего понятия. Никто в Сан-Франциско не сталкивался с такими проблемами.

— Неприятности, вот что. Серьезные неприятности. «Коли» могут оказаться крупнее его, а «хитолитика» еще больше. 36 — 37 микрон, а иногда еще крупнее. Ну, а самый важный фактор на микроохоте, как вам известно, размеры. Особенно, если вы настолько глупы, чтобы ограничить свой арсенал мечом и не захватить автоматическое оружие даже для страховки. Ну, в таких обстоятельствах, когда вы уменьшаетесь так, что не можете выбраться и никто не сможет вас вытащить целых пятнадцать минут, вы просто напрашиваетесь на неприятности. И у нашего парня они будут!

— У него? Я хотела спросить, это плохо?

Флюрит указала на микроскоп.

— Взгляните. Я проецирую изображение на сетчатку глаза, но ваш народ, я уверена, еще не поднялся до этого. — Вам для всего нужны механические приспособления. Подойдите, взгляните. Сейчас он сражается с «Диетамеба фрагилис». Маленькие, быстрые и очень злобные.

Мэри Энн поспешила к сферическому микроскопу и напряженно устоялась в окуляры. Там, в самом центре поля, был Гигио. Прозрачный пузырек шлема покрывал его голову, все тело скрывала толстая, но гибкая одежда. Около дюжины амёб размером с собаку роились вокруг него, тянулись к его телу тупыми травянистыми псевдоподобиями. А он рубил их огромным двуручным мечом, рассекая надвое наиболее смелых и упорных тварей. По его учащенному дыханию Мэри Энн поняла, что он устал. То и дело он быстро оглядывался через левое плечо, словно следя за чем-то вдалеке.

— Откуда он получает воздух? — спросила она.

— В костюме достаточно кислорода на все время запора, — объяснил у нее за спиной голос Флюрит, несколько удивленной вопросом. — Он там уже минут пять. Я думаю, он справится. Мне кажется, он получит хорошую встряску... Вы видите это?

Мэри Энн задыхнулась. Продолговатое веретенообразное существо, заканчивающееся хлещущей хлыстоподобной нитью, пронеслось по полю над самой головой Гигио. Оно было в полтора раза больше него. Гигио пригнулся, нападавшие на него амёбы тоже отпрыгнули назад. Однако они вернулись, как только опасность миновала. Гигио продолжал рубить их усталыми движениями.

— Что это было?

— Трипаносома. Она прошла слишком быстро, чтобы я успела определить подвид, но выглядела, как «Трипаносома гамбиенсе» или «родисиенсе» — простейшие возбудители сонной болезни. Но что-то она слишком большая, как мне помнится... Это может быть... О, дурак, дурак!

Мэри Энн неподдельно испуганно повернулась к ней.

— Почему? Что он сделал?

— Не удосужился получить чистую культуру, вот что! Смешать несколько различных видов кишечных амёб — это дико само по себе, но если там есть трипаносомы, то может быть что угодно! А он уменьшился до 35 микрон!

Вспомнив испуганный взгляд Гигио через плечо, Мэри Энн метнулась назад к микроскопу. Человек все еще отчаянно сражался, но удары меча замедлились. Внезапно еще одна амёба неторопливо всплыла в поле зрения. Она была почти прозрачная, в половину его роста.

— Это что-то новое, — сказал Мэри Энн. — Она опасна.

— Нет. «Йодамёба бастчилии». Всего лишь ленивая, добродушная глыба. Но чего так остерегается Гигио слева? Оборачивается, словно... Ой!

Последнее замечание вырвалось невольно, но в нем было столько отчаяния. Овальное чудовище — в три раза длиннее и втрое шире Гигио — метнулось в поле с левой границы, словно отвечая своим появлением на ее вопрос. Тонкие, как волоски, псевдоподии, которы-

ми оно было покрыто, казалось, придавали ему фантастическую скорость.

Гигио ударил его мечом, но оно метнулось в сторону и скрылось из поля зрения микроскопа. Через секунду оно вернулось, снижаясь, точно пикирующий бомбардировщик. Гигио отпрыгнул, но одна из нападавших на него амёб промедлила. И исчезла, бешено извиваясь, в воронкообразном рту, который раскрылся на переднем конце яйцеобразного чудовища.

— «Валантидиум коли», — объяснила Флюрит, прежде чем Мэри Энн смогла заставить дрожащие губы выдать вопрос. — Сто микронов в длину, шестьдесят пять в ширину. Быстрая, смертоносная и ужасно голодная. Боюсь, рано или поздно она доберется до него. Он не сможет долго уворачиваться. Это конец микроохоты нашего приятеля. Ему не убить зверя таких размеров.

Мэри Энн протянула к ней дрожащие руки.

— Вы не можете что-нибудь сделать?

Лысая женщина, наконец, отвела глаза от потолка. Она, казалось, с большим усилием сфокусировала их на девушке. В глазах светилось яркое изумление.

— Что я могу сделать? Он будет заперт в этой культуре, по меньшей мере, еще четыре минуты, совершенно неразрушимым запором. Вы ожидаете, что я... пойду туда и спасу его?

— Если можете... конечно!

— Но это будет вмешательство в суверенные права его, как личности! Моя дорогая девочка! Даже если его желание уничтожить себя бессознательно, все же оно происходит из основной части его личности и должно быть уважаемо. Все это описано дополнительными правами Конвенции о...

— Откуда вы знаете, что он хочет уничтожить себя? — зарыдала Мэри Энн. — Я никогда не слышала от него подобного! Он считается... вашим другом! Может быть, он случайно попал в неприятности более серьезные, чем ожидал, и не может выбраться. Я уверена, что так и есть. О... бедный Гигио! Пока мы здесь разговариваем, его убивают!

Флюрит задумалась.

— Может, вы в чем-то и правы. Он романтик и от общения с вами получил разные хвастливые авантюристические понятия. Раньше он не предпринимал ничего такого рискованного. Но скажите мне, вы думаете, стоит вмешаться в суверенные права личности только для того,

чтобы спасти жизнь старого и дорогого друга?

— Я не понимаю вас,— беспомощно сказала Мэри Энн.— Конечно! Почему бы вам не позволить мне... сделайте, что можно, и пошлите меня к нему. Пожалуйста!

Молодая женщина поднялась и покачала головой.

— Нет, я думаю, что буду полезнее. Должна сказать, этот романтизм заразителен,— она рассмеялась,— немного интригующий. Ваши люди в двадцатом веке ведут такую жизнь!

Прямо на глазах Мэри Энн она начала быстро съеживаться. Раздалось шипение, словно погасла свеча, и ее тепло, казалось, проникло в микроскоп.

Теперь Гигио упал на одно колено. Амебы, которые окружали его, либо сбежали, либо были проглочены. Он вращал мечом над головой, пока «Валантидиум» бросалась то с одной, то с другой стороны, но выглядел очень усталым. Губы его были сжаты, глаза прищурились от отчаяния.

А затем огромное существо пошло прямо вниз, проводя ложную атаку, и когда он сделал выпад мечом, легко уклонилось и ударило его с тыла. Гигио упал, выронив свое оружие.

Забили волоски-псевдоподобии, чудовище плавно повернулось вокруг оси, чтобы воронкообразный рот оказался впереди, и ринулось в последнюю атаку.

Огромная рука, размером со всего Гигио, появилась в поле зрения и отбросила чудовище в сторону. Гигио встал на ноги, поднял меч и недоверчиво взглянул вверх. Он с облегчением вдохнул, затем улыбнулся. Флюрит, очевидно, перестала уменьшаться, остановившись на размерах в несколько сот микрон. Тело ее не было видно Мэри Энн в поле микроскопа, но явно было отлично видно «Валантидиум колы», которая развернулась и умчалась прочь.

И в оставшиеся минуты запора не было ни одного существа, которое проявило хотя бы смутную склонность подивиться соседству Гигио.

К изумлению Мэри Энн, первыми словами Флюрит к Гигио, когда они появились рядом с ней в полный рост, были извинения:

— Прости, пожалуйста, но твоя задиристая подруга заставила меня поволноваться о твоей безопасности. Если ты хочешь обвинить меня в нарушении Конвенции и вмешательстве

в тщательно подготовленные планы самоубийства...

Гигио жестом велел ей замолчать.

— Забудем это. Ты спасла мне жизнь и, насколько я знаю, я хотел быть спасенным. Если я возбужу против тебя процесс о вмешательстве в мое подсознание, то по всем правилам, мы должны будем вызвать на суд мое сознание, в качестве свидетеля в твою защиту. Дело может затянуться на месяцы, а я слишком занят.

Молодая женщина кивнула.

— Ты прав. Нет ничего хуже, чем тяжба шизоида, она ведет к осложнениям и игре словами. Но все же я благодарю тебя — я не собиралась спасать тебе жизнь. Не знаю, что толкнуло меня на это.

— Это все она,— указал Гигио на Мэри Энн.— Век субординации, всеобщей войны, тотального подслушивания... Я знаю, это зарачительно.

Мэри Энн прорвало.

— Ну, хватит! Никогда в жизни... я... я... я не могу в это поверить! Сначала она не хочет спасать тебе жизнь, потому что это было бы вмешательством в твоё подсознание — в подсознание! Потом, когда она все же кое-что сделала, то извиняется перед тобой... она извиняется! И ты, вместо того, чтобы поблагодарить ее, говоришь так, словно прощаешь ее за... за оскорбление действием! А затем ты начинаешь оскорблять меня... и... и...

— Прости,— сказал Гигио,— я не намеревался оскорблять тебя, Мэри Энн, ни тебя, ни твой век. Вообще-то мы должны помнить, что это был первый век новых времен, это был кризис, с которого началось выздоровление. И в очень многих случаях это был действительно великий и предприимчивый период, в котором Человек, по сравнению с процлым, осмелился на многое, чего не пытался делать до тех пор.

— Ладно. В таком случае,— Мэри Энн откашлялась и почувствовала себя лучше. И в тот момент она увидела, как Гигио и Флюрит обменялись ясно намекающими усмешками. Она сразу перестала чувствовать себя лучше. Будь прокляты эти люди! Кто, по-ихнему, они такие?

Флюрит пошла к желтому квадрату выхода.

— Мне нужно идти,— сказала она,—

я лишь пришла попрощаться перед моей трансформацией. Пожелай мне удачи, Гигио.

— Трансформация? Так скоро? Ну, наилучшего тебе курса. Мне было хорошо с тобой, Флюрит.

Когда женщина вышла, Мэри Энн взглянула на глубоко задумавшееся лицо Гигио и нерешительно спросила:

— Что это значит — «трансформация»? И она сказала, что это главная трансформация. Я ничего не слышала об этом.

Темноволосый молодой человек еще секунду глядел на стену.

— Мне лучше не говорить об этом, — сказал он, наконец, больше себе самому. — Это одна из концепций, которую ты найдешь отвратительной, как нашу активную еду, например. Кстати, о еде — я голоден. Голоден, ты слышишь? Голоден!

Секция стены сильно вздрогнула от его голоса и выдвинула из себя руку, на конце которой балансировал поднос. По-прежнему стоя, Гигио начал есть прямо с подноса. Он ничего не предложил Мэри Энн, которая только обрадовалась, мельком увидев, что это было нечто вроде пурпурных спагетти, которые он страшно любил.

Может быть, они были хороши на вкус. Может быть, нет. Она не знала. Она знала только, что никогда не сможет заставить себя есть то, что само лезет в рот и извивается, как только попадает туда. Это была одна из вещей здешнего мира. Вещей, которые эти люди едят!

Гигио поднял взгляд и увидел ее лицо.

— Мне бы хотелось, чтобы ты попробовала это, Мэри Энн, — грустно сказал он, — это добавит тебе целое новое измерение в еде. Подумай об этом. В дополнение к вкусу, строению и аромату ты испытываешь движение. Еда не лежит вяло и неподвижно у тебя во рту, но красноречиво выражает свое желание быть съеденной. Даже ваш приятель Уинтроп, в своем роде кулинарный эстет, согласился однажды со мной, что центаврианские либалилилы готовятся во всех сочетаниях его любимой еды. Видишь ли, они немного телепаты и могут принаравливать свой вкус к кулинарным желаниям пожирающих их персон. Таким образом, ты получаешь...

— Благодарю, но — пожалуйста! Мне абсолютно и совершенно тошно даже думать об этом.

— Ладно. — Он покончил с едой и кивнул стене. Стена втянула в себя руку и поднос. — Сдаюсь, я лишь хотел, чтобы ты хотя бы попробовала их до своего отбытия. Только попробовала.

— Кстати, об отбытии. Для этого я и пришла сюда. У нас неприятности.

— О, Мэри Энн! Я надеялся, ты пришла повидаться со мной наедине, — сказал он, безутешно опустив голову.

Она не могла бы сказать, был он насмешлив или серьезен. Она рассердилась, так как это был легчайший способ справиться с ситуацией.

— Послушай, Гигио, ты последний человек на Земле — в прошлом, настоящем и будущем — с которым я бы хотела увидиться снова. И ты знаешь почему! Любой человек, который... говорит девушке то, что ты сказал мне, и в т-такое в-ремя...

Она откинулась на стену и, к ее крайней досаде, голос ее прервался. Слезы брызнули из глаз и потекли по лицу. Она решительно поджала губы, чтобы они не дрожали.

Гигио выглядел теперь действительно смущенным. Он присел на угол стола, который стал под ним извиваться более неравномерно.

— Извини, Мэри Энн. Я действительно ужасно искренне сожалею об этом. Я никогда не стал бы заниматься с тобой любовью при первой же встрече. Даже без наших существенных временных и культурных различий, я уверен, ты знаешь так же, как и я, что у нас очень мало общего. Но я нахожу, что ты... ну ужасно привлекательна, неодолимо привлекательна. Я нахожу, что ты возбуждаешь, как ни одна женщина моего времени или любая из женщин, что я когда-либо встречал в своих посещениях будущего. Я не могу сопротивляться такой привлекательности. Одного я не мог предвидеть — это подавляющего эффекта косметики, которая была на тебе. Настоящие осязательные ощущения были выше моих сил.

— Но ты сказал совсем не это. И как ты сказал! Ты провел пальцем по моему лицу и губам и протянул: «Скользкие! Скользкие!» — зло передразнила она его, чтобы окончательно овладеть собой.

Гигио пожал плечами.

— Я уже сказал, что извиняюсь. Но, Мэри Энн, если бы ты только знала, какие эмоции вызываешь у высоко воспитанного чувства

осязания. Эти испачканные красным губы... я уж молчу об этой измельченной дряни на твоих щеках! Я допускаю, что это не изменяет тебя, но я лишь пытаюсь дать тебе понять, почему у меня так глупо это вырвалось.

— Я полагаю, ты думаешь, что я стану гораздо приятнее, если обстригу волосы, как некоторые из этих ваших женщин — как эта ужасная Флюрит!

Он улыбнулся и покачал головой.

— Нет, Мэри Энн, ты не можешь быть, как они, а они не могут быть, как ты. Здесь совершенно разные понятия женственности и красоты. В твоем периоде огромное влияние уделялось физическому подобию, использованию искусственных подпорок, которые должны приближать женщину к некоему универсальному идеалу, к идеалу, который содержит такие составные, как губная краска, гладкое лицо и особые формы тела. Мы же делаем акцент на различия, в особенности, на эмоциональное различие. Чем больше эмоций может проявлять женщина и чем более они будут сложными — тем она считается более впечатляющей. Насчет бритья голов: оно для того, чтобы показывать внезапно появляющиеся неуловимые морщинки, которые будут не видны, если изрядная область головы покрыта волосами. И поэтому мы называем лысую головку женщины «ее нахмурившейся славой».

Мэри Энн слегка пожала плечами и взглянула на пол, который начал было вопрошающе поднимать секцию, но опустил ее снова, когда понял, что никто этого не требует.

— Не понимаю и полагаю, что никогда не пойму. Я знаю только, что не могу оставаться в этом мире с тобой, Гигио Раблин, — при одной мысли об этом меня начинает тошнить.

— Понимаю, — серьезно кивнул он. — И для обоюдного удобства — ты производишь на меня тот же самый эффект. Я никогда не делал ничего такого сверхидиотского, как записаться на микроохоте в нечистой культуре, пока не встретил тебя. Но эти волнующие истории о приключениях твоего друга Эдгара Раппа вконец доконали меня. Я понял, что должен доказать себе, что я мужчина по твоим понятиям, Мэри Энн, по твоим понятиям!

— Эдгар Рапп? — Она подняла глаза и недоверчиво взглянула на него. — Приключения? Волнующие? Эдгар? Да он только

однажды приблизился к спорту, когда просидел всю ночь за игрой в покер с парнями из платежной конторы!

Гигио встал и бесцельно прошелся по комнате, качая головой.

— Ты сказала это однажды, причем полупрезрительно! Постоянный физический риск, неизбежно повторяющиеся конфликты личностей, грандиозные и открытые, когда играют плечом к плечу и продолжается это час за часом; и не два, не три, а много — пять, шесть или даже семь разных и очень агрессивных человеческих существ участвуют в игре... Блефы, открытия, хитрости, их фантастическое содержание! Я не мог бы выдержать это, фактически, ни один человек во всем моем мире не мог бы выдержать и пятнадцати минут сложного психологического наказания.

Ее взгляд был мягок и нежен, когда она поглядела на него.

— И потому ты пошел на эту ужасную микроохоту, Гигио? Решил доказать, что ты можешь быть таким же мужчиной, как Эдгар за игрой в покер?

— Это не только покер, хотя и его достаточно, чтобы волосы встали дыбом, можешь уж мне поверить, Мэри Энн. Это и многое другое. Это и машина, которая есть у него и в которой он возит тебя повсюду. Любой человек, который водит такую неуклюжую, непредсказуемую силовую установку по таким трассам и с такой статистикой несчастных случаев, которыми может похвастаться ваш мир... Причем е ж е д н е в н о! Я понимаю, что микроохота жалкое, искусственное занятие, но это единственное имеющееся в моем распоряжении, что может приблизить меня к вашей жизни!

— Тебе не надо было ничего доказывать мне, Гигио.

— Может быть, — кивнул он. — Но я достиг точки, когда должен был доказать это себе. Что совершенно глупо, когда об этом думаешь, но не делает это менее реальным. И я доказал кое-что. Доказал, что два народа с совершенно различными стандартами мужчин и женщин, стандартами, установленными и резюмированными для них с младенчества, не имеют никаких шансов, не важно, насколько они находят привлекательными друг друга, не резонируют. Как ты сказала, мы не можем жить в одном мире. Это вдвойне правда, с тех пор... с тех пор, как мы обнаружили, насколько тяготеем друг к другу.

Мэри Энн кивнула.

— Понимаю. То, как ты перестал заниматься любовью со мной и... и сказал... это ужасное слово, как ты содрогнулся, когда вытирал свои губы... Гигио, ты глядел на меня так, словно я воняла, словно я в о н я л а! Это разорвало меня на части. Тогда я поняла, что должна уйти из твоего времени и твоего мира навсегда. Но из-за Уинтропа... я не знаю, что делать!

— Расскажи мне об этом.— Он, казалось, сделал усилие, чтобы собраться, когда сел рядом с ней на секцию поднявшегося пола...

Когда она закончила, он был спокоен. Громадный эффект выравнивания взаимной эмоциональной путаницы больше не существовал. Испуганная Мэри Энн смотрела, как он становится все более вежливым, крайне разумным и слегка высокомерным молодым человеком двадцать пятого столетия, и чувствовала каждой косточкой, как усиливается ее собственная неловкость, как ее кричащая, слишком яркая примитивность выплывает на поверхность.

— Я ничего не могу сделать для вас,— сказал он.— Хотел бы, но не могу.

— Не можешь ничего сделать,— в отчаянии спросила она,— с нашими проблемами? Даже принимая во внимание, как будет ужасно, если я останусь здесь, если я не уйду в свое время?

— Даже принимая во внимание все это. Я сомневаюсь, что сумею объяснить тебе, как я пытался, Мэри Энн, но не могу заставить Уинтропа уйти, я не могу при всем желании дать вам совет, как заставить его... и я не могу думать о том, что может заставить его изменить свое решение. Видишь ли, здесь действует вся социальная структура, которая гораздо важнее, чем наши маленькие личные страдания, хотя они могут быть важнее для нас. В моем мире, как указал Сторку, никто не может сделать такого. И это, радость моя, так.

Мэри Энн села. Она не нуждалась в легкой язвительной надменности последних слов Гигио, чтобы понять, что теперь он окончательно овладел собой и смотрит на нее, как на интересный, но — вежливо говоря — очень далекий образчик.

Она слишком хорошо поняла, что происходит: пару раз она сама была в подобной ситуации. Только два месяца тому назад прилизанный коммерсант, желающий продать в Неваде земли для ее компании, пригласил ее

на свидание и почти что вскружил ей голову. И достигнув точки, когда вино наполнило голову сверкающими звездами, она достала сигарету и дремотно, беспомощно попросила прикурить. Коммерсант уверенным, царственным жестом щелкнул зажигалкой, но та отказала. Он выругался, несколько раз пощелкал ею и затем начал бешено ковырять ногтем в ее механизме. В следующие несколько секунд Мэри Энн показалось, что весь глянец слез с него и все лежащее внутри отчаяние, бывшее его основой, вылезло наружу. Он больше не был обаятельным, добившимся успеха, убедительным молодым человеком, но жалким существом, непреодолимо неуверенным, боявшимся, что если эта вещь утратит свое место в его распорядке, то продажа может не состояться.

Она и не состоялась. Когда он снова взглянул на нее, то увидел в ее глазах холодное понимание, и губы его обвисли. И не важно, как остроумно он пытался изменить ситуацию, как умно он говорил, какими океанами блестящей находчивости омывал ее,— теперь она была его владыкой. Сквозь магию его слов она видела желтые деревянные шарики и изогнутые ржавые проволочки, заставлявшие ее работать. Она вспомнила чувство какой-то жалости к нему, когда попросила его отвезти ее домой — не жалости к кому-то, в кого она почти что влюбилась, но легкой жалости к поставленному в невыгодное положение ребенку, который пытался сделать нечто выше своих сил.

Не то ли самое чувствовал сейчас к ней Гигио? Преисполненная злости и отчаяния, Мэри Энн почувствовала, что ее снова потянуло к нему. Но она должна стереть усмешку с уголков его губ.

— Конечно,— сказала она, тщательно выбирая стрелу,— для тебя не будет ничего хорошего, если Уинтроп не вернется с нами.

Он вопросительно поглядел на нее.

— Для меня?

— Ну, если Уинтроп не вернется назад, мы застрянем здесь. А если мы застрянем здесь, люди из твоего времени, посетившие наше, застрянут в двадцатом веке. Ты — временной контролер, ты — ответственное лицо, не так ли? Ты можешь потерять свою работу.

— Моя дорогая маленькая Мэри Энн! Я не могу потерять свою работу. Она моя, пока мне не захочется чего-нибудь другого. У тебя

допотопные понятия! Дальше ты мне скажешь, что я обязан собирать свой урожай!

К ее стыду, он засмеялся. Ну, по крайней мере, она привела его в хорошее настроение, никто не может сказать, что она не внесла свой вклад в это веселье. Но «моя дорогая маленькая Мэри Энн»! Это укололо ее!

— Ты даже не чувствуешь ответственности за них? Не чувствуешь ничего?

— Ну, что бы я там ни чувствовал, это, конечно, не ответственность. Пятеро человек из нашего века, которые добровольно совершили путешествие в ваше время, были совершеннолетними, крайне бдительными, высоко ответственными человеческими существами. Они знали, что идут на определенный, неизбежный риск.

Она взволнованно поднялась.

— Но откуда они могли знать, что Уинтроп окажется таким упрямым? А как могли мы, Гигио, как мы могли знать это?

— Даже принимая, что такой возможности не в силах предвидеть никто, — сказал он, — мягко потянув ее за руку, чтобы она снова села рядом с ним, — согласишься, что путешествие в период, отделенный пятью столетиями от твоего собственного, должно сопровождаться определенными опасностями. Никто не может предвидеть их. согласишься и с тем, что один или несколько человек, совершающие временной обмен, знают об этой опасности и сами хотят подвергнуться ее последствиям. Если ситуация такова, то вмешательство будет преступлением не только против сознательных желаний Уинтропа, но также и против подсознательных мотиваций наших людей... и обе стороны имеют почти равный вес по этике нашего периода. Вот! Я объяснил как можно проще, Мэри Энн. Теперь ты поняла?

— Не... немного, — призналась она. — Ты говоришь как Флюрит, которая не хотела приходить на помощь, когда тебя чуть не убили на микроохоте, потому что, может быть, подсознательно ты х о т е л быть убитым!

— Правильно! И поверь мне, Флюрит пальцем бы не шевельнула, несмотря на твои романтические позы двадцатого века, если бы не была на краю трансформации с вытекающими психологическими отклонениями от всех нормальных стандартов и нынешних человеческих форм общения.

— Что же это за главная трансформация?

Гигио выразительно покачал головой.

— Не спрашивай меня об этом. Ты не поймешь, тебе это не понравится... и это вовсе не важно тебе знать. Это понятие и практика настолько специфические для нашего времени, как, скажем, бульварная газета и предвыборная лихорадка для вашего. Другое дело — способ, которым мы защищаем и воспитываем эксцентрические личности, даже если это губительно для них. Позволь мне объяснить этот способ. Французская революция суммировала себя в лозунге: «Свобода, Равенство, Братство». Американская революция использовала фразу: «Жизнь, Свобода и Погоня за Счастьем». Мы чувствуем, что полная концепция нашей цивилизации содержится в словах: «Абсолютная Священность Личности и Индивидуальный Эксцентрический Импульс». Последняя часть самая важная, потому что без нее наше общество будет иметь столько же прав на вмешательство, сколько и ваше. Человек не будет иметь даже элементарной свободы действия без получения надлежащих документов от надлежащих правительственных чиновников. Личность, которая захочет...

Мэри Энн решительно встала.

— Хватит! У меня нет ни малейшего интереса слушать эту чушь. Во всяком случае, ты не поможешь нам, тебя не волнует, что мы останемся здесь на всю жизнь! Тогда я пойду.

— Во имя Конвенции, милая, чего ты ожидала от меня? Я не Машина-Оракул, я всего лишь человек.

— Человек? — презрительно выкрикнула она. — Человек? Ты называешь себя человеком? О, человек бы... человек... настоящий человек... Позволь мне уйти отсюда!

Темноволосый молодой человек пожал плечами и тоже поднялся. Он вызвал джампер. Когда тот материализовался позади них, он сделал приглашающий жест. Мэри Энн шагнула к джамперу, остановилась и протянула ему руку.

— Гигио, — сказала она, — останемся мы здесь или уйдем в свое время, я больше никогда не приду к тебе. Я так решила. Но я хочу, чтобы ты кое-что знал.

И словно зная, что она собирается сказать, он опустил глаза. Его голова склонилась над ее рукой, которую он все еще держал.

При виде этого голоса Мэри Энн стал еще мягче и нежнее.

— Это только... только... О, Гигио, ты единственный человек, которого я любила. Это истинная правда. Любила — по-настоящему. Я хочу, чтобы ты знал это, Гигио.

Он не ответил. Он по-прежнему крепко сжимал ее пальцы. Глаз его она не видела.

— Гигио, — ее голос дрогнул. — Гигио! Ты чувствуешь то же самое, верно?

Наконец Гигио поднял взгляд. На его лице было недоуменное выражение. Он показал на пальцы, которые продолжал сжимать. Каждый ноготок был выкрашен ярким лаком.

— Почему в вашем мире, — спросил он, — вы ограничили ногтями? Более примитивные народы распространяли окраску и на другие, существенные части тела. Можно было бы ожидать, что вы будете татуировать, по крайней мере, всю руку... Мэри Энн! Я ведь не сказал ничего плохого?

Громко всхлипывая, девушка метнулась мимо него в джампер.

Она вернулась в комнату миссис Бракс и, когда немного успокоилась, объяснила, что Гигио Раблин, темпоральный контролер, не может и не будет помогать им с упрямым Уинтропом.

Дэйв Поллок расхаживал по овальной комнате.

— Значит, мы сдались? Опустили руки? Никто в этом блестящем, позолоченном, автоматизированном будущем и пальцем не шевельнет, чтобы помочь нам вернуться в наше время, к нашим семьям, и мы не можем помочь себе сами. О, дивный новый мир! Настоящее достижение. Истинный прогресс.

— Не помню, чтобы мы просили вас ругаться, молодой человек, — пробормотал из дальнего угла комнаты мистер Мид. Периодически его галстук изгибался вперед и пытался прижаться к его губам. Устало и раздраженно он хлопал по нему. — По крайней мере, мы пытаемся что-то сделать. Это больше, чем вы можете сказать.

— Олли, старик, ты только скажи мне, что делать, и я сделаю. Может, я не плачу громадный подоходный налог, но я приучен пользоваться своими мозгами. Я хочу только найти рациональный подход к нашей проблеме. Я знаю одно: к ней невозможно подойти с меньшим, чем вся эта истерика и эмоциональная кутерьма, размахивание флагом и исполнительная важность, которые давно устали.

— Послушайте, а есть разница? — Миссис Бракс вытянула руку и указала на свои крохотные часики. — До шести остается пятьдесят пять минут. Что мы можем сделать за пятьдесят пять минут? Может быть, мы сможем сотворить за такое короткое время чудо? Использовать волшебство? Идти драться в городской Зал? Мой Берни, я знаю, что больше не увижу тебя...

Худощавый молодой человек сердито повзвизгнул к ней.

— Я не говорю о волшебстве или чудесах. Я говорю о логике. Логика и надлежащая оценка фактов. Эти люди имеют не только исторические записи, охватывающие и наше время, но и регулярно соприкасаются с будущим — их будущим. Это значит, что у них также есть исторические записи, охватывающие и их времена.

Миссис Бракс заметно приободрилась. Ей нравилось слушать образованных людей. Она кивнула.

— И что?

— Разве не ясно? Люди, которые обменялись с нами, — пятеро наших обменщиков — должны были знать заранее, что Уинтроп заупрямится. Исторические записи этого происшествия существуют в будущем. Они не пошли бы на это — ясно, что они не захотели бы провести остаток жизни в нецивилизованном окружении, — если бы не знали выхода, способа разрешить создавшееся положение. Нам остается найти этот способ.

— Может быть, — предположила Мэри Энн Кардингтон, — может быть, ближайшее будущее держится в тайне, или, может быть, все пятеро допускали то, что они называют здесь случаем Индивидуального Эксцентрического Импульса.

— Это не подходит под понятие Индивидуального Эксцентрического Импульса, Мэри Энн, — сказал ей Дэйв Поллок, презрительно поморщившись. — Я не хочу сейчас углубляться в дебри, но поверьте мне, это совсем не то! И я не думаю, что Темпоральные Посольства держат в тайне от людей периоды, к которым они приписаны. Нет, говорю вам, решение прямо здесь, на поверхности, если бы мы только могли его увидеть.

Оливер Т. Мид сидел с сосредоточенным лицом, словно пытался обнаружить скрытый факт на другом конце длинного туннеля несчастий. Внезапно он выпрямился и сказал:

— Сторку упоминал об этом! Темпоральное Посольство. Но он не думал, что это хорошая идея — обратиться к ним... они слишком погружены в долгосрочные исторические проблемы, чтобы быть нам полезными. Но он сказал что-то еще... что-то еще, что мы можем сделать. Что же это было?

Все усталились на него и нетерпеливо ждали, пока он думал. Дэйв Поллок начал было замечание о «высоком дополнительном налоге на воспоминания», когда мистер Мид оглушительно хлопнул в ладоши.

— Вспомнил! Машина-Оракул! Он сказал, что мы можем спросить Машину-Оракула! Согласно ему, у нас может быть некоторая трудность в интерпретации ответа, но к настоящему моменту это наименьшая из наших бед. Мы в отчаянном положении, а нищему не придется выбирать. Если мы получим ответ, хоть какой-нибудь ответ...

Мэри Энн Картингтон выглянула из крошечной косметической лаборатории, где ликвидировала причиненный слезами ущерб.

— Когда вы сказали, мистер Мид, я вспомнила, что темпоральный контролер тоже упоминал об этом. Я имею в виду, о Машине-Оракуле.

— Тоже? Хорошо! Мы должны воспользоваться этим шансом, леди и джентльмены, мы должны воспользоваться этим шансом. Тогда, кому поручим это? Я уверен, что мне не нужно чертить диаграмм, чтобы выбрать из нас наиболее способного, чтобы справиться со сложным производством футуристической техники.

Все усталились на Дэйва Поллока, который проглотил твердый комок, появившийся в горле, и хрипло спросил:

— Вы имеете в виду меня?

— Конечно, я имею в виду вас, молодой человек, — строго сказал мистер Мид. — Вы единственный здесь длинноволосый ученый специалист. Вы профессор химии и физики.

— Я вообще-то учитель, учитель в высшей школе. И знаете, я как-то никогда не имел дело с Машинной-Оракулом. Одна мысль о приближении к ней заставляет переворачиваться мой желудок. Насколько я себе представляю, это один из аспектов их цивилизации, наиболее ужасный и наиболее упаднический. И я скорее...

— А мой желудок не переворачивался, когда я пошла и спорила с этим сумасшедшим мистером Уинтропом? — прервала его миссис Бракс. — Я больше шагу не сделаю из этой комнаты... вы думаете мне нравится смотреть, как минута уходит за минутой?... А эта безумная беседа, которую он вел? Запахи с Марса, вкусы с Венеры... Вы, может быть, думаете, мистер Поллок, мне это доставляло наслаждение? Но кто-то должен был идти, и я пошла. Мы все просим вас попытаться. Попробуйте сделать, что можно.

— И я могу вас заверить, — Мэри Энн Картингтон быстро вышла из косметической, — что Гигио Раблин абсолютно и совершенно последний человек на земле, к которому бы я обратилась за помощью. Это мое личное дело, и я не хочу обсуждать его сейчас, но я скорее умру, безусловно умру, чем снова пройду через это. Я пошла на это, потому что оставался крохотный шанс, что это поможет нам всем вернуться домой. Я не думаю, что мы требуем от вас слишком многого.

Мистер Мид кивнул.

— Я согласен с вами, юная леди. Я не встречался со Сторку с глазу на глаз с тех пор, как мы прибыли, и хотел бы всеми способами избежать этого, но пошел и был завлечен на это нечестивое Поле Криков, в варварское безумие... — Он замолчал, вспомнив некоторые отвратительные подробности, затем, когда его клетчатые гольфы начали любовно извиваться на ногах, решительно пригладил их и продолжил: — Вот вы стоите и болтаете здесь, Поллок, а время идет. Теория относительности Эйнштейна не вернет нас в добрый старый 1958 год, и вся наша физика с химией здесь не помогут. Нам нужно сейчас действие, действие с заглавной «Д» и без всяких там «если», «и» и «но».

— Ладно, ладно, я пойду.

— И еще одно, — мистер Мид поворочал в мозгу секунду-другую зловредную мысль, прежде чем высказать ее. — Вы возьмете джампер. Вы сами говорили, что у нас нет времени ходить пешком, и это правда, теперь вдвойне правда, когда мы находимся на краю гибели, на линии смерти. Я не хочу ничего слушать о том, что вас тошнит от него. Если мисс Картингтон и я смогли воспользоваться джампером, то сможете и вы.

Дэйв Поллок собрался с силами.

— Вы думаете, я откажусь? — язвительно спросил он. — Большую часть своих путешествий я проделал здесь джампером. Я не боюсь технического прогресса — по крайней мере, пока это истинный прогресс. Конечно, я возьму джампер.

Он сделал знак, принимая одновременно свой прежний важный вид. Когда джампер появился, он, расправив плечи, прошел под него. Пусть посмотрят, как ведет себя разумный человек с научным складом ума, подумал он. И во всяком случае, использование джампера не было настолько болезненно для него, как для остальных. Он может успешно пользоваться джамперами. Но сейчас было гораздо важнее, что он сможет сказать Машине-Оракулу.

По этой причине он материализовался возле здания, в котором находилась машина. Требовалась небольшая прогулка, чтобы привести свои мысли в порядок. Единственная неприятность состояла в том, что у тротуара были другие представления. Молча, подобострастно, но тем не менее твердо, тротуар начал двигаться под его ногами, когда он пошел вокруг квадратного, слегка колеблющегося строения. Тротуар понес его вперед со скоростью несколько более быстрой, чем Поллок пошел бы сам, меняя направление, по желанию Поллока.

Дейв Поллок оглядел пустую улицу и покорно улыбнулся. Чувствующий, стремящийся услужить тротуар не беспокоил его. Он ожидал чего-то такого от будущего, и тротуар, и бдительно служащие дома, и одежды, меняющие расцветки и длину по капризам носящих их, — все более или менее, в той или иной форме было предвидено людьми, разбирающимися в прогрессе человечества. Даже новшества в еде — от извивающихся телепатических «пожалуйста-съешь-меня-и-насладись» блюд до более сложных кулинарных композиций, над которыми известный межзвездный повар может работать годами, — были логичны, если подумать над тем, как причудливы для колонистов ранней Америки были бы фантастические, космополитические различные напитки и консервированные продукты, продающиеся в супермаркетах двадцатого века. Эти вещи все время меняются и модифицируются. Но некоторые вещи — некоторые — меняться не должны.

Когда в Хьюстон, штат Техас, пришла те-

леграмма, сообщающая, что из всего населения Соединенных Штатов Дэйв Поллок наиболее схож по физическим данным и прочим характеристикам с одним из предполагаемых гостей из 2458 года, он чуть с ума не сошел от радости. Известность, которую он внезапно приобрел в факультетской столовой, была неважна, так же как и статьи на целую страницу в местных газетах под заголовком: «ОДИН ИЗ НАС ЕДЕТ В БУДУЩЕЕ».

Сперва и прежде всего, это была передышка. Передышка и одновременно шанс. Семейная ответственность, умирающий отец, болезнь младшей сестры не дали ему получить повышение академической степени, необходимой для работы в университете со всем сопровождающим это престижем, высоким окладом и возможностями для исследований. Затем, когда все это закончилось и он вернулся в школу, головокружительная внезапная женитьба отбросила его к однообразному труду. Он начал понимать — вопреки обещаниям, которые давал студентам, — как крепко попался на удовольствии иметь респектабельных соседей и работу в высшей школе, между которыми ежедневно мотался, когда прибыла телеграмма, извещающая, что его выбрали в группу, которая будет послана на пятьсот лет в будущее. Как это должно помочь, что точно он сделает с таким шансом, он не знал, но это подтолкнуло его на риск неизвестности. Как-нибудь, каким-то образом это даст ему, наконец, возможность стать выдающимся человеком.

Дэйв Поллок не представлял размеров своей удачи, пока не встретился в Вашингтоне со своими четырьмя спутниками. Он слышал, конечно, как лучшие умы страны злобно расталкивали друг друга в бешеной попытке прорваться в группу и обнаруживали, что имеется уже полмиллиона претендентов по их специальности. Но пока он не побеседовал со своими будущими согруппниками-туристами — бродягой-чернорабочим, домохозяйкой из Бруклина, солидным деловым исполнителем со Среднего Запада и хорошенькой, но тем не менее совершенно ординарной стенографисткой из Сан-Франциско — до него не доходило, что в группе он является единственным человеком с ученой степенью. Он будет единственным, способным оценить сумму главного технического прогресса! Единственным, способным сложить всю

сложную массу мелких изменений во что-то понятное! И кроме всего, он будет единственным, кто сможет оценить основное качество будущего, основные нити, которыми пронизан мир,— от глубинной социальной структуры до звездных окраин!

Он, который хотел посвятить всю жизнь поискам знаний, будет жить две недели — уникальный, единственный интеллеktуал! — в пятивековой экстраполяции каждой лаборатории и библиотеки своего времени!

Сначала это так и было. Все там было великолепным, все было открытием. Затем, понемногу, подобно стадиям холода, начали появляться малоприятные факторы. Еда, одежда, дома... ну, их можно либо игнорировать, либо переделать. Здешние люди были крайне гостеприимными и изобретательными: они вовсе не собирались никого пичкать самыми знаменитыми блюдами, если их не принимала душа. Женщины с их блестящими лысынами и странной позицией к отношению между полами... ну, можно вспоминать оставшуюся дома жену и не связываться с ними.

Но вот Поле Крика, Стадион Паники — совсем другое дело. Дэйв Поллок с гордостью считал себя разумным человеком. Он гордился будущим, прибыв туда, взяв почти под личную защиту факт, что люди здесь будут тоже совершенно разумными. От первого знакомства с Полем Крика его чуть не стошнило. Эти великолепные интеллеktуалы, как он там увидел, добровольно превращались в исходящее пеной, истеричное стадо визжащих животных и причем делали это регулярно, с чуть ли не предписанными медицинной интервалами...

Они с трудом объяснили ему, что не смогут быть такими рассудительными, такими разумными, если не будут периодически расслабляться таким образом. Это имело смысл, но тем не менее смотреть на все это было невыносимо. Он понял, что никогда не сможет выдерживать такого зрелища. Однако даже это могло быть принято каким-то уголком сознания. Но вот шахматы...

В колледже Дэйв Поллок воображал себя шахматистом. Он уверял себя, что если бы у него было достаточно времени сосредоточиться на игре, изучить, скажем, дебюты, то смог бы отлично выступать в турнирах. Он даже подписался на шахматный журнал и с огромным вниманием следил за всеми чемпи-

онатами. Он прикидывал, будут ли шахматы пользоваться такой же популярностью в будущем: королевская игра, продержавшаяся столыко столетий, выживет ли она еще пять веков? И какими они будут: вариантом трехмерных шахмат или, возможно, получат другое, еще более сложное развитие?

Хуже всего, что здесь они оказались почти идентичными тем, в которые играли в двадцатом веке.

Почти каждый в 2458 году играл в шахматы и почти каждый наслаждался ими. Но не было никаких чемпионатов. Здесь не было противников-людей. Здесь были только шахматные машины. И они могли выиграть у любого.

— Какой смысл,— причитал Поллок,— играть с машиной, в памяти которой заложены миллионы «лучших ходов и контратак»? Ведь это всего лишь селектор, способный изучить положение на доске и выбрать лучший ход из любой, когда-либо записанной шахматной партии. Машина, которая предназначена никогда не проигрывать. Какой смысл... в чем тут интерес?

— Мы не играем, чтобы победить,— удивленно объяснили ему.— Мы играем, чтобы играть. То же во всех наших играх: агрессивность высвобождается в крике или панике, а игры существуют только для умственного или физического мочиона. А раз так, когда мы играем, то хотим играть против лучших. Кроме того, выдающийся игрок способен раз-другой в жизни сыграть с машиной вничью. Это достижение, это волнует.

Кто любит шахматы так, как я, решил Дэйв Поллок, тот поймет всю непристойность существования данных машин. Даже трое остальных в его группе, которым гораздо больше, чем ему, не нравились машины и нравы двадцать пятого века, лишь тупо глядели на него, когда он возмущался из-за этого. Нет, если вы что-то не любите, то не станете волноваться из-за того, что оно деградировало. Но они могли бы заметить отречение от человеческого разума, каковое подразумевали шахматные машины!

Конечно, это несравнимо с отречением из-за Машины-Оракула. Это была последняя отвратительная соломинка для разумной личности.

Машина-Оракул... Он бросил взгляд на часы. Осталось всего двадцать пять минут. Нуж-

но спешить. Он сделал последний вздох и стал подниматься по ступеням здания.

— Меня зовут Стилия,— представилась лысая с приятным личиком молодая женщина, появившись в просторном вестибюле.— Сегодня я слуга Машины. Могу я вам помочь?

— Надеюсь.— Он смущенно поглядел на дальнюю пульсирующую стену. За желтым квадратом на этой стене, как он понял, скрывался мозг Машины-Оракула. Как бы ему хотелось разmozжить этот мозг!

Но вместо этого он сел на поднявшуюся секцию пола и тщательно вытер вспотевшие руки. Потом рассказал ей об их надвигающейся гибели, об упрямстве Уинтропа, о решении проконсультироваться с Машиной-Оракулом.

— О, да, Уинтроп! Это такой восхитительный старичок. Я встречалась с ним неделю назад в Аптеке Грез. Он чудесно осведомлен! Столь полное погружение в нашу культуру! Мы очень гордимся Уинтропом. Мы поможем ему, чем только сможем.

— Вы меня не так поняли, леди,— угрюмо сказал Дэйв Поллок.— Это мы нуждаемся в помощи. Мы хотим вернуться назад.

Стилия рассмеялась.

— Конечно, мы помогаем каждому. Только Уинтропу — особенно. Он потребляет. Ну, если вы подождете, я пойду и изложу вашу проблему перед Машиной-Оракулом. Я знаю, что делать, чтобы активизировать относящиеся к данному делу памятные цепи с наименьшей затратой времени.

Она махнула ему рукой и направилась к желтому квадрату. Поллок глядел, как он расширился и затем, когда она прошла через открывшийся вход, сомкнулся за ней. Через несколько минут она вернулась.

— Я скажу вам, когда входить, мистер Поллок. Машина работает над вашей проблемой. Ответ, который вы получите, будет наилучшим при имеющихся в распоряжении фактах.

— Благодарю вас,— он немного помолчал.— Скажите мне, не кажется ли вам, что из жизни нечто изъято — из вашей интеллектуальной жизни, раз вы знаете, что можете прийти с абсолютно любой проблемой — личной, научной или рабочей — к Машине-Оракулу, и она решит ее гораздо лучше, чем могли бы решить вы сами?

Стилия недоуменно поглядела на него.

— Вовсе нет. Начать с того, что решение проблем — лишь очень небольшая часть сегодняшней интеллектуальной жизни. Так же можно сказать, что из вашей жизни изъято нечто важное, если сверлить отверстия электродрелью вместо ручной. В наше время, несомненно, есть люди, которые так думают, и они пользуются привилегией не применять электродрель. Однако те, кто пользуется электродрелями, сохраняют свои силы для того, что считают более важным. Машина-Оракул — главное орудие нашей культуры. Она предназначена только для одного — рассчитывать все факторы данной проблемы и связывать воедино подходящие факты, которыми владеет человеческая раса. Но даже если люди консультируются с Машиной-Оракулом, они не могут понять или не сумеют применить ответ. А если они и поймут ответ, то могут не суметь выбрать подходящее для него действие.

— Могут не суметь выбрать действие? Какой же тогда в этом смысл? Вы же сами сказали, что ответы являются наилучшими при имеющихся фактах.

— Человеческой деятельности не обязательно иметь смысл. Это распространенная и весьма удобная современная точка зрения, мистер Поллок. Всегда существует Индивидуальный Эксцентрический Импульс.

— Да, он есть всегда,— пробормотал Поллок.— Подчините ваши отличающиеся от других личные качества беготне с воющей толпой на Поле Криков, растворитесь в безумной толпе, но не забывайте о своем Индивидуальном Эксцентрическом Импульсе!

Она спокойно кивнула.

— Это действительно так, должна вам сказать, вопреки вашему явному сарказму. Почему вы считаете, что это так трудно принять? Человек одновременно стадное и высокоиндивидуалистическое животное — то, что мы называем самосознающим животным. Стадные инстинкты должны быть удовлетворены любой ценой, и в прошлом их удовлетворяли такие механизмы, как война, религия, национализм, партийность и различные фарсы группового шовинизма. Нужда в необходимости подчиняться одной личности и растворяться в чем-то большем, чем ты сам, была ясна с древнейших времен: Поля Крика и Стадионы Паники повсюду на планете доказывают, что

эта нужда существует, и безирредно удовлетворяют ее.

— Я бы не сказал, что это так уж безвредно, с точки зрения механического кролика, или кто там у вас.

— Я понимаю, что человеческие существа, которые в прошлом занимали место механического кролика, относились к этому гораздо хуже, чем гонявшая их толпа,— предположила она, не сводя с него глаз.— Да, мистер Поллок, я думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. Инстинкты самоосознания, с другой стороны, тоже должны быть удовлетворены. Обычно они могут удовлетворяться в пределах повседневной жизни и работы, тогда как инстинкты толпы могут осуществляться в нормальных групповых связях и отождествлении с человечеством. Но иногда инстинкты самоосознания должны выражаться с ненормальной силой, и тогда для этого у нас есть нечто вроде личного Поля Крика — концепция Индивидуального Эксцентрического Импульса. Два противоположных полюса одного и того же. Все, чего мы требуем, это чтобы никто не вмешивался в действия другого человеческого существа.

— Пока не произойдет что-нибудь... все, что угодно!

— Совершенно верно. Все, что угодно. Разрешено абсолютно все, что личность может захотеть сделать, побуждаемая своим Индивидуальным Эксцентрическим Импульсом. Это даже поощряется. Мы не только считаем, что некоторые величайшие достижения человечества исходят из Индивидуальных Эксцентрических Импульсов, но чувствуем, что величайшей славой нашей цивилизации является уважение, которое мы оказываем такому внутреннему личному выражению.

Дэйв Поллок взглянул на нее с невольным уважением. Она была умна. Это девушка, на которой он мог бы жениться вместо Сюзи, если бы получил докторскую степень. Хотя Сюзи... Он подумал, увидит ли снова Сюзи, и был изумлен, какую острую тоску вдруг ощутил по дому.

— Звучит это хорошо,— согласился он.— Но жить так — совершенно другое дело. Думаю, я слишком яркий продукт моей собственной цивилизации. Я не могу преодолеть огромную разницу между нашими культурами. Мы говорим на одном языке, но думаем, наверняка, чертовски неодинаково.

Стилия тепло улыбкунулась и села.

— Одна из причин, по которым ваш период пригласили обменяться с нами гостями, кроется в том, что это был первый период, где речевые образцы сделались постоянными и язык перестал изменяться. Этому способствовали ваши новейшие звукозаписывающие устройства. Но технический прогресс продолжался, а социальный даже ускорился. Ничего не было застывшим до тех пор, пока изобретения в последние десятилетия двадцать третьего века...

Дальняя стена зажуужала. Стилия умолкла и встала.

— Машина-Оракул готова дать ответ на вашу проблему. Войдите, сядьте и повторите свой вопрос в простейшей форме. Желаю вам удачи.

Я тоже желаю вам удачи, подумал Дэйв Поллок, проходя через расширившийся желтый квадрат в крошечное кубическое помещение. Несмотря на все объяснения Стилии, он чувствовал себя крайне неудобно в мире простейшего удовлетворения стадных инстинктов и Индивидуальных Эксцентрических Импульсов. Он не неудачник, он не Уинтроп, он очень хочет вернуться и получить заслуженную известность.

Кроме того, ему не хотелось оставаться в мире, где почти на любой вопрос, который он может придумать, дадут ответ голубоватые пульсирующие стены, окружавшие его сейчас. Но... У него есть проблема, которую он не может решить. А машина может.

Он сел.

— Как мы можем совладать с упрямством Уинтропа? — спросил он, чувствуя себя идиотом, дикарем, поклоняющимся пригоршне священных костей. Глубокий голос, не мужской и не женский, прогремел со всех четырех стен, с пола и потолка:

— Вы должны прийти в бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве в назначенный срок.

Он ждал. Больше ничего не происходило. Стены молчали.

Машина-Оракул, очевидно, не поняла.

— Но нас там не ждет ничего хорошего,— указал он.— Уинтроп упрям, он не собирается возвращаться с нами. А если мы не вернемся впятером, то не вернется никто. Так работает обменное устройство. Я хотел узнать, как нам уговорить Уинтропа...

Снова раздался голос:

— Вы должны прийти в бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве в назначенный срок.

Это было все. Дэйв Поллок поплелся назад и сказал Стилии, что случилось.

— Мне кажется,— слегка язвительно заметил он,— машина нашла проблему слегка трудноватой для себя и твердо решила сменить тему.

— Я бы, например, сделала то, что она советует. Однако вы можете, конечно, найти другую, более тонкую интерпретацию ответа.

— Чтобы мой Индивидуальный Эксцентрический Импульс проявился в определенном смысле?

— Это было бы лучше всего! Вообразите, что вы, наконец, научились проявлять его!

Дэйв Поллок вернулся в комнату миссис Бракс и очень раздраженно передал остальным нелепый ответ, который дала ему Машина-Оракул на вопрос об упрямстве Уинтропа.

* * *

Однако за несколько минут до шести все четверо — миссис Бракс, Оливер Т. Мид, Мэри Энн Картингтон и Дэйв Поллок — стояли в бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве в различных стадиях головокружения от джампера, не питая никаких особых надежд, просто делать больше было нечего.

Они уныло заняли места обмена и устали на часы.

И ровно за минуту до шести в комнату вошла большая группа граждан двадцать пятого века. Среди них был темпоральный контролер Гигио Раблин, и слуга Машины-Оракула

Стилия, и Флюрит, имевшая в ожидании главной трансформации отсутствующий вид, и мистер Сторку, временно вернувшийся с Фестиваля Ароматов на Венере,— и многие, многие другие. Они внесли Уинтропа, усадили его на место и встали позади с благоговейным выражением на лицах. Они походили на людей, исполняющих религиозную церемонию,— что, в сущности, и было таковым.

Обмен начался.

Уинтроп был стариком, если говорить точнее, ему исполнилось шестьдесят четыре года. В последние две недели он подвергся громадному воздействию извне. Он побывал на микроохоте, на подводной охоте, телепортировался на увеселительные прогулки по неопишуемо далеким планетам, совершал бесчисленные фантастические экскурсии. Он проделывал со своим телом всякие занимательные штуки. Им-позантные шутки проделывал он также и со своим мозгом. Он участвовал в преследованиях на Поле Крика, в ужасе удирал со Стадиона Паники. И кроме того, он обильно и неоднократно поглощал продукты, выращиваемые в далеких звездных системах, блюда, изготовленные совершенно чуждыми существами, еду, об ингредиентах которой и не подозревал его метаболизм в период созревания. Он не вырос на всем этом, как люди двадцать пятого века, и тем самым основательно разрушил свой организм.

И потому неудивительно, что все вокруг с таким довольным изумлением наблюдали за его Индивидуальным Эксцентрическим Импульсом, отстаивающим свои права. И неудивительно, что они так бережно охраняли его развитие. Но...

Уинтроп больше не был упрям. Уинтроп был мертв.

Филип Кинред Дик

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ

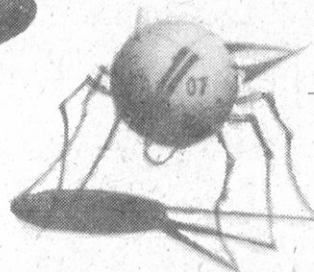
НАУЧНО - ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

MODEL NO 3 (A)

33 PARTS - GUNS, NUCLEAR
AND ROCKETS, AND
PROP TANKS.

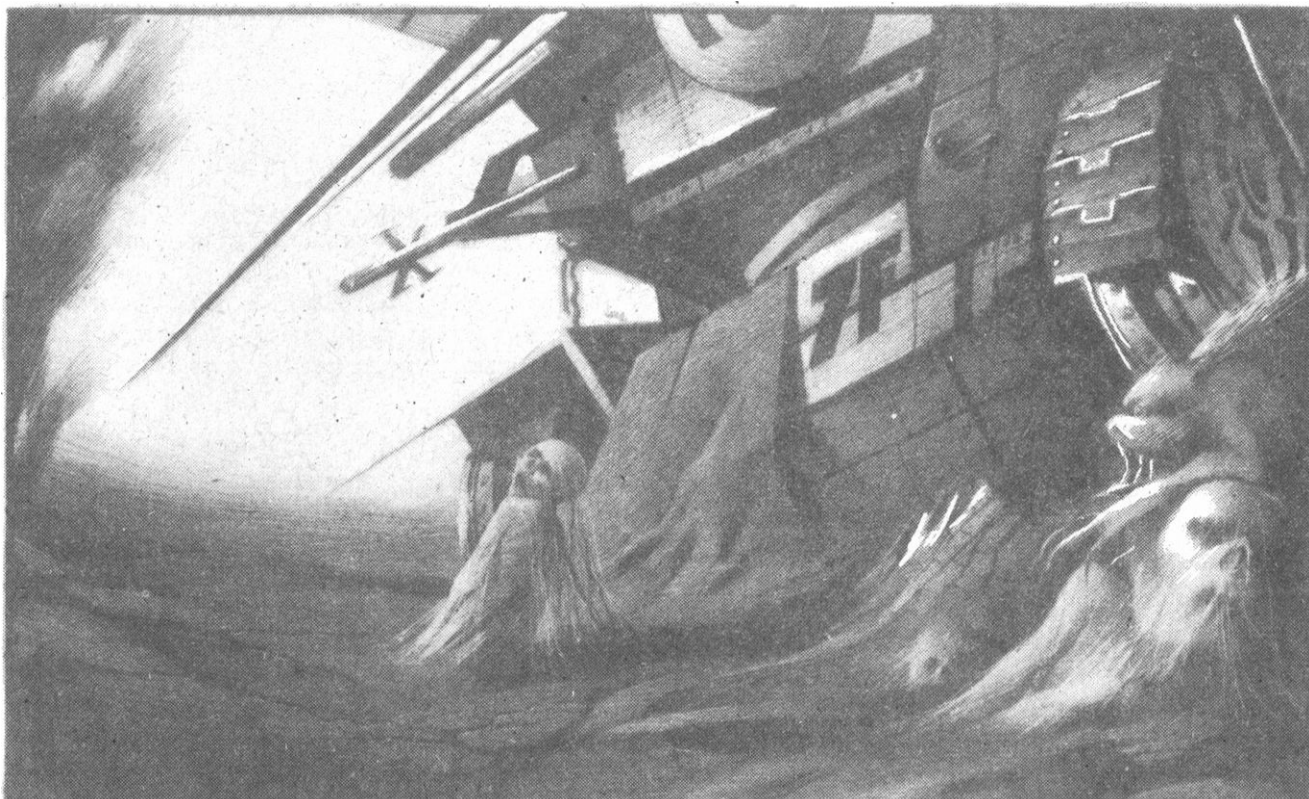
DANGER!
SIDE A

ATTENTION!
BEWARE!
NCSA NO 32/0789F
DANGER!

DANGER!
MODEL NO 3 (B) - SIDE A
70 PARTS - ROCKETS
AND PROP TANKS.
(NO 324075/F443)

NO 324075 XF/584H

Глава I

Неприятельский солдат с винтовкой наперевес быстро поднимался по изрытому воронками склону холма. Он нервно озирался, часто облизывая пересохшие губы. Время от времени он поднимал руку в перчатке и вытирал потную шею, расстегнув ворот шинели.

Эрик повернулся к капралу.

— Хотите попробовать? А может быть, лучше я? — он отрегулировал увеличение прицела так, что лицо солдата заполнило собой окуляр. Оно было угрюмым, заросшим и морщинистым.

— Подожди, не стреляй! — капрал поднял руку. — Думаю, в этом пока нет надобности.

Солдат прибавил шаг, расшвыривая ногами золу и груды мусора, мешавшие ему идти. Он вышел на вершину холма и остановился, чтобы перевести дух. Небо заволокло тучами. Серые частицы сажи носились в воздухе. Голые стволы деревьев возвышались над землей, устланной битыми кирпичами. Чуть поодаль развалины домов глядели пустыми глазницами окон.

Видно было, что враг встревожен.

Почуввав неладное, он стал спускаться с вершины холма. Сейчас солдат был уже в нескольких десятках метров от бункера. Эрик засуетился, вертя в руке пистолет и нервно поглядывая на капрала Леона.

— Не беспокойся попусту, — буркнул тот, осуждающе посмотрев на Эрика, сейчас о нем побеспокоятся...

— Почему вы так уверены, капрал? Он чертовски близко к нам подобрался!

— Не дергайся. Сейчас ему будет крышка. Они ошиваются недалеко от бункера и вот-вот возьмутся за него.

Спускаясь по холму, солдат прибавил ходу, но его сапоги стали вязнуть в грудах серого пепла. На мгновение он остановился и поднес к глазам бинокль.

— Он смотрит прямо на нас! — закричал Эрик.

Вражеский солдат двинулся дальше. Были видны его глаза — два голубых камешка. Рот был слегка приоткрыт, на подбородке темнела густая щетина. На правой скуле ровный квадратик пластыря, из-под которого виднелось что-то синее.

— Лишай, — отметил про себя капрал.

Шинель солдата была грязной и рваной. Одной перчатки не было. Когда солдат бежал, счетчик радиации на поясе раскачивался и бил его по бедру.

Леон прикоснулся к руке Эрика.

— Ну вот, один уже показался.

На поверхности земли возникло нечто, блестящее в тусклом полуденном свете. Маленький металлический шар быстро догнал бежавшего по склону солдата. Его «когти» были выпущены, два острых лезвия бешено вращались в противоположные стороны. Солдат услышал шум, мгновенно обернулся и выстрелил. Шар разлетелся на куски, но к месту схватки уже подоспел другой. Солдат выстрелил снова.

Третий шар, свистя и шелкая, вцепился в ногу противника. Солдат быстро нагнулся. Четвертый шар прыгнул ему на плечо, и вращающиеся лезвия исчезли в горле неприятеля.

— Уфф! — облегченно вздохнул Эрик. — Господи, от этих штуквин меня знобит! Я иногда думаю, что лучше было бы обходиться без них.

— Если бы мы не изобрели их, это сделал бы враг! — Леон нервно закурил сигарету. — Интересно, с чего это он полз к нашим позициям, да еще в одиночку? Я не заметил, чтобы кто-нибудь его прикрывал...

Из хода сообщения, ведущего в бункер, появился лейтенант Скотт.

— Что там у вас?

— Азиат!

— Всего один?

Эрик повернул к офицеру экран, и Скотт стал внимательно всматриваться в него. По распростертому телу теперь уже ползала целая орава металлических шаров. Лязгая и жужжа, они кромсали мертвеца на мелкие кусочки.

— О Боже! Какое множество «когтей», — пробормотал офицер.

— Налетели на него, как мухи, сэр. Похоже, без работы соскучились.

Скотт с отвращением отодвинулся от экрана.

— Мухи... Интересно, зачем он сюда шел? Они же отлично знают, что у нас здесь вокруг «когти»!

К шарам присоединился робот более крупных размеров. Он руководил действиями крошек при помощи глаз, расположенных на конце торчащей из него тупорылой трубы.

От солдата уже почти ничего не осталось. Сонм «когтей» тащил все, что было человеческим телом, к подножию холма.

— Сэр, — произнес Леон, — мне хотелось бы вылезти наружу и взглянуть на останки.

— Зачем?

— Хочу выяснить, зачем он к нам шел.

Лейтенант на мгновение задумался.

— Хорошо, — наконец сказал он, пожав плечами. — Только будьте осторожны, капрал.

— У меня есть браслет. — Леон погладил на запястье металлический браслет.

Глава II

Он поднял винтовку и направился к выходу из бункера, пробираясь между бетонными балками и стальными переборками.

Наверху было холодно. Капрал пересек участок, отделяющий останки солдата от бункера. Ветер швырял в лицо хлопья саж.

Приблизившись к месту схватки, Леон дотронулся до своего браслета. Шары отступили, некоторые из них неподвижно застыли в воздухе. Сколько бы азиат отдал за это сокровище! Слабая радиация, исходившая от этого устройства, нейтрализовала «когти», лишая их возможности активно действовать. Даже большой робот с двумя покачивающимися черенками-глазами с уважением отступил, когда Леон подошел к нему.

Он склонился над останками солдата. Рука в перчатке что-то крепко сжимала. Из мертвых пальцев Леон не без труда извлек маленькую металлическую трубку-контейнер.

Он сунул её в карман и пошел назад. За спиной «когти» снова принялись за свою работу.

...Скотт смотрел на трубку.

— Это было у него?

— Да, сэр. — Леон протянул командиру свою находку. — Возьмите, сэр.

Лейтенант взял контейнер, отвинтил крышку и вытряхнул на ладонь аккуратно свернутый листок шелковистой бумаги. Он сел поближе к свету и развернул его.

— О чем там говорится, сэр? — с нетерпением поинтересовался Эрик.

Лейтенант хотел было что-то сказать, но тут из тоннеля вышли несколько офицеров во главе с майором Хендриком.

— Сэр, — обратился к начальнику лейте-

нант.— Мы нашли это у мертвого солдата-азиата.

Хендрикс взял листок и принялся читать.

— Где вы это взяли?

— Перебежчик-одиночка, сэр. Только что.

— Где он? — резко спросил Хендрикс.

— Я вам уже докладывал, сэр. Мы ничего не могли сделать. «Когти» порешили его.

Майор Хендрикс недовольно буркнул что-то, затем повернулся к своим спутникам.

— Вот. Именно этого мы и ждали! Теперь они, кажется, стали сговорчивее.

— Значит, они все же решили начать переговоры? — спросил Скотт. — И вы начнете их?

— Это не нам решать... — Хендрикс сел. — Где связист? Мне срочно нужна Лунная База.

Пока Леон размышлял, офицер, ведавший связью, осторожно выпустил наружу антенну и стал вводить ее, прощупывая небо над бункером, чтобы удостовериться в том, что нет никаких признаков вражеских кораблей-наблюдателей.

— Сэр, — Скотт обратился к майору, — вам не показалось странным, что «когти» стали собираться в большие стаи? Вот уже год, как мы их используем, но до сих пор ничего подобного не наблюдалось.

— Может быть, они уже полностью опустошили вражеские траншеи и скоро примутся за нас, а? — майор ослабилась.

— Один из роботов, вроде тех, что с отрывками, забрался на прошлой неделе к азиатам в бункер, — заметил капитан Веймар, — и прикончил добрый взвод солдат, пока им не удалось с ним разделаться.

— Откуда тебе это известно? — повернулся к нему Хендрикс.

— Мне сказал об этом...

— Лунная База, сэр! — крикнул офицер связи.

На экране появилось лицо дежурного на Луне. Его отутюженная форма составляла яркий контраст с формой находящихся в бункере. Выбрит он был безукоризненно.

— Лунная База.

— Это командный пункт группы Л-Т. Земля. Соедините меня с генералом Томпсоном.

Дежурный исчез, вместо него на экране возникло жесткое лицо генерала Томпсона.

— В чем дело, майор?

— Наши «когти» уничтожили вражеского

перебежчика. Он нес послание. Мы не знаем, можем ли мы верить этому письму, — в прошлом, вы помните, бывали подобные уловки.

— Что в письме?

— Азиаты предлагают, чтобы мы послали одного офицера высокого ранга к ним в окопы.

— Зачем? — повысив голос, прервал его генерал.

— Для участия в переговорах, сэр, — невозможно продолжил Хендрикс. — Подробности нам не известны. Они пишут, что все дело в... — майор сверился с листком, — не терпит отлагательств. И в связи с этим настоятельно просят начать переговоры.

— Ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть.

Хендрикс приблизил листок бумаги почти вплотную к экрану, чтобы генерал сам мог прочесть послание.

— Что же нам предпринять, сэр? — спросил через мгновение Хендрикс.

— Пошлите какого-нибудь офицера.

— Вы думаете, это не западня?

— Все может быть. Но местоположение их командного пункта указано правильно. Мне кажется, что в любом случае можно попробовать. Вреда от этого не будет.

— Я пошлю офицера, о результатах доложу вам незамедлительно.

— Хорошо, — кивнул Томпсон и отключился.

Экран погас. С тихим жужжанием антенна медленно опустилась. Хендрикс в задумчивости свернул листок.

— Я пойду, — вызвался капитан Веймар.

— Они хотят, чтобы пошел кто-нибудь высокого ранга, наделенный полномочиями, — Хендрикс потер челюсть. — Вы, капитан, вполне подходите... но понимаете... я не был на поверхности вот уже несколько месяцев. Сам хочу подышать свежим воздухом.

— Вы не думаете, что это слишком рискованно?

Не отвечая, Хендрикс прильнул к стереотрубе. Останков вражеского солдата уже не было. В поле зрения оставался всего лишь один «коготь», да и тот уже сворачивался, прячась среди пепла, как краб.

— Это единственное, что меня беспокоит, — сказал Хендрикс, потирая запястье, — я знаю, что пока на мне эта штукавина, я в полной безопасности. Но вы не можете себе представить, как я боюсь потерять этот

браслет. Что-то в этих механизмах есть такое, чего я до глубины души боюсь. Я ненавижу их, понимаете, ненавижу, хоть они и помогают нам против азиатов. Ах, как я хотел бы, чтобы их не было. От этих штуковин можно ожидать всякого... Что-то наши конструкторы не додумали. Неумолимые, безжалостные механизмы...

— Если бы не мы их изобрели, они непременно появились бы у азиатов! — покачал головой Веймар.

Хендрикс отошел от стереотрубы и сел на стул.

— В любом случае, похоже, что войну мы выиграем. И я полагаю, что это хорошо... Мне лучше бы отправиться сейчас, если я хочу засветло вернуться, — сказал он, посмотрев на часы.

Глава III

Он сделал глубокий вздох и ступил на серую неровную почву. Через минуту он закурил сигарету и некоторое время стоял, оглядываясь по сторонам. Руины, камни, стволы деревьев. Все вокруг было мертво. Над головой висели тяжелые тучи, закрыв землю от солнца.

Майор Хендрикс решительно двинулся вперед. Справа от него шевельнулось что-то круглое и металлическое. «Коготь» погнался за каким-то мелким животным. Крысой, наверное. Да, они охотятся на крыс тоже. Это вроде побочного промысла...

Он поднялся на вершину невысокого холма и поднес к глазам бинокль. Впереди, в нескольких милях от него лежали неприятельские окопы. Там находился их командный пункт.

Мимо прошел приземистый робот, размахивая руками, как бы приглашая идти за собой. Хендрикс внимательно наблюдал за ним, пока он не исчез среди обломков. Такого типа механизмов ему еще не доводилось видеть. Было похоже на то, что становилось все больше и больше новых типов роботов, которых он не видел прежде. А это еще раз подтверждало слухи о том, что на подземных заводах уже вовсю штампуют роботов новых конструкций.

Хендрикс выбросил окурочек и двинулся дальше. Использование в войне искусственных солдат всегда его интересовало. Когда же все это началось?

...В конце войны азиаты добились значительных успехов, используя обычные виды вооружений. Большая часть Северной Америки была стерта с лица Земли. Потом, конечно, наступило возмездие.

Еще до того, как началась эта война, в небе было полно кружащихся дисков-бомбардировщиков. Они были запущены за много лет до войны, но уже через несколько часов после её начала с них начали сыпаться бомбы на территорию азиатов.

Это, однако, не помогло Вашингтону. В первый же год американское правительство переправилось на Луну, ему попросту не оставалось сделать ничего другого. Европа была превращена в гигантскую грудку золы, где могли жить только неизвестные, ранее черные растения, питающиеся веществами из костей и пепла. В Северной Америке — та же картина. Лишь в Канаде и отдельных районах Южной Америки уцелело несколько миллионов жителей. Но на втором году войны с неба начали сыпаться азиатские парашютисты. Сначала их было совсем немного, затем все больше и больше. Впервые в истории они были оснащены по-настоящему эффективным антирадиационным обмундированием и снаряжением. То, что осталось от американской промышленности было вместе с правительством в спешном порядке эвакуировано на Луну. Осталась Армия. Войска отважно боролись везде, где только было возможно. В одном месте несколько тысяч, в другом — всего один взвод мужественно удерживали стратегически важные пункты. Никто толком не знал расположение этих опорных точек. Одно было известно: отчаянные защитники свободы и справедливости цеплялись за любое укрытие, двигались по ночам, укрывались среди развалин, в канализационных коллекторах, подвалах, кишках крысами и змеями. Похоже было, что азиаты вот-вот одержат окончательную победу.

За исключением горстки ракет, ежедневно запускаемых с Луны, против них уже не было сколько-нибудь действенного оружия. Захватчики контролировали почти всю территорию США. Они передвигались в любом направлении без опаски, так как военные действия, по сути, прекратились. Казалось, ничто уже не могло противостоять победителю...

Глава IV

И тогда впервые появились «когти». Всего за одну ночь изменили они ход войны.

Поначалу эти механизмы были неуклюжими и настолько медлительными, что азиаты уничтожили их сразу же, едва только эти чудища выползали из своих подземных тоннелей. Выпускали их заводы, расположенные на Земле, а точнее, глубоко под землей, гораздо глубже азиатских окопов, — заводы, на которых прежде делали атомные боеголовки.

Со временем «когти» становились проворнее и все крупнее в размерах. Появились новые типы, некоторые с зачаточными органами чувств, способные даже летать. Лучшие конструкторы на Луне, не покладая рук, разрабатывали все новые и новые модели, делая их сложнее и стараясь, чтобы их поведение было более гибким. И роботы стали просто жуткими. Теперь у азиатов прибавилось с ними хлопот. Некоторые мелкие «когти» научились искусно прятаться в пепел, нападать из укрытий.

И вскоре «когти» стали пробираться в неприятельские окопы, бункеры, проскальзывать в любую щель, стоило только поднять крышку люка. Один «коготь» в бункере, этого бывало вполне достаточно. Как только внутрь пробирался один, за ним спешили и другие.

С появлением «когтей» война не могла продолжаться дальше. А сейчас, может быть, она уже и закончилась.

Может быть, он и идет, чтобы услышать это известие. Может быть, азиаты решили выбросить белый флаг? Жаль только, что война тянулась так долго.

Сотни тысяч автоматических дисков возмездия кружат над Европой и Азией. Кристаллы, зараженные бактериями, азиатские управляемые ракеты, которые со свистом обрушиваются на города Америки, бомбы...

И вот теперь «когти»!

«Когти» вовсе не были похожи на другие виды оружия. Они были живыми, практически с любой точки зрения, независимо от того, хотело признавать это правительство или нет. Они не были машинами. Они были живыми предметами, вращающимися, ползающими, вылезающими неожиданно из руин. Отряхиваясь от пепла, они пулей устремлялись к человеку, взбирались на него, стараясь дотянуться до горла.

Это было их работой, и они делали ее отлично! Особенно в последнее время, когда стали появляться новые конструкции и модификации. Теперь «когти» могли уже себя ремонтировать, с этого момента они перестали нуждаться в своих творцах. Радиационные браслеты защищали от них американские войска, но стоило человеку потерять браслет, как он тут же становился легкой добычей этих тварей, независимо от того, в какую форму был одет. А далеко внизу, под землей, автоматические заводы штамповали все новых тварей. Люди держались подальше от этого производства — находиться там было слишком опасно.

Заводы работали в автоматическом режиме, все службы прекрасно функционировали. Новые модификации были более быстрыми, более сложными и более эффективными в бою.

По-видимому, благодаря им великий американский народ и выиграл войну...

Хендрикс закурил сигарету. Пейзаж действовал на нервы. Ему казалось, что он один, единственное живое существо во всем мире. Справа от него высились руины города. Он швырнул погасшую спичку и прибавил шаг. Внезапно Хендрикс остановился, вскинул винтовку и напрягся всем телом.

Из-под развалин дома выбралась какая-то фигура и робкими шажками двинулась в его сторону.

Хендрикс прицелился.

— Стой!

Мальчик замер. Хендрикс опустил винтовку, малыш стоял и внимательно рассматривал майора. На вид ему было лет восемь. Правда, сейчас возраст очень трудно определить. Оставшиеся в живых дети, как правило, отставали в развитии. На мальчике был вылинявший синий свитер и короткие штанишки. В руках он что-то держал.

— Что это у тебя? — резко спросил Хендрикс.

Мальчик протянул руки. Это была игрушка — маленький плюшевый медвежонок. Мальчик не мигая смотрел на взрослого, и выражение его больших глаз заставило сжаться сердце майора.

— Мне не нужна твоя игрушка, сынок. Оставь ее.

Мальчик снова крепко обнял медвежонка.

— Где ты живешь? — поинтересовался Хендрикс.

- Там.
- В развалинах.
- Да.
- Под землей?
- Да.
- Сколько вас там?
- Сколько вас... сколько?
- Я спрашиваю, сколько вас там живет?

У вас там был большой поселок?

Мальчик ничего не ответил, и Хендрикс нахмурился.

— Но ты же здесь не один, не так ли?

Мальчик кивнул.

— Чем вы живете?

— Там есть еда.

— Какого рода еда?

— Всякая.

Хендрикс внимательно посмотрел на малыша.

— Сколько тебе лет, сынок?

— Тринадцать.

В это было трудно поверить.

Мальчик был худым, да и несколько подзадержался в росте. Вероятно, он был стилилен. Все это последствия длительной радиации. Его ручки и ножки были, как палки для чистки труб — шишковатые и худые. Хендрикс протянул ему руку. Кожа была сухой и шершавой — тоже результат радиации. Он нагнулся и посмотрел ребенку в лицо: глаза были пустыми и темными.

— Ты слепой? — спросил Хендрикс.

— Нет. Кое-что вижу.

— Но как же тебе удается избегать «когтей»?

— Когтей?

— Ну, этих круглых металлических шуток-вин, которые бегают и зарываются в землю?

— Не понимаю.

Возможно, поблизости «когтей» не было. Значительные пространства были свободны от них. Механизмы собирались большей частью у бункеров, которые были полны людей. Эти роботы были спроектированы так, чтобы чувствовали тепло — тепло живых существ.

— Тебе повезло, приятель, — выпрямившись, сказал Хендрикс, — до свидания!

— Можно мне пойти с вами, сэр?

— Со мной? — Хендрикс сложил на груди руки. — Но мне предстоит очень долгий путь. Много миль. И я должен спешить, — он взглянул на часы, — я должен буду добраться до цели засветло.

— Мне бы очень хотелось пойти с вами, сэр.

Хендрикс порывлся в своем ранце.

— Не стоит идти со мной, малыш. Вот, возьми! — Он протянул ребенку пару консервных банок, — бери их и возвращайся к себе, о'кей?

Мальчик ничего не сказал.

— Я буду возвращаться по этой же дороге через день, а может, через два. Если ты снова будешь где-то рядом, я возьму тебя с собой. Ну, договорились?

— Мне хотелось бы пойти с вами теперь.

— Путь у меня очень трудный.

— Но я не боюсь ходить пешком.

Хендрикс неловко начал переминаться с ноги на ногу. Двое бредущих людей — это очень хорошая мишень. И с мальчиком придется к тому же идти гораздо медленнее. Но если он будет возвращаться другим путем? Что тогда? И если на самом деле этот мальчик совершенно одинок?..

— О'кей! Пойдем вместе, малыш.

Глава V

Хендрикс шел широким шагом, но мальчишка не отставал от него, прижимая к груди медвежонка.

— Как тебя зовут? — спросил майор.

— Дэвид. Дэвид Эрвард Дерринг.

— Дэвид? Что... что же случилось с твоими матерью и отцом?

— Они умерли.

— Как?

— Во время взрыва.

— Когда это случилось?

— Шесть лет назад.

— И ты все эти шесть лет был один?

— Нет. Я некоторое время был с другими людьми, но они потом ушли.

— И с тех пор ты один?

— Да.

Хендрикс посмотрел на мальчишку. Он был каким-то странным. Говорил очень мало. Как-то отрешенно. Но, возможно, такими и должны быть дети, которые смогли выжить среди этого ужаса. Тихими. Стоическими. Какой-то странный фатализм владел ими. Для них не было ничего неожиданного. Они могли перенести что угодно. Обычай, привычки — все эти определяющие силы обучения — исчезли. Остался один только грубый опыт.

— Я не слишком быстро иду, малыш? — участливо спросил Хендрикс.

— Нет.

— Как это тебе удалось увидеть меня?

— Я ждал.

— Ждал? — Хендрикс был озадачен. — Чего же ты ждал?

— Поймать что-нибудь.

— Извини, я не понял.

— Что-нибудь, что можно было бы съесть.

— О! — Хендрикс печально поджал губы. Тринадцатилетний мальчик, живущий на крышах, сусликах и наполовину сгнивших консервах в какой-нибудь дыре под развалинами города, полного очагов радиации и «когтей», с азиатскими пикирующими минами над головой...

— Куда мы идем? — спросил внезапно Дэвид.

— В азиатские скопы.

— К азиатам? — казалось мальчик был слегка заинтересован.

— Да, к нашим врагам, к тем людям, которые начали эту войну и первыми применили радиационные бомбы. Помни, что они первыми заварили всю эту кашу.

Мальчик кивнул. На его лице опять не было никакого выражения.

— Я — американец, — гордо сказал Хендрикс.

Но мальчик промолчал.

Так они и шли. Хендрикс чуть впереди, мальчик за ним, прижимая к груди свою игрушку.

Около четырех часов дня они сделали привал, чтобы пообедать. Собрав сухих веток, Хендрикс развел костер в углублении между бетонными глыбами. Азиатские окопы были, уже недалеко.

Хендрикс приготовил кофе и подогрел баранью тушенку.

— Держи! — он протянул банку и кусок хлеба мальчику. Дэвид сидел у костра на корточках, его узловатые белые коленки выступали вперед. Он посмотрел на еду и сказал:

— Нет.

— Нет? Что, тебе совсем не хочется есть?

— Совсем.

Хендрикс пожал плечами. Возможно, мальчик был мутантом, привыкшим к особой пище. Но какое это имело значение? Когда он бывал голоден, он находил себе пищу, здесь, в развалинах! Да, мальчик этот определенно стра-

нен, но в этом мире произошло столько больших перемен... Жизнь уже больше не была такой, как раньше. И снова она никогда уже не станет такой, как прежде. Человечеству придется рано или поздно смириться с этим.

— Ну что ж, как хочешь, — проговорил Хендрикс. Он сам съел весь хлеб, тушенку, затем выпил кофе. Ел он медленно, размеренно двигая челюстями. Покончив с едой, он встал, затоптал костер. Дэвид медленно поднялся, следя за ним своими молодыми в то же время старческими глазами.

— Мы идем дальше, малыш, — сказал Хендрикс.

— Хорошо.

Хендрикс снова двинулся в путь, держа винтовку наперевес. Азиаты должны были быть где-то рядом. Майор был внимателен и готов ко всякой случайности. Конечно, азиаты ждали ответ на свои предложения, но нельзя было забывать, что они были щедры на всякие уловки. Вероятность подвоха была достаточно велика. Хендрикс внимательно осматривал местность. Ничего кроме развалин и пепелищ, несколько холмов, обугленные деревья, бетонные стены. Но где-то впереди должен был быть главный бункер азиатских окопов — передовой командный пункт. Подземный, глубокий, только перископ торчит на поверхности, да пара стволов крупнокалиберных пулеметов. Может быть, еще и антенна.

— Мы скоро придем? — спросил Дэвид.

— Да. Уже устал?

— Нет.

— Тогда что?

Мальчик не ответил. Он продолжал идти, внимательно рассматривая дорогу среди куч золы и камней. Его голые ноги посерели от пыли, изможденное лицо было все в царапинах, которые также покрывал серый налет. Такой серый пепел покрывал его потрескавшиеся губы. На этом бледном лице не было, казалось, никаких других красок, кроме серой. «Пожалуй, это типичное лицо нового поколения детей, выросших в погребках, ливнесточках и подземных убежищах», — подумал Хендрикс...

Он замедлил шаг, поднял бинокль и стал внимательно осматривать местность. Не здесь ли они его ждали, следя за ним, так же, как его люди — за азиатским парламентом? По спине Хендрикса пробежали мурашки. Воз-

можно, азиаты уже изготовили свои винтовки и вот-вот выстрелят, так же, как и его люди были готовы к убийству, лишь только заметили врага!

Хендрикс опустил бинокль и вытер пот со лба. Он чувствовал себя отвратительно. Но ведь его должны были ждать! А это в корне меняло ситуацию.

Он снова зашагал по пеплу, крепко сжимая винтовку двумя руками. Дэвид шел за ним. Поджав губы, Хендрикс внимательно смотрел во все стороны. В любую минуту это могло произойти. Вспышка белого огня, взрыв.

Он поднял руку и стал ею ожесточенно размахивать. В ответ ни звука. Справа от него начиналась длинная гряда холмов, на вершинах торчали мертвые стволы деревьев, были видны остатки дикого винограда и остои беседки. И вечная черная трава.

Хендрикс внимательно осмотрел гряду. Может быть, они там? Прекрасное место для обзора. Он медленно направился к холмам, Дэвид молча последовал за ним. Будь он здесь командиром, обязательно бы выставил наверху часового, чтобы пресечь возможные попытки янки прорваться к командному пункту. Конечно, будь он командиром, для полной гарантии здесь была бы еще и тьма «когтей».

Он остановился.

— Мы пришли? — спросил Дэвид.

— Почти.

— Почему же тогда мы остановились?

— Я не хотел бы понапрасну рисковать нашими жизнями.

Мальчик ничего не ответил.

Хендрикс медленно двинулся вперед. Теперь уже гребень был прямо перед ним. И, конечно же, две их фигуры были хорошо видны сверху, прямо как на ладони. И это увеличивало чувство неловкости. Хендрикс снова помахал рукой. Но они ведь должны ждать парламентария в ответ на свою записку? Если, конечно, это не западня!

— Держись ко мне поближе, малыш, — Хендрикс повернулся к Дэвиду, — не отставай!

— Что?

— Иди со мной рядом. Мы, похоже, уже пришли. Сейчас нам ни в коем случае нельзя рисковать.

— Я постараюсь, — сказал Дэвид, но по-прежнему он оставался сзади майора, в нескольких шагах от него, все еще сжимая в своих объятиях медвежонка.

— А ну тебя! — махнул в сердцах Хендрикс. — Делай, что хочешь!

Он вновь поднял бинокль и напрягся всем телом. На какой-то миг что-то шевельнулось. Он внимательно осмотрел еще раз весь гребень. Но все было тихо. Никаких признаков жизни — только стволы деревьев и серый пепел. Крысы, наверное... Большие серые крысы, которым удалось спастись от «когтей».

Майор снова двинулся вперед.

На вершине холма возникла высокая фигура в серо-зеленом плаще. Азиат! За ним еще один! Оба подняли винтовки и прицелились.

Хендрикс застыл. Он открыл рот и начал кричать — оцепенение было мгновенным. К солдатам присоединилась третья фигура, маленькая, очевидно, женщина. Она стояла позади этих двоих.

— Стойте! Стойте, не стреляйте! Я...

Но азиаты открыли огонь. Позади Хендрикса раздался слабый хлопок, и волна тепла обрушилась на него, сбив с ног. Зола колола ему лицо, пепел засорил глаза и нос. Кашляя, он приподнялся на колени. Да, это была ловушка. С ним все кончено. Дьявольская азиатская хитрость. Он шел сюда на убой, как молодой вол.

Солдаты и женщина стали спускаться с холма, скользя по мягкому пеплу. Хендрикс был оглушен, в голове у него гудело. Он неуклюже поднял винтовку и прицелился. Казалось, она весила сейчас тысячу тонн. Он с огромным трудом мог удержать ее в вытянутых руках, нос и щеки горели, глаза слезились. В воздухе разносился запах гари, смешиваясь с чем-то кислым и вонючим.

— Не стреляй! — крикнул первый спускавшийся с холма азиат по-английски, но с сильным акцентом.

Все трое подошли к нему и окружили.

— Брось винтовку, янки, — сказал другой и рассмеялся.

Голова Хендрикса кружилась. Все произошло так быстро. Он схвачен, и они убили мальчишку! Он повернул голову и, конечно же, не увидел Дэвида. Его останки разлетались по земле. И в этом не было ничего удивительного — выстрел из атомной винтовки мог разнести на куски бетонную стену толщиной в дом.

Трое азиатов с любопытством рассматривали его. Хендрикс сел, утирая кровь и смахивая пепел с груди. Он долго тряс головой, прежде чем смог заговорить.

— Зачем вы это сделали? — прошептал он. — Ведь это был мальчик.

— Зачем? — Один из азиатов грубовато помог ему встать на ноги и, развернув его, крикнул: — Смотри!

Хендрикс зажмурил глаза.

— Смотри, сукин сын! — оба азиата с яростью толкнули его вперед. — Давай побыстрее! Не трать зря время, янки!

Хендрикс взглянул на останки ребенка, и горло его сжала судорога.

— Ну что? Теперь понял в чем дело? — донесся до него злорадный голос врага.

Глава VI

Из трупа Дэвида торчала проволочка. Недалеке валялись несколько металлических шестеренок, какое-то реле. Один из азиатов перевернул останки ногой, и изнутри посыпались детали, покатались по склону вниз колесики, пружинки, стерженьки. Выпала какая-то секция из пластмассы, уже наполовину обугленная.

Хендрикс, трясясь, наклонился. Всю переднюю часть головы Дэвида снесло выстрелом. Был ясно виден сложный мозг, проводники, реле, тонкие трубочки переключателей, тысячи крошечных трифтиков...

— Робот! — произнес солдат, придерживающий Хендрикса за руку. — Мы внимательно следили за тем, как он преследовал тебя.

— Преследовал меня?

— У них такая манера. Они идут за человеком прямо в бункер. Ты понимаешь теперь, каким образом они могут попасть внутрь убежища?

Хендрикс ошеломленно моргал глазами.

— Но...

— Пошли... — он повел его к вершине, с трудом преодолевая горы пепла. Женщина выбралась наверх первой и стояла, дожидаясь остальных.

— Передовой отряд, — пробормотал Хендрикс, — я пришел, чтобы вести переговоры с вашими лидерами...

— Нет больше первого отряда. Его уничтожили. Сейчас мы все объясним. — Они взобрались на вершину. — Мы — это все, что от него осталось. Нас трое. Остальные навеки остались в бункере.

— Сюда, сюда, вниз, — женщина открыла крышку люка, серую, присыпанную землей. — Забирайся, янки.

Хендрикс начал спускаться. Азиаты последовали за ним. Женщина спустилась последней, так как на ней, очевидно, лежала обязанность следить за качеством закрытия входа в бункер.

— Хорошо, что мы увидели тебя, янки, — проворчал один из солдат, — этот робот так здорово прицепился к тебе.

— Дай мне сигарету, — попросила у Хендрикса женщина, — я уже много недель не курила американских сигарет.

— Возьми, — Хендрикс дал ей пачку.

Она взяла одну и протянула пачку своим товарищам.

В углу небольшого помещения неверным светом горела лампа. Низкий потолок был стянут металлическими скобками. Все четверо сидели вокруг маленького столика, заставленного грязной посудой. Позади драного занавеса была видна часть второй комнаты. Хендрикс заметил угол койки, несколько одеял, одежду, висющую на крюке, и несколько пар сапог.

— Мы были здесь, — сказал солдат, сидевший рядом с ним. Он снял каску и откинул назад черные волосы. — Позвольте представиться. Мое имя Руди Максер. Поляк. Призван на службу в Объединенную Армию два года назад.

Хендрикс заколебался на мгновение, но все же пожал протянутую руку.

— Майор Джозеф Хендрикс.

— Ли Сун Ча, — второй солдат протянул руку. Это был невысокий, очень смуглый человек, уже начавший лысеть. — Вьетнамец. Призван бог знает когда. Уже не помню. Нас здесь было трое — Руди, я и Тассо, — он указал на женщину, — вот поэтому-то нам и удалось спастись. Все остальные остались в бункере.

— Но как же они забрались в бункер?

Азиат прикурил сигарету.

— Сначала забрался всего один из них. Такой же, как тот, который за тобой увязался. Затем он пустил остальных.

Хендрикс насторожился.

— Такой? Их что, больше одной разновидности?

Вьетнамец рассмеялся горьким смехом:

— О, их разновидностей вполне хватает, чтобы лишать нас жизнью! Модель номер 3 — это маленький мальчик с медвежонком в руке. Мальчика зовут Дэвид. И, пожалуй,

эта модель до сегодняшнего времени была наиболее эффективной.

— А как другие модели?

Ли сунул руку в карман шинели и вытащил пачку фотографий:

— Вот, смотри сам.

Хендрикс медленно взял пачку в руки.

— Теперь понимаешь, почему мы намерены начать с вами переговоры? — проворчал Руди Максер. — Мы обнаружили это неделю назад. Обнаружили, что ваши «когти» начали свои собственные разработки смертоносных роботов. Новых типов роботов, послушных только им. И более эффективных. Вы можете спросить, где? Так я отвечу. Там, на ваших подземных заводах! Вы позволили им штамповать самих себя, самих себя ремонтировать. Делали их более сложными — и вот результат! В том, что так получилось повинны только вы сами!

Хендрикс стал изучать фотографии. Ясно, что делали их в спешке. Они были нерезкими, неправильно экспонированными. На первых нескольких был Дэвид. Дэвид, бредущий один по дороге. Дэвид и еще один Дэвид. И все абсолютно одинаковые. И у каждого из них лохматый плюшевый медвежонок.

— Посмотрите другие, — сказала Тассо.

На остальных фотографиях, сделанных с большого расстояния, был высокий солдат, сидящий на обочине дороги с перевязанной рукой. Одноногий, с грубыми костылями на колене... На других снимках были уже два таких солдата, похожие как две капли воды...

— Это модель один. Назвали мы ее «раненый солдат», Ли протянул руку и взял фотографию. — «Когти» были сконструированы для охоты на людей, для поражения живой силы, да, они забирались все глубже на нашу территорию, но пока это были просто машины — металлические шары с когтями, клешнями и всевозможными датчиками, их можно было легко распознать с первого взгляда. Стоило только увидеть это, и...

— И вот появилась модель номер 1.

— Она уничтожила кучу народа на нашем северном фланге, — вступил в разговор Руди. — Прошло чертовски много времени, прежде чем нам удалось распознать врага. Но тогда это было уже слишком поздно. Они шли к нам, раненые солдаты, стучась в люки, моля, чтобы их пустили. И как только они там оказывались,

начиналось страшное. Мы же продолжали слеживать машины...

— В то время думали, что это единственный тип, — сказал Ли, — никто и не подозревал, что существуют другие модели. Когда к вам был послан парламентар, нами была идентифицирована только одна модель, номер один. Только «раненый солдат», мы думали, что это все...

— Ваши окопы пали перед...

— Моделью три. Дэвид с медвежонком. Этот тип по эффективности превосходил первый, — горько усмехнулся Ли, — солдаты всегда жалеют детей. Они пускают их к себе в бункер, хотят накормить и тут обнаруживают, насколько жестоки бывают эти маленькие дэвиды со своими плюшевыми медвежатами.

— Нам троим просто посчастливилось, — сказал Руди, — Ли и я были... в гостях у Тассо, когда это случилось. Это ее подвал. Возвращаясь, мы увидели с гребня, что их полным-полно вокруг бункеров. Борьба еще продолжалась, но дэвиды со своими медвежатами быстро уничтожили всех. Там-то мы их и сфотографировали.

Вьетнамец кивнул, взял фотографии и снова засунул их в карман шинели.

Глава VII

— И это происходит во всех ваших окопах? — спросил Хендрикс.

— Да.

— А как насчет нас? — он машинально прикоснулся к браслету у себя на руке. — Могут ли «когти», или как там их сейчас называют, нападать...

— Ваши радиационные браслеты их не остановят. Они наверняка не будут обращать на них никакого внимания. Этим моделям все равно, кого разрывать на части. Для них все люди одинаковы. Они делают то, для чего спроектированы. Они просто выполняют первоначальный замысел — найти жизнь, где бы она ни находилась, и уничтожить.

— Они идут на тепло, — заметил Ли, — такими вы их задумали с самого начала. Разумеется, тех, кого вы сами проектировали, еще можно было удержать радиационными браслетами. Может быть, эти новые модели имеют свинцовую оболочку...

— Вы говорили о разных типах моделей, —

перебил его Хендрикс.— Есть типа «дэвид», типа «раненый солдат», а еще?

— Вот этого мы и не знаем! — Ли показал рукой на стену. На ней висели две металлические таблички с рваными краями. Хендрикс встал и внимательно осмотрел их. Они были покоржены и испещрены вмятинами.

— Та, что слева,— это «раненого солдата». Мы заполучили одного из них. Он шел, направляясь к нашему старому бункеру, и мы подстрелили его с гребня холма, как и вашего «дэвида».

На табличке было отштамповано: «1-М». Хендрикс притронулся к другой табличке и спросил:

— А это из робота типа «дэвид»?

— Угадали.

На табличке было выбито «3-М». Руди мельком посмотрел на нее, склонившись над широким плечом майора.

— Теперь вы можете понять, что существует еще одна модель — «2-М»! Возможно, от нее отказались. Возможно, она не получилась. Но она должна быть! Должна быть **ВТОРАЯ МОДЕЛЬ!!!** Ведь существует же **ПЕРВАЯ** и **ТРЕТЬЯ!**

— Вам повезло, майор,— сказал Руди.— «дэвид» за всё это время не прикоснулся к вам. Наверное, он думал, что в конце концов вы приведете его в какой-нибудь бункер.

— Забирается всего один из них — и все кончено,— заметил Ли.— Они передвигаются ужасно быстро. Через минуту после проникновения одного в том месте их уже десятки. Они неумолимы в своем стремлении убивать. Но нельзя забывать, что они всего-навсего машины и сконструированы они только для одной цели...— он вытер пот с верхней губы.— О, мы видели, как это делается!

Наступило молчание.

— Угости-ка меня еще одной сигаретой, янки,— сказала Тассо.— Хороши! Я почти уже забыла, как они хороши!

Наступила ночь. Небо было черным. Через клубы пепла не пробивался свет ни единой звезды. Ли осторожно приподнял крышку люка, чтобы Хендрикс мог выглянуть наружу. Руди ткнул пальцем в крошечную мглу.

— Бункеры находятся в той стороне. Те, в которых мы отсиживались, меньше чем в километре отсюда. Нас спасла наша слабость.

— Все остальные наверняка погибли,—

тихо произнесла Тассо,— все произошло так быстро.

— Да,— протянул Ли.— Сегодня утром наше командование приняло решение и известило об этом нас. Мы выслали парламентаря, ну а дальше вам уже и так все известно.

— Это был Алекс Радзиевский,— покачал головой Руди,— мы очень хорошо знали его, можно сказать, что он был нашим другом.

• Когда он отправился в этот путь, было шесть часов утра. Кстати, он был очень смелым парнем, он знал на что идет, и тем не менее сам вызвался участвовать в этой затее...

Азиаты молча курили. Положив локоть на крышку люка, Хендрикс вглядывался во тьму.

— Насколько безопасно держать люк открытым долгое время?

— Надо быть очень осторожным. Но если мы не будем держать люк открытым, то как же вы сможете воспользоваться своим передатчиком?

Хендрикс медленно поднял пристегнутый к поясу радиопередатчик и прижал его к уху. Металл был холодным и влажным. Он подул в микрофон и вытащил антенну. Послышалось слабое жужжание.

— Так, пожалуй, правильно.

Но он все еще колебался.

— Мы сразу же затащим вас внутрь, если только что-нибудь случится,— успокаивающе сказал Ли.

— Спасибо.— Хендрикс немного подождал, держа передатчик у себя на плече.— Интересно, не правда ли?

— Что?

— Все это. Эти новые типы, новые разновидности «когтей». Мы теперь полностью в их власти, не так ли? Теперь они наверняка пробрались уже в наши окопы. Это заставляет меня думать, а не являемся ли мы свидетелями появления нового вида существ в ходе эволюции? Расы, которая придет на смену человеку?

— После человека уже ничего не будет,— буркнул Руди.

— Так ли? А почему бы и нет? Разве не это сейчас происходит у нас на глазах. Мы видим конец рода человеческого и приветствуем, пусть с большой неохотой, зарю нового общества.

— Какая же это раса? Просто механические убийцы. Вы сотворили их с одной-единственной целью — убивать людей!!! Это все, на что

они способны. Они являются машинами, на которые возложена определенная работа.

— Так это кажется сейчас. А что будет потом, когда закончится война? Может быть, уничтожив людей, они проявят настоящие, пока еще потенциальные способности!

— Вы говорите о них так, как будто они живые!

— А разве это не так?

— Они — машины!!! — раздельно, по слогам произнес Руди. — Да, внешне они выглядят, как люди, но от этого они не перестают быть машинами.

— Попробуйте еще раз наладить связь, майор, — вмешался в разговор Ли, — мы ведь не можем вечно торчать здесь.

Крепко сжимая передатчик, Хендрикс произнес код командного бункера и стал внимательно прослушивать эфир. Никакого ответа. Тишина. Он внимательно проверил настройку. Все было как положено.

— Скотт? — произнес Хендрикс в микрофон. — Вы меня слышите?

Тишина. Майор выдвинул антенну на всю длину и снова попробовал установить связь. Из динамика был слышен лишь треск атмосферных помех.

— Ничего не получается. Возможно, они слышат меня, но не хотят отвечать.

— Скажите им, что вы связываетесь с ними по крайней необходимости!

— Они подумают, что меня принудили и что я действую по вашему указанию!

Он еще раз попробовал, коротко пересказав все, что только что узнал. Связи, однако, попрежнему не было.

— Очевидно, где-то опять взорвали атомную бомбу, — заметил Ли, — тогда понятно, почему нет связи.

Хендрикс пожал плечами и свернул передатчик.

— Бесполезно, они не отвечают... Очаги радиации? Может быть. Или же они слышат меня, но по какой-то причине не хотят отвечать. По правде говоря, я бы сам так поступил, если бы меня вызывали на связь из азиатских окопов. У моих товарищей там, на нашей стороне, нет никаких оснований верить в то, что я им сообщаю. Возможно, они даже слышали меня...

— Или, может быть, слишком поздно!

Хендрикс нехотя кивнул головой.

— Давайте лучше закроемся, — предложил,

нервничая, Руди, — зачем подвергать себя ненужному риску?

Глава VIII

Они медленно спустились назад в блиндаж. Ли тщательно закрутил винты на крышке люка. Вошли в кухню. Здесь был тяжелый, спертый воздух.

— Неужели они смогли сработать так быстро? — с сомнением произнес Хендрикс. — Я вышел из бункера в полдень. Это было... десять часов назад. Разве они могут передвигаться столь быстро?

— Думаю, что это для них не проблема. И после того, как один из них проберется внутрь, начинается сплошное безумие. Вы знаете, что могут сделать даже самые маленькие «когти»? В том-то и дело!..

— Минутку! — воскликнул Хендрикс и быстро отошел в сторону, встав к говорящим спиной.

— Что с вами? — спросил Руди.

— Лунная База! Боже, если они забрались и туда...

— Что? Лунная База?

Хендрикс обернулся.

— Думаю, что это невозможно. Да, никак невозможно. Они никогда бы не смогли проникнуть на Лунную Базу. Каким образом можно туда прорваться? Я не могу верить в это!

— Что такое «Лунная База»? До нас доходили некоторые слухи, но ничего определенного мы узнать не смогли. Вы, кажется, чем-то озабочены, майор? — подозрительно спросил Ли.

— Все необходимое мы получаем с Луны. Там находится наше правительство, весь наш народ, часть промышленных предприятий. Только благодаря этому мы все еще держимся. Если же они найдут какой-нибудь способ вырваться с Земли на Луну...

— Не паникуйте, майор! Конечно, натворить там этот «коготь» может много дел, но не забывайте, что он там будет один. Это не Земля, где их полно. Ну, убьет он ваших пару тысяч, а потом вы его спокойно прихлопните.

— О, боже! Как вы не понимаете! Если бы только «коготь»! А что если туда попала какая-нибудь из этих моделей? Из этих псевдоразумных «лжедэвидов» или «лжесолдат»... Я даю голову на отсечение, что первым же их

делом на Луне будет захват космодрома и отправка на Землю сотни кораблей для успешного решения проблемы уничтожения человечества на Луне... — простонал Хендрикс.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ли, — как только первый проберется туда, он тут же выпустит остальных. Сотни, тысячи абсолютно одинаковых чудовищ. Вам нужно было видеть их во плоти... Они похожи, как муравьи...

— Хватит! — закричал Хендрикс и принялся вышагивать по бетонному полу бункера. Все остальные внимательно наблюдали за ним. Вскоре Тассо прошла к себе в комнату.

— Я собираюсь немного вздремнуть, — слышался оттуда ее голос.

Руди и Ли сели за стол, продолжая следить за Хендриксом.

— Ну что ж, теперь дело за вами, майор, — сказал после небольшой паузы Руди.

— Понятно, — пробормотал Хендрикс.

Во второй комнате зашевелилась Тассо.

— Майор?

Хендрикс отодвинул занавеску.

— Что?

Женщина лениво смотрела на него, лежа на койке.

— У тебя осталась еще хоть одна американская сигарета?

Хендрикс вошел в ее комнату и сел на деревянный стул у кровати. Он пошарил в карманах, но ничего не нашел.

— К сожалению, все искурил, — сказал он, разводя руками, — если бы я знал, что такая женщина умирает без американских сигарет...

— Очень плохо, что кончились, — перебила его Тассо.

— Кто вы по национальности? — тут же поинтересовался Хендрикс.

— Француженка.

— Но как вы сюда попали? Вы пришли сюда вместе с армией?

— К чему это вам?

— Просто из любопытства, — он внимательно присмотрелся к ней. Тассо была без шнели. Лет ей было от силы 20, тонкая, длинные волосы разметались по подушке. Она молча смотрела на него. Глаза ее были темными и большими.

— Что это у вас на уме, майор? — подозрительно спросила она у него.

— Ничего. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

Она продолжала внимательно следить за ним. На ней были азиатские армейские брюки и гимнастерка. Ужасного цвета униформа — что-то вроде светло-зеленого. На поясе висел счетчик Гейгера и подсумок для патронов. Медицинский пакет был пристегнут с другой стороны.

— Вы состоите на службе в армии? — опять спросил он.

— Нет.

— Тогда почему вы носите эту форму?

Она пожала плечами.

— Мне ее дали. Надо же что-то носить...

— Сколько вам было... сколько вам было лет, когда вы очутились здесь?

— Шестнадцать.

— Такая молодая?

Глаза ее внезапно сузились.

— Что вы хотите этим сказать?

Хендрикс потер подбородок.

— Ваша жизнь была бы иной, если бы не эта чертова война. Подумать только, вы попали сюда в шестнадцать лет! Неужели вы когда-нибудь мечтали о такой жизни?

— Но ведь мне нужно было как-то выжить!

— Только поймите меня правильно, Тассо. Я отнюдь не собираюсь читать вам нравоучения.

— Ваша жизнь, майор, тоже была бы совсем иной, если бы не эта война. — Тассо нагнулась и развязала один из ботинков. Затем сбросила его на пол. — Майор, вам не хотелось бы пройти в другую комнату? Я бы с удовольствием вздремнула.

— Похоже, что перед нами скоро возникнет проблема. Ведь нас здесь четверо. В таком помещении чертовски трудно жить вчетвером. Здесь только две комнаты.

— Да.

— Какой величины был этот подвал первоначально, больше или меньше, чем сейчас? Есть ли здесь еще помещения, пусть даже заваленные обломками? Мы могли бы их для себя расчистить.

— Может быть. Точно не знаю.

Тассо освободила пояс и, растянувшись удобнее на койке, расстегнула гимнастерку.

— Вы точно уверены, что у вас нет больше сигарет?

— У меня с собой была только одна пачка.

— Очень плохо. Может быть, если бы мы могли добраться до вашего бункера, мы могли бы найти еще.

Второй ботинок упал на пол. Тассо потянулась к выключателю.

— Спокойной ночи, майор.

— Вы собираетесь сейчас спать?

— Именно это я и собираюсь сейчас сделать.

Комната погрузилась в темноту. Хендрикс встал и, отыскав занавеску, прошел на кухню.

И застыл, весь сжавшись в комок.

Руди стоял у окна, лицо его было бледным, рот открывался и закрывался в немом крике. Ли стоял перед ним, скаля зубы и держа пистолет наизготовку. Ни один из них не шевелился: Ли — крепко сжимая пистолет, с искаженным лицом, Руди — бледный, прижатый к стене, с поднятыми вверх руками.

— Что?.. — прошептал Хендрикс, но Ли обрезал его.

— Спокойнее, майор. Подойдите-ка сюда. Да вытащите свой пистолет.

Хендрикс достал оружие.

— Что тут происходит?

Руди немного пошевелился, чуть опустив руки. Кусая губы, он повернулся к Хендриксу. Белки его глаз, казалось, вот-вот выкатятся, со лба катил пот и струйками стекал по грязным щекам. Он не сводил умоляющего взгляда с майора.

— Майор, этот... он с ума сошел. — Остановите его немедленно! — Голос Руди был слабым, хриплым и едва слышным.

— Так что же здесь происходит? — повысил голос Хендрикс.

Не опуская пистолета, Ли размеренно сказал:

— Вы помните наш разговор, майор? О трех моделях? Нам были известны только две из них — первая и третья. Но мы ничего не знали о второй...

Пальцы Ли еще крепче сжали рукоять пистолета.

— Мы ничего не знали о ней раньше, но сейчас...

Он нажал на курок. Белая вспышка на миг осветила Руди.

— Майор, это и была вторая модель!

Глава IX

Тассо отшвырнула занавеску.

— Ли, что ты наделал?

Вьетнамец отвернулся от обуглившегося тела, которое медленно съезжало на пол, и проговорил с радостью на лице:

— Это была вторая модель, Тассо. Теперь мы уже точно знаем, что из себя она представляет. Наконец-то мы распознали все три их разновидности, а это значительно уменьшает опасность. Я...

Тассо смотрела мимо него на останки Руди, на почерневшие обрывки его одежды.

— Так кого же ты только что убил? — воскликнула она.

— Не кого, а что! Я уже давно следил за ним. У меня были кое-какие предчувствия, но я не был в них уверен. Но сегодняшним вечером мои предположения переросли...

Ли нервно сжимал рукоять пистолета.

— Считаю, что нам очень повезло. Еще какой-нибудь час, и эта штукавина могла бы...

— Ты так уверен? — Тассо оттолкнула его в сторону и склонилась над трупом. Лицо ее внезапно стало серьезным.

— Майор, убедитесь сами. Кости и плоть!

Хендрикс заставил себя подойти поближе. Это без сомнения были останки человека: обожженная плоть, обуглившиеся фрагменты костей, часть черепа, сухожилия, внутренности, кровь. Целая лужа крови у самой стены.

— Так где же колесики? — спокойно спросила Тассо у Ли. — Я не вижу ни колесиков, ни реле, ни еще каких-то там металлических деталей. И ни одного «когтя»! Это не вторая модель, Ли. А ну-ка объясни все по порядку, убийца!

Ли сел за стол, краска сошла с его лица. Он уткнулся головой в ладони и стал раскачиваться вперед и назад.

— Приди в себя! — Тассо вцепилась пальцами в его плечо, — скажи, наконец, почему ты сделал это? Зачем ты убил своего друга?

— Похоже, что я могу объяснить этот поступок, — вмешался Хендрикс. — Просто Ли очень испугался. Все, что творится вокруг нас, привело к тому, что человек со слабой психикой начал срываться.

— Может быть...

— Что же нам все-таки делать? Как вы думаете, Тассо?

— Я думаю, что у этого подлеца была все же какая-то причина, чтобы убить Руди. И весьма веская причина.

— Какая причина?

— Возможно, Руди кое-что узнал!

Хендрикс внимательно посмотрел на бледное лицо женщины.

— Что он мог узнать? — недоуменно спросил он.

— Что-то о нем, о Ли...

Ли быстро поднял глаза.

— Вы понимаете, что она пытается вам сказать? — тихо проговорил он. — Она думает, что я вторая модель. Вы что, до сих пор этого не поняли? Она сейчас хочет убедить вас в том, что я преднамеренно убил бедного Руди. Что я...

— Почему же ты тогда убил его?! — крикнула Тассо.

— Я уже сказал, — Ли устало мотнул головой, — я думал, что он был «когтем». Я решил, что обнаружил вторую модель.

— Почему ты так подумал?

— Я все время следил за ним. Я его подозревал.

— Почему?

— Мне казалось, что в его поведении было что-то подозрительное. Мне как-то показалось, что я услышал... в общем, как у него что-то жужжало внутри.

Некоторое время все молчали.

— Вы верите этому, майор? — спросила Тассо.

— Пожалуй, этому можно поверить.

— А я — нет! Я думаю, что у этого негодяя были другие причины убить Руди! — Тассо притронулась к ружью, стоящему в углу комнаты.

— Майор...

— Нет! — Хендрикс решительно покачал головой. — Давайте прекратим это прямо сейчас. Одного убийства вполне достаточно. Мы так же напуганы, как и Ли. И если мы сейчас убьем его, значит, мы сделаем то же самое, что сделал Ли по отношению к Руди.

Ли с благодарностью взглянул на него.

— Спасибо. Я был напуган. Вы ведь можете это понять, не так ли? Теперь она тоже напугана, и от страха хочет меня убить.

— Больше никаких убийств! — приказал Хендрикс и направился к лестнице. — Я подымусь наверх и еще раз попробую связаться с Лунной Базой, а потом с нашими окопами. Если мне это не удастся, то тогда мы завтра утром двинемся к нашим позициям. Понятно?

Ли быстро вскочил.

— Я пойду с вами и помогу вам, сэр.

Ночной воздух был холоден. Земля почти остыла. Ли сделал глубокий вдох и тихо рас-

смеялся. Он и Хендрикс стояли на поверхности земли и внимательно вглядывались в темноту. Ли широко расставил ноги и, держа наготове ружье, начал что-то тихо насвистывать.

— Прекратите! — потребовал Хендрикс и стал настраивать свой крохотный передатчик.

— Ну что, повезло? — спустя некоторое время поинтересовался Ли.

— Пока еще нет.

— Попробуйте еще раз, майор. Расскажите им обо всем, что с вами произошло.

Хендрикс продолжал свои попытки наладить связь, но все было безуспешным. В конце концов он опустил антенну.

— Бесполезно. Они не слышат меня. Или слышат, но не хотят или не могут ответить. Или...

— Или они уже не существуют на этом грешном свете? — из темноты проговорила Тассо.

— Я попробую еще раз, — сказал Хендрикс и вновь поднял антенну. — Скотт, вы меня слышите? Отзовитесь! Это я, майор Хендрикс!

В наушниках слышны были только атмосферные помехи, потом совсем слабо, сквозь треск он услышал голос...

— Это Скотт!

Хендрикс сдвинул передатчик...

— Скотт, это вы?

— Это Скотт.

Ли присел на корточки возле Хендрикса.

— Скотт, послушайте, — начал разговор майор. — Вы принимали мои сообщения? Вы слышите меня?!

— Да... — очень слабый голос звучал в динамике передатчика. Было еще что-то сказано, но больше ничего Хендрикс разобрать не смог.

— Вы приняли мое донесение? В бункере все в порядке? Ни один из них не забрался в него?

— Все в полном порядке, — едва слышался шепот.

— Они пытались пробраться вовнутрь?

Голос стал тише:

— Нет.

— Они подверглись нападению?

— Нет.

Хендрикс снова поднес микрофон ко рту:

— Скотт! Я почти не слышу вас. Вы уведомили о случившемся Лунную Базу? Они знают

о грозящей опасности? Приведены ли они в состояние боевой готовности?

— Ответа не было.

— Скотт, вы меня слышите?

Молчание.

Хендрикс расслабился.

— Связь пропала. Мешает радиация.

Ли неопределенно хмыкнул, но не проронил ни слова. Спустя некоторое время, он все же спросил:

— Вы уверены, что голос был похож на голос вашего офицера?

— Ну... связь была очень плохая.

— Значит, уверенности у вас нет?

— Пожалуй, нет.

— Значит, это вполне мог быть...

— Не знаю, ни в чем не уверен. Давайте спустимся вниз и закроем люк.

Они спустились по лестнице в тепло подвала.

Ли плотно завинтил крышку люка. Внизу их ждала Тассо, лицо её было безразличным.

— Повезло нам, майор, как я поняла,— сказала она и отвернулась.

Мужчины промолчали.

— Что вы обо всем этом думаете? — почти закричал Ли.— Был ли это ваш офицер, или это один из них?!

— Откуда же я знаю, господи!

— Значит, мы так никуда и не продвинулись,— уже спокойно констатировал Ли.

Хендрикс упрямо сжал челюсти и кивнул.

— Чтобы узнать наверняка, нам необходимо двинуться в путь.

— Что ж,— согласился Ли,— в любом случае, пищи здесь хватит только дня на два, от силы — на три. Поэтому нам придется отсюда убираться на поиски еды.

— По-видимому, так.

— Я согласна,— тихо проговорила Тассо.

— Тогда давайте закругляться,— сказал Хендрикс и посмотрел на часы.— Нам нужно немного поспать. Завтра встанем как можно раньше.

— Зачем?

— Наилучший шанс прорваться — это рано утром,— горько усмехнулся Хендрикс.

Глава X

Утро было свежим и ясным. Майор Хендрикс осматривал окрестности в бинокль.

— Что-нибудь заметили? — спросил Ли.

— Нет.

— Ваши бункеры можно различить?

— А куда смотреть?

— Вон туда,— Ли взял бинокль.— Я знаю, куда смотреть.

Смотрел он долго, ничего не говоря.

Тассо вылезла из люка и ступила на землю.

— Ну и что?

— Ничего,— Ли вернул бинокль Хендриксу и махнул рукой.— Их не видно. Пошли, не стоит здесь задерживаться.

Все трое стали спускаться по склону холма, скользя по мягкому пеплу.

По плоскому камню пробежала ящерица. Они мгновенно остановились и застыли.

— Что это? — прошептал Ли.

— Фу ты, черт, как испугала,— вытирая испарину, проговорил Хендрикс,— да это просто ящерица.

Они внимательно следили за тем, как ящерица бежала по земле, торопливо семеня лапками. Она была почти серого цвета, цвета земли и пепла.

— Полнейшая приспособляемость,— отметил Ли.

Они достигли подножия холма и, став тесно друг подле друга, осмотрели местность.

— Пошли! — сказал наконец Хендрикс.— Чем скорее мы двинемся в путь, тем скорее придем к нашим окопам. Путь не близок.

Пройдя несколько шагов, он оглянулся. Рядом с ним, лишь немного поотстав, шагала Тассо. Тассо шла сзади, держа наготове пистолет.

— Майор,— Ли догнал Хендрикса,— мне хотелось бы задать вам один вопрос,— он вопросительно посмотрел на американца.

Хендрикс, не сбавляя шага, молча кивнул головой.

— Вопрос мой таков: при каких обстоятельствах вы повстречали «Дэвида». Я имею в виду ту модель номер три?

— Я встретил его по дороге, когда направлялся к вам. В каких-то развалинах.

— Что он говорил вам?

— Не так уж много. Сказал только, что один. И что живет сам по себе.

— Но вы не смогли определить, что это машина? Он разговаривал с вами, словно живой человек? Вы даже ни о чем не подозревали?

— Он говорил со мной очень мало. Я тогда подумал, что это от пережитого страдания. И ничего необычного больше я тогда не обнаружил.

— Как это странно. Машины настолько похожи на людей, что становится невозможно различить, где механизм, где человек. Так вы говорите, что они, словно живые? Интересно. Интересно, чем же все это кончится.

— Они делают то, что янки приказали им делать! — сказала сзади Тассо. — Вы, майор, или вам подобные заложили в них способность выслеживать и убивать людей. Вы поняли, наконец, это, майор. Выслеживать и убивать людей!

Хендрикс внимательно посмотрел на Ли.

— Что это у вас на уме? Почему это вы так возбуждены?

— Ничего, — буркнул Ли и начал отставать.

— Ли наверняка начинает думать, что вы и есть вторая модель, — спокойно отозвалась за их спиной Тассо. — Теперь уже с вас не спускают глаз. Так что берегитесь, майор. Можете оказаться очень легко на месте бедняжки Руди.

Ли вспыхнул.

— А почему бы и нет? Мы послали парламентариев к окопам янки, а пришел сюда он. Может быть, он подумал, что найдет здесь чем хорошенько поживиться? К тому же нельзя отрицать, что он шел в сопровождении «лжедэвида». Кстати, мне не дает сейчас покоя мысль — почему этот убийца его не тронул, а?

Хендрикс хрипло рассмеялся.

— Я — человек! Понимаете вы это — человек! И там, — он махнул в сторону американских войск, — вокруг меня было полно настоящих людей.

— Может быть... но это ничего не объясняет. Может быть, вы...

— Ваши окопы были уже уничтожены, не так ли? Там уже ничего не оставалось живого, когда я покинул наш командный пункт. Не надо забывать об этом. И если бы я был «когтем», что бы я делал здесь у вас, когда там, у американцев, меня ждал бы хороший «концерт»?

Тассо догнала его.

— Это ничего не доказывает, майор.

— Как это так?

— Возможно, между различными моделями нет связи. Каждая выпускается своим отдельным заводом, вряд ли они действуют сообща. Вы могли отправиться к нашим окопам, ничего не зная о действиях других моделей.

— Откуда вы знаете столько о «когтях»? — спросил Хендрикс.

— Я видела их. И наблюдала за ними. Я видела, как они захватывали наши позиции.

— Ты что-то слишком много знаешь, — сказал Ли. — На самом же деле ты почти ничего не видела. Странно, что ты вдруг оказалась такой наблюдательной.

Тассо засмеялась.

— Теперь ты принялся за меня?

— Забудем об этом, — примиряюще проговорил Хендрикс. Дальше они шли уже молча.

Через некоторое время Тассо вновь заговорила.

— Мы что, все время будем идти пешком? Я не привыкла так много ходить.

Она посмотрела вокруг:

— Какой унылый пейзаж.

— Похоже, что он таким останется еще очень долгое время, — заметил Ли.

— Честно говоря, я очень хотела бы, чтобы ты оказался в своем бункере, когда началось это ужасное побоище. Но богу почему-то было угодно, чтобы ты отдыхал у меня...

— Не я, так кто-нибудь другой был бы с тобой, — пробурчал Ли.

Тассо засмеялась и засунула руку в карман.

— О, в этом несколько не сомневаюсь.

Они продолжали идти, внимательно следя за необозримой, усеянной пеплом пустыней.

Глава XI

Солнце клонилось к закату. Обогнав своих спутников, Хендрикс оглянулся и помахал им рукой. Ли сидел на корточках. Тассо нашла обломок бетонной плиты и со вздохом опустилась на него.

— Уфф, как же приятно отдохнуть!

— Тихо, ты! — прикрикнул на неё вьетнамец.

Тассо посмотрела на него достаточно выразительно и покрутила у виска пальцем.

Хендрикс взобрался на вершину холма, того самого, по которому поднимался азиатский парламентар днем раньше. Майор лег на землю и стал смотреть в бинокль. Впереди, не более чем в полусотне метров от него, был вход в командный пункт американских войск. Бункер, из которого он сам вышел еще вчера. Хендрикс смотрел, затаив дыхание. Никаких признаков жизни.

— Где ваш бункер? — спросил Ли, присев рядом с ним на корточки.

— Там, внизу,— Хендрикс протянул ему бинокль. Хлопья сажи плыли в вечернем воздухе. Мир медленно покрывала темнота. Не больше двух часов оставалось до захода солнца.

— Я ничего не вижу,— прошептал Ли.

— Опусть бинокль. Ниже, еще ниже. Рядом с деревом пень; дальше груды кирпичей, справа от них — вход в бункер.

— Придется поверить вам на слово, сэр.

— Вы и Тассо должны прикрыть меня отсюда. Все подступы оттуда хорошо просматриваются, поэтому я очень надеюсь на вас.

— Вы пойдете один?

— Конечно. Здесь ведь полно «когтей», но с браслетом мне ничего не грозит.

— Да, вы правы.

— Я буду идти очень осторожно, а если что-нибудь замечу...

— То вы все равно ничего не успеете предпринять, даже пикнуть не успеете. Нападают молниеносно.

— Что же вы предлагаете?

Ли задумался.

— Сам не знаю. Попробуйте-ка выманить их на поверхность...

Хендрикс достал передатчик и выдвинул антенну.

— Что ж, хорошо.

Ли дал знак Тассо. Она умело вскарабкалась вверх по склону и улеглась рядом с ним.

— Майор собирается идти один,— объяснил ей вьетнамец,— в случае необходимости мы будем его прикрывать.

Хендрикс открыл затвор винтовки и тщательно проверил его.

— Даст бог, все будет хорошо,— буркнул он.

— Вы, майор, их еще просто не видели, эти полчища! Честное слово, стоит ли рисковать.

— Я постараюсь все выяснить, не спускаясь в бункер,— Хендрикс закрыл затвор. Взяв в одну руку винтовку, а в другую передатчик, он внимательно посмотрел на своих недавних врагов и произнес:

— Ну что ж, пожелайте мне удачи.

Ли протянул руку.

— Не спускайтесь вниз, поговорите с ними по радио.

Хендрикс стал медленно спускаться по крутому склону. Добравшись до пня, он поднял передатчик и включил его.

— Скотт, вы меня слышите?

Тишина.

— Скотт! Это Хендрикс. Я знаю, что вы меня слышите. Я стою рядом с бункером. Вы должны видеть меня через смотровую щель.

Ответа не было. Никаких звуков, только треск атмосферных разрядов. Майор двинулся дальше. Из пепла вылез «коготь» и опрометью бросился за ним, но, почуяв браслет, сбавил скорость и держался уже на почтительном расстоянии. Вскоре к нему присоединился еще один, более крупный экземпляр...

Хендрикс остановился, «когти» за его спиной тоже замерли в нерешительности. Теперь он был совсем рядом, почти у самого входа в бункер.

— Скотт? Вы меня слышите? Я стою точно над вами! Снаружи, на поверхности. Вы видите меня?

Он подождал немного, прижав передатчик к уху. Шло время. Хендрикс напряженно вслушивался в эфир, но тишину нарушали только слабые шумы и треск.

Затем откуда-то издали пробился металлический голос.

— Это Скотт.

Голос был слабым, узнать его было трудно, но ведь наушник был таким крохотным...

— Скотт, слушайте меня внимательно! Я стою на поверхности и смотрю на вход в бункер.

— Да.

— Вы меня видите?

— Да.

— Через амбразуру? Камера направлена на меня?

— Да.

Хендрикс задумался. Нужно было продолжать разговор, но каждая фраза давалась ему с трудом.

— В бункере все в порядке?

— Все в порядке.

— Выходите на поверхность, я хотел бы взглянуть на вас,— Хендрикс затаил дыхание,— поднимайтесь ко мне. Я хочу переговорить с вами по очень важному делу.

— Спускайтесь в бункер, сэр.

— Я приказываю вам подняться ко мне на поверхность.

Молчание.

— Вы идете? — Хендрикс прислушался. Ответа не было.— Вы слышите, меня, Скотт? Я приказываю вам подняться ко мне на поверхность.

— Спускайтесь.

— Я хотел бы переговорить с капралом.

Наступила долгая пауза. Затем послышался тихий, все тот же металлический голос.

— Это Леон.

— Говорит майор Хендрикс. Я на поверхности у входа в бункер. Приказываю вам подняться ко мне.

— Спускайтесь.

— Зачем спускаться? Вы что, не поняли меня? Я приказываю вам подняться наверх. Если вы не подчинитесь приказу, отдам вас под суд, понятно?!

Молчание. Хендрикс опустил передатчик и осторожно осмотрелся. Люк был прямо перед ним, почти у его ног. Он задвинул антенну и повесил передатчик на пояс. Крепко сжимая винтовку, он осторожно двинулся вперед. Если они увидят его, то поймут, что он направляется ко входу.

Хендрикс поставил ногу на первую ступеньку лестницы, которая вела вниз.

Навстречу ему поднимались два «дэвида» с одинаковыми, лишенными всякого выражения лицами. Он мгновенно выстрелил и разнес их на куски. Молча к нему начали подниматься еще несколько. Все они были абсолютно одинаковые.

Хендрикс повернулся и бросился бежать к подножию холма.

С его вершины Тассо и Ли вели прицельный огонь. Мелкие «когти» уже спешили к ним, ловко катясь по пеплу. Но у майора не было времени думать о том, что там происходит. Он присел на одно колено и, прижав винтовку к щеке, стрелял по входу в бункер. «дэвиды» выходили группами, прижимая к груди своих медвежат. Хендрикс стрелял в толпу у входа в бункер. Роботы разлетались на куски.

Вдруг перед ним выросла огромная неуклюжая фигура. Хендрикс в замешательстве опустил винтовку. Одноногий солдат на костылях смотрел в его сторону.

— Майор! — раздался сверху голос Тассо. Стреляйте!

Огромная фигура двинулась вперед, вокруг неё сновали «дэвиды». Хендрикс сбросил с себя оцепенение. Первая модель!!! «Раненый солдат»!!! Он прицелился и нажал на курок. Солдата разорвало на мелкие куски — во все стороны полетели реле, детали.

Теперь возле бункера было уже очень много «дэвидов». Хендрикс непрерывно стрелял, пятясь назад.

С вершины огонь вел Ли. Весь склон кишел подымающимися «когтями».

Короткими перебежками, то и дело припадая к земле, Хендрикс отступил к холму, Тассо покинула Ли и тоже начала отступать.

Один «дэвид» бросился к Хендриксу. Его маленькое бледное личико было лишено какого-либо выражения, каштановые волосы свисали на глаза. Неожиданно он пригнулся и развел руки в стороны, его медвежонок упал на землю, оттолкнувшись от неё, с огромной скоростью устремился к человеку. Хендрикс выстрелил, и медвежонок, и «дэвид» мгновенно испарились. Хендрикс улыбнулся. Все это было так похоже на сон.

— Ко мне, скорей! — раздался голос Тассо. Хендрикс поспешил к ней. Она взобралась на бетонную стену и стреляла из пистолета, который дал ей Ли.

— Закрой глаза, майор, — крикнула Тассо, отстегнув от ремня какой-то шар, быстрым движением ввинтила в него детонатор.

— Закрой глаза и прижмись к стене, — крикнула она снова и швырнула гранату. Та описала дугу и упала на землю. Подпрыгнув, шар покотился к самому входу в бункер.

У груды кирпичей в нерешительности стояли два «раненых солдата». За их спиной «дэвидов» становилось все больше и больше. Они буквально наводнили пространство перед бункером. Один из «раненых солдат» бросился к гранате, неуклюже нагнулся, чтобы схватить её.

Но тут раздался взрыв. Воздушная волна сбила Хендрикса с ног и швырнула его лицом вниз. Падая, он успел заметить, как Тассо, спрятавшись за бетонной балкой, стреляет по «дэвидам», лезущим из горящего бункера.

Позади на склоне Ли сражался с «когтями». Он поливал их огнем и отступал, пытаясь вырваться из кольца.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги. Голова гудела, он почти ослеп, правая рука не двигалась.

Тассо подбежала к нему.

— Идем, майор, нам надо спешить.

— Ли... он все еще там...

— Идем! — Тассо поволокла Хендрикса, оторвав от спасительного бетона. Она тащила его. Хендрикс высвободился, пытался идти сам. Тассо снова схватила его за руку. Глаза её горели, она внимательно следила за «ко-

гтями», которым посчастливилось уцелеть после взрыва.

Один «дэвид» вынырнул из огненного водоворота, но Тассо тут же взорвала его метким выстрелом. Больше «дэвидов» не появлялось.

— Но Ли... что с ним? — Хендрикс остановился, едва держась на ногах. — Он...

— Идем, янки.

Они отступали, стараясь как можно дальше уйти от бункера. Несколько мелких «когтей» какое-то время следовали за ними, но потом исчезли.

Наконец Тассо остановилась.

— Вот здесь мы сможем отдохнуть и перевести дух.

Хендрикс без сил опустился на груды обломков. Он тяжело дышал, пот заливал лицо.

— Так нельзя... мы бросили твоего вьетнамца...

Тассо ничего не ответила. Она открыла магазин своего пистолета и вставила в него новые обоймы взрывных патронов. Хендрикс с изумлением смотрел на неё.

— Ты оставила его умышленно?

Тассо закрыла магазин и стала внимательно вглядываться в кучи мусора, лежащие неподалеку.

— Отвечай же! — потребовал Хендрикс, — что уставилась? Кто-нибудь идет сюда? — он вертел головой, стараясь понять смысл её действий. Сам он ничего особенного вокруг не заметил, повсюду только пепел и развалины.

— Что...

— Тихо, ты, — перебила его Тассо. Она прищурилась, медленно подняла пистолет. Хендрикс обернулся, стараясь проследить за её взглядом.

Из-за мусорных куч появилась какая-то фигура. Нетвердой походкой человек шел к ним. Его одежда была изорвана, он прихрамывал и двигался очень медленно, спотыкаясь, с трудом сохраняя равновесие. Это был Ли.

Хендрикс поднялся ему навстречу:

— Ли! — что за чертовщина приключилась с...

Тассо выстрелила. Хендрикс отпрянул. Она выстрелила еще раз. Белый луч ударил в грудь вьетнамца — колесики и шестеренки полетели в разные стороны. Еще мгновение оборотень продолжал идти. Затем он снова стал раскачиваться из стороны в сторону и рухнул на кучу

мусора, нелепо вскинув вверх руки. Из шеи торчал пучок обгоревших проводов...

— Теперь ты понимаешь, почему он убил Руди? — задумчиво спросила Тассо.

Хендрикс снова сел и принялся трясти головой.

— Ты видел? — не унималась Тассо, — ты понял?

Хендрикс молчал.

Это было выше его понятия. Боль пульсировала в висках. Надвигалась крошечная мгла. Он просто закрыл глаза и ткнулся головой в колени.

Глава XII

Хендрикс очнулся. Все тело страшно болело. Он попытался встать, но боль тупой иглой пронзила плечо и руку так, что перехватило дыхание.

— Не пытайся подняться, — остановила его Тассо. Она склонилась к нему и приложила ко лбу свою холодную руку.

Была ночь. В небе сквозь облака пепла мерцали редкие звезды. Хендрикс лежал на спине, сжав зубы, чтобы не стонать. Тассо спокойно наблюдала за ним. Она развела небольшой костер из хвороста и травы. Костер слабо потрескивал, сыпал искорками, над пламенем висел металлический котелок.

— Значит, это и была вторая модель? — пробормотал Хендрикс, когда боль немного ослабла.

— Я все время подозревала его.

— Почему же ты не уничтожила его раньше?

— Ты меня сдерживал, — Тассо наклонилась к костру и заглянула в котелок. — Сейчас будем пить кофе. Он вот-вот поспеет.

Она отодвинулась от огня и, присев возле Хендрикса, стала тщательно протирать затвор пистолета. Майор с нетерпением разглядывал круглую гранату на её поясе.

— Откуда у тебя эта игрушка?

Тассо пожала плечами:

— Не следует недооценивать нашу техническую мысль, майор. Если бы не она, мы с тобой были бы уже на том свете.

— Да, замечательное оружие. Но почему я ни разу таких не видел?

— Это... это наша новая разработка.

Тассо уселась поудобнее.

— Меня удивило то, что ты, похоже, так ничего и не понял после убийства Руди.

— Я думал, что вьетнамец просто испугался.

— В самом деле? Знаешь, а ведь сначала я подозревала тебя. Потому что ты не позволил мне убить его,— она рассмеялась.

— А сейчас мы в безопасности? — спросил Хендрикс.

— Думаю, да. Пока к ним не подойдут подкрепления из других районов.

Тассо установила затвор на место, закрыла механизм пистолета и провела по дулу пальцем.

— Нам повезло,— пробормотал Хендрикс.

— Да, очень повезло.

— Спасибо за то, что ты спасла меня.

Тассо ничего не ответила. Она смотрела на майора, и в глазах её отражались огоньки костра. Хендрикс шевельнул рукой и понял, что пальцы его уже не слушаются. Казалось, что у него отнялась половина тела. Да и внутри была сплошная тупая боль.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Тассо, глядя в лицо Хендрикса.

— Чертовски плохо. Рука совсем не слушается. И еще вот здесь...

— Бедняжка! В бою следует вести себя по-взрослому...

Хендрикс промолчал.

— А знаешь, майор, если бы я не вытащила тебя тогда, ты бы был мертв,— не унималась Тассо.

— Я это знаю.

— И тебе, наверное, хочется узнать, зачем я тебя вытащила?

— Зачем, Тассо?

— А затем, что нам нужно поскорее убираться отсюда. Никто из людей больше не сможет жить в этом мире. Когда «когти» получат подкрепление, у нас не останется ни единого шанса. Я хорошенько обдумала все это. Часа через три, а то и раньше, они будут здесь!

— И ты веришь, что я могу тебе чем-то помочь?

— Да, я верю, что ты вытащишь нас из этого ада.

— Но почему ты думаешь, что я смогу это сделать? Почему?!

— Да потому, что иначе нам каюк. На рассвете они будут здесь. Решайся майор!

Хендрикс задумался.

— Любопытно,— наконец выдал он.

— Что здесь любопытного?

— Ты думаешь, это так просто?

— А ты можешь сделать так, чтобы мы перебрались на Лунную Базу?

— Что? На Лунную Базу? Каким образом? Хендрикс покачал головой.

— Нет. Мне такой способ неизвестен.

Тассо промолчала. На какое-то мгновение её ровный взгляд вспыхнул. Она упрямо мотнула головой и отвернулась.

— Еще кофе?

— Нет.

— Как хочешь, я выпью.— Тассо пила молча. Хендрикс лежал на спине и старался сосредоточиться. Думать было очень тяжело, голова разламывалась от боли.

— Один способ, кажется, есть,— неожиданно сказал он.

— О?!

— Сколько еще до зари?

— Два часа.

— Где-то здесь поблизости есть корабль. Я никогда не видел его, но знаю, что он существует.

— Что за корабль? — резко спросила Тассо.

— Ракетный крейсер.

— Он нас возьмет на борт, и мы сможем попасть на Лунную Базу?

— Для этого он и предназначен. Пользоваться им разрешено только в случае крайней необходимости... — он почесал нос.

— Что-то не так? — забеспокоилась Тассо.

— Голова. Очень трудно сосредоточиться. Я едва... едва в состоянии привести свои мысли в порядок. Эта граната...

— Где этот корабль? — Тассо совсем близко придвинулась к нему, — на каком расстоянии отсюда?

— Я стараюсь вспомнить.

Она вцепилась пальцами в его плечо.

— Поблизости? — в её голосе звучали металлические нотки. — Может быть, он находится под землей?

— О, точно, я вспомнил. Он находится в специальном хранилище.

— Но как же тогда мы сможем его найти? Это место как-нибудь обозначено?

Хендрикс ничего не ответил и заставил себя вспомнить.

— Нет.

— Так как же?

— Есть некоторые приметы.

— Какие?

Хендрикс не ответил.

Пальцы Тассо больно сжали его плечо.

— Какого рода приметы? Какие?

— Я... я не в состоянии сосредоточиться. Дай мне отдохнуть.

— Хорошо. Она отпустила его плечо и поднялась. Хендрикс вытянулся на земле и закрыл глаза.

Тассо отошла от него. Она поддела носком ботинка попавший ей под ноги камень и стала смотреть на небо. Чернота ночи уже стала переходить в серую мглу. Приближалось утро.

Глава XIII

На рассвете стало совсем холодно.

Воздух был холодным и колючим. Где-то вдали какая-то новая птица издавала неясные звуки.

Хендрикс зябко поежился и открыл глаза.

— Уже светает?

— Да.

Он приподнялся на локте.

— Вы хотели что-то узнать? Вы о чём-то спрашивали меня, Тассо?

— Ты уже вспомнил?

— Да.

— Что же это? — она придвинулась к нему.

— Я...

— Да говорите же!

— Колодец, разрушенный колодец. Хранилище расположено как раз под ним.

— Понятно, — она взглянула на часы. — В нашем распоряжении около часа, майор. Ты думаешь, мы сможем его найти за это время?

— Дай мне руку, — попросил Хендрикс.

— С радостью, голубчик, — Тассо отложила пистолет и помогла американцу встать на ноги.

Они шли мимо каких-то развалин, перевернутых бетонных панелей, кирпичных стен, цементных фундаментов. Из-под ног метнулась крыса.

Тассо в испуге отпрянула, и Хендрикс чуть не свалился на землю.

— Когда-то здесь был поселок, — заметил он, привалившись спиной к каменной колонне, — довольно невзрачный городишко. Так, провинция. Но она была знаменита своими виноградниками...

Они шли по поросшей травой улице. Мостовая была вся в трещинах. То и дело попадались торчащие из развалин куски арматуры.

— Осторожнее! — предупредил он её.

Перед ними зияла воронка — развороченный взрывом фундамент. Они прошли мимо части дома, перевернутого на бок взрывом, возле него валялись соломенные кресла, ложки, осколки фарфоровых тарелок.

Посредине улицы зиял провал, наполненный обгоревшей соломой, битыми кирпичами, трупами.

— Здесь, — прошептал Хендрикс.

— Прямо здесь.

— Правее.

Они прошли мимо обломков тяжелого танка, поднятого ядерным фугасом. Счетчик на поясе Хендрикса зловеще затрещал.

Колодец был забит мусором. Майор нерешительно подошел к нему.

— Вы уверены, что это то самое место? — спросила она.

— Уверен! — Хендрикс сел на край колодца. Он тяжело дышал, сердце покалывало. Он вытер пот с лица и сказал:

— Были приняты меры для возможной эвакуации старших офицеров в случае особых условий. Например, если наш командный бункер будет захвачен.

— То есть этот корабль предназначался для эвакуации на Луну именно тебя, майор? Я так поняла?

— Да.

— Но где же он?

— Ты стоишь над ним. — Хендрикс провел рукой по поверхности камня. Замок хранилища открывается только от моего прикосновения. Это мой корабль. Или предполагалось, что он будет моим...

Раздался резкий щелчок. Потом они услышали лязг откуда-то из глубины колодца.

— Отступи назад! — приказал Хендрикс.

Целая секция земли отошла в сторону, и сквозь пепел, битые кирпичи и смолу, лежавшие на его пути, стал медленно подниматься металлический корпус. Движение прекратилось, когда на поверхности оказался весь корабль.

— Вот он! — гордо пробормотал Хендрикс.

— Что?

Корабль в самом деле был не очень впечатляющим. Сравнительно небольшой, он напо-

минал по форме тупую иглу. Целая лавина пепла обрушилась в пропасть, откуда только что поднялся этот «крейсер», и первое время было очень трудно из-за пыли различить элементы конструкции. Когда пыль улеглась, Хендрикс подошел к своему «кораблику» и отвинтил люк. Внутри виднелся пульт управления и гидрокресло.

Тассо подошла к Хендриксу и стала рядом, заглядывая вглубь корабля.

— Я не умею управлять этой штуковиной, — нерешительно сказала она.

— Ты? — удивленно спросил Хендрикс.

— Но там же всего одно место, майор. Так что полечу я.

У Хендрикса перехватило дыхание. Он внимательно осмотрел внутреннее устройство «крейсера».

— Ты не сможешь взлететь, майор. Тебя ведь здорово контузило, ты просто загнешься при взлете!

— Забавная точка зрения, Тассо. Но ты понимаешь, что только я знаю, где расположена Лунная База? Ты будешь летать вокруг Луны много месяцев подряд и не обнаружишь её. Учти, у нас хорошие специалисты по маскировке. Не зная, где следует её искать...

— Но я должна лететь, и ты скажешь мне все, что для этого необходимо, майор. На карту поставлена твоя жизнь.

— Каким образом?

— Если я отыщу Лунную Базу своевременно, то смогу убедить американцев выслать сюда корабль, для того, чтобы он подобрал тебя. Если я вовремя найду Базу, ты будешь спасен, майор. Если же мне это не удастся... Ну что? У нас и так сейчас нет никаких шансов. Я уверена, что на корабле есть достаточно припасов. На них можно продержаться довольно долго.

Хендрикс резко рванулся, но рука подвела его. Тассо пригнулась, отпрянула в сторону, и Хендрикс увидел занесенную рукоятку пистолета, удар пришелся по голове, как раз над ухом. Ошеломляющая боль пронзила все тело, и он без чувств рухнул на землю.

Глава XIV

Армейский ботинок ткнул его в бок.

— Проснись!

Он открыл глаза и застонал от ужасной боли. Тассо стояла над ним.

— Слушай, янки, — она присела на корточки и направила ему в лицо пистолет, — я тороплюсь, осталось совсем немного времени. Корабль готов, и я могу лететь. Ты должен снабдить меня всей необходимой информацией!

Хендрикс молчал.

— Живее! — закричала Тассо. Она была явно на грани истерики. — Где Лунная База, как мне её найти? Что я должна искать?

Хендрикс молчал.

— Отвечай мне сейчас же, болван!

— Извини, но я все забыл.

— Майор! Корабль набит жратвой, я проверила. В конце концов я все же сама отыщу Базу! А ты будешь мертв через каких-нибудь полчаса! Единственная возможность для тебя спастись... — она внезапно умолкла.

У развалины что-то зашевелилось в куче пепла. Тассо быстро повернулась, прицелилась и выстрелила. Взметнулся столб огня. Что-то бросилось прочь, катясь по пеплу. Она выстрелила снова. «Коготь» разорвался на куски.

— Видишь, — закричала Тассо, — это был разведчик. И поверь мне, что основные силы не заставят себя ждать!

— Но ты поможешь мне, ведь так, Тассо? Ты скажешь, чтобы они немедленно выслали за мной корабль?

— Да. Как можно скорее.

Хендрикс поднял глаза на неё и внимательно посмотрел на женщину.

— Ты говоришь мне правду? Поклянись! Поклянись, что ты вернешься за мной!

— Клянусь, что я доставлю тебя на Лунную Базу, янки. Но скажи, наконец, где она? Осталось ведь совсем уже немного времени.

— Хорошо. — Хендрикс ухватился за камень, подтянулся и с большим трудом сел, — смотри...

Он принялся чертить какую-то схему на песке. Тассо присела рядом, внимательно следя за движением его руки. Хендрикс с трудом выводил грубую карту лунной поверхности.

— Вот это Апеннины. Это — кратер Архимеда. Лунная База находится в двухстах милях от оконечности Апеннинского хребта. Где, точно, я не знаю, и никто на земле этого не знает. Но когда будешь лететь над этими горами, подай условный сигнал. Одну красную вспышку и одну зеленую, после которой снова две красные с короткими промежутками между ними. Монитор Базы примет твои сигналы, и тогда ты будешь спасена. База, конечно, находится

глубоко под поверхностью Луны. Они проведут тебя вниз с помощью магнитных захватов и...

— А управление? Я ведь не умею управлять этим кораблем, майор! — в нетерпении воскликнула Тассо.

— Не беспокойся, оно полностью автоматизировано. Все, что тебе придется сделать, это подать соответствующий опознавательный сигнал в нужное время.

— Отлично!

— Сиденье поглощает часть перегрузок. Состав воздуха и температура регулируются автоматически. Корабль покинет Землю и полетит в сторону Луны. В ста милях от её поверхности он перейдет на окололунную орбиту и будет кружить по ней, пока ты не подашь сигналы и тебя не заметят.

Тассо влезла в кабину. Поручни кресла автоматически защелкнулись. Она провела пальцами по пульту управления.

— Оставь мне пистолет! — крикнул Хендрикс.

Она отстегнула от пояса пистолет и, держа его в руке, немного помедлила.

— Не уходи слишком далеко от этого места, майор. Тебя и здесь будет довольно трудно отыскать с воздуха.

— Хорошо, я останусь здесь.

Тассо швырнула пистолет в его сторону

— Прекрасный корабль, майор, — весело проговорила она, — рассматривая надписи на пульте управления. Отличная конструкция. Твой народ всегда славился хорошей работой, и ты должен этим гордиться.

— Почему ты не подала мне пистолет? — простонал Хендрикс. — Ведь я не могу достать его! Ты же видишь, я и так держусь из последних сил. А что, если «когти»...

— Прощай, майор! — Тассо весело ухмыльнулась и крышка люка с лязгом хлопнулась.

Хендрикс встал на колени и пополз к тому месту, где дежал пистолет. Добравшись до оружия, он схватил его и поднялся на ноги...

Глава XV

Раздался оглушительный рев. Хендрикс успел спрятаться за бетонную балку.

Окутанный клубами пепла, корабль задро-

жал, дернулся и ушел в небо. Хендрикс долго смотрел ему вслед. Утренний воздух был свежим и довольно прозрачным. В ожидании майор принялся бесцельно ходить по улице.

Он нашел в кармане сигареты и с наслаждением закурил. Все просили у него табачку, но он не забыл, что курево сейчас на вес золота.

Становилось жарко. Пот струился по его лицу. Во рту было сухо.

Вскоре он прекратил свое бессмысленное хождение и присел на какой-то обломок. Он открыл свой санитарный пакет и проглотил несколько наркотических пилюль.

Впереди он заметил лежащий на земле предмет. Что это?

Он быстро поднял пистолет. Похоже, это был человек. Потом сообразил: это были останки Ли, вернее, не Ли, а то, что осталось от второй модели. Хорошо были видны шестеренки, реле, другие металлические детали. Они сверкали и переливались на солнце.

Хендрикс поднялся на ноги и продолжил свою прогулку. Он тронул ногой застывшую фигурку вьетнамца, и она легко перевернулась. Стал виден металлический остов, алюминиевые ребра и распорки. Выпали еще какие-то проволочки. Подобно внутренностям вывалились пучки проводов, переключатели и транзисторы. За ними последовали какие-то моторчики, стерженьки. Черепная коробка лже-Ли треснула, искусственный мозг был обнажен.

Он прикоснулся к черепу, и тот рассыпался. Показалась фирменная табличка. Хендрикс нагнулся, стараясь разобрать фабричное клеймо. И побледнел.

— «4-М»!!!

Он долго смотрел на эту металлическую пластинку. Значит, все же четвертая модель, а не вторая! Они с Тассо ошиблись. Значит, модификаций было больше, чем они знали, больше, чем три. Сейчас он знал, что их было, по крайней мере, четыре. И не было второй модели!

Но если Ли не был второй моделью, то...

Неожиданно он весь напрягся. Что-то двигалось по пеплу с другой стороны холма. Что это? Он напряг зрение. Какие-то фигуры. Фигуры, которые медленно приближались, прокладывая себе путь среди развалин.

Они двигались к нему.

Хендрикс быстро припал к земле и поднял оружие. Пот заливал ему глаза. Он постарался

привести свои нервы в порядок. Паника была сейчас неуместна. А фигуры все приближались.

Первым шел «дэвид», за ним еще один и еще. Три «дэвида», они безмолвно приближались к нему, прижимая к груди игрушечных медвежат.

Хендрикс прицелился и выстрелил. Два «дэвида» разлетелись на части, но третий продолжал двигаться. И тут Хендрикс заметил позади этого «дэвида» еще какую-то фигуру, безмолвно приближающуюся к нему по серому пеплу. Что ж, он сможет справиться и с «раненым одноногим солдатом».

Но... И тут Хендрикс увидел, что позади этой модели появились две «тассо». Толстые ремни, светло-зеленые брюки, гимнастерки, длинные волосы. Знакомая фигура, которую он видел совсем недавно...

Они были уже очень близко. Вдруг «дэвид» нагнулся и уронил медвежонка. Игрушка встала на задние лапки и бросилась к нему. Палец Хендрикса автоматически нажал на курок. Медвежонка не стало, но две «тассо» продолжали идти. Они шли бок о бок по серому пепелищу!

Хендрикс снова выстрелил.

«Куклы» исчезли. Но уже новая группа начала подъем по склону. Пять или шесть «тассо».

А он уступил свой корабль и выдал опознавательные сигналы. Из-за него она теперь направляется на Лунную Базу, и он сделал все, чтобы это случилось!..

Он оказался прав насчет гранаты. В конце концов, эта мысль не зря пришла ему в голову. Граната была сделана со знанием внутренней конструкции других моделей, моделей типа «дэвид» и «раненый солдат». Это оружие не могло быть сконструировано людьми. Оно было разработано на одном из автоматизированных подземных заводов, без всякого вмешательства со стороны людей.

Шеренга «тассо» подходила к нему. Он хладнокровно смотрел на них, скрестив руки на груди. Такое знакомое лицо, ремень, грубая гимнастерка, аккуратно пристегнутая граната.

Граната...

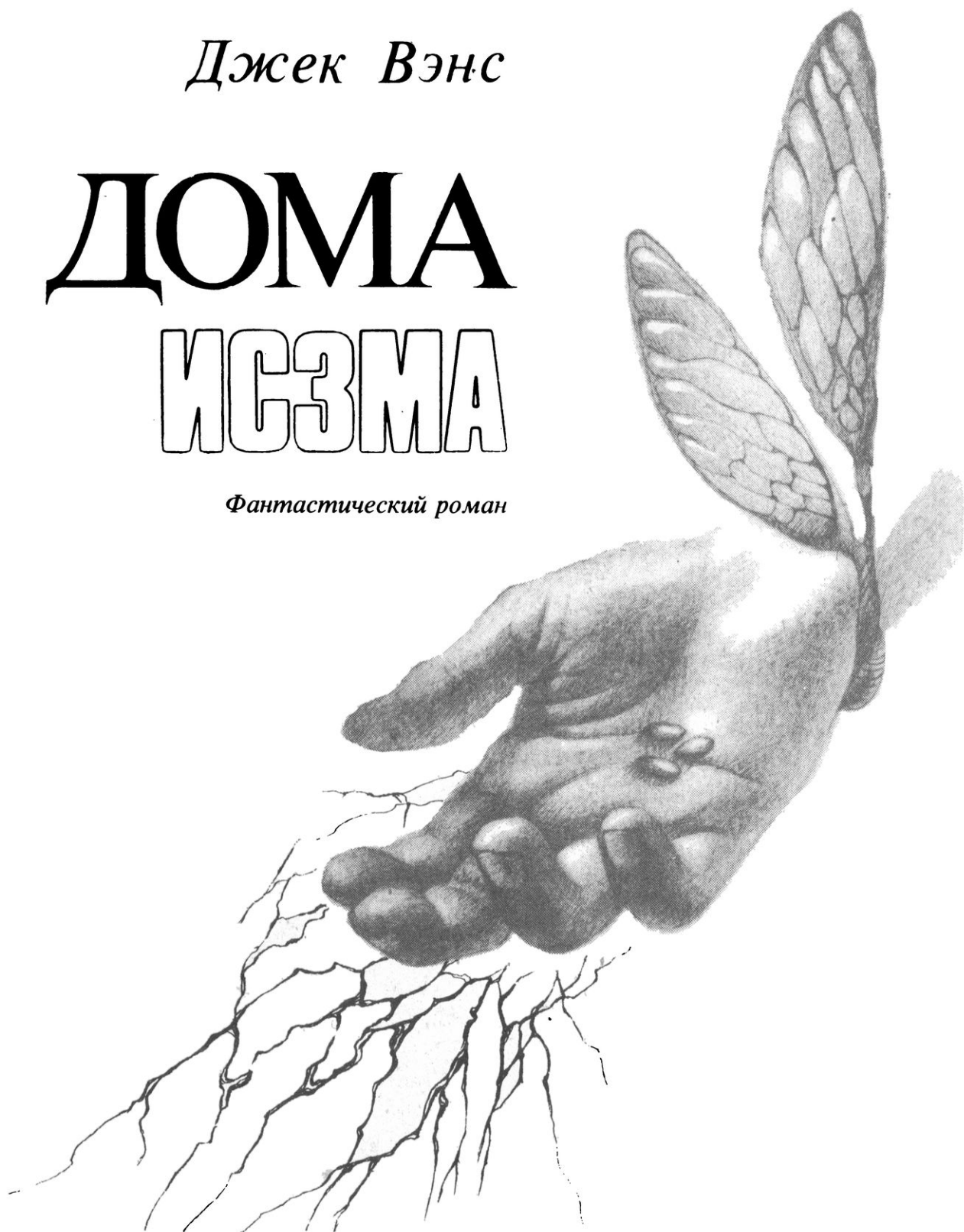
Когда кончились патроны и «тассо» добрались до него, последняя мысль мелькнула в его мозгу. Забавная мысль — от нее ему стало немного легче: Г Р А Н А Т А, сконструированная второй моделью для уничтожения остальных моделей. Сделанная только с одной-единственной целью!

Значит, они уже начали разрабатывать оружие, предназначенное для борьбы друг с другом.

Джек Вэнс

ДОМА ИСЗМА

Фантастический роман

Глава I

Было принято как само собой разумеющееся, что туристы прилетают на Исзм с единственной целью — украсть женскую особь дома. Космографы, студенты, богатые недоросли, негодяи всех сортов... Циничный критерий исциков был для всех один, и все, как один, подвергались детальному обыску, вплоть до микроскопической инспекции мозга. Эту процедуру могло оправдать лишь то, что благодаря ей исцики обнаружили огромное количество воров.

Издали казалось, что украсть дом не очень сложно. Семечко размером с ячменное зерно можно спрятать в поясе, можно поместить в ракетный снаряд и отправить в космос небольшой побег, можно завернуть в платок рассаду — подобных способов находилось тысячи, все они испробовались и все окончились провалом. В результате воры-неудачники оказались в сумасшедшем доме, и эскорт исциков оставался предельно вежлив с ними до конца. Будучи реалистами, исцики сознавали, что придет день, год, столетие, тысячелетие —

и монополия рухнет. Но, будучи фанатическими блюстителями монополии, они стремились отодвинуть этот день как можно дальше.

Эйли Фарр был высокий, худощавый человек лет тридцати, с веселым жилистым лицом, большими ладонями и ступнями. Его кожа, глаза и волосы имели одинаковый пыльный оттенок. И, что имело гораздо более важное значение для исциков, он был ботаником, то есть автоматически становился объектом для предельных подозрений.

Подозрительность, с которой он столкнулся, прибыв на атолл Джеспиано на борту ракеты «Юберт Хоноре» серии «Красный шар», была выдающейся даже для Исзма. Возле люка его встретили двое сзекров, служащих элитарной полиции, проводили, словно арестованного, вниз по трапу и повели по необычному проходу, по которому можно было идти лишь в одну сторону. Из стен в направлении движения росли гибкие мины, так что в проход можно было войти, но нельзя было передумать и вернуться. В конце пути проход перекрывался прозрачным стеклянным щитом, и уже

с этой точки Фарр не мог двинуться ни назад, ни вперед.

Исцик с лентами винно-красного и серого цветов вышел вперед и принялся изучать его через стекло. Фарр чувствовал себя как препарат под микроскопом. Недовольно отодвинув перегородку, исцик провел Фарра в маленький кабинет. Там, чувствуя за спиной взгляд сэкэра, Фарр развернул корабельную регистрационную карточку, справку о здоровье, заключение о благожелательном характере, а также прошение на въезд. Карточку клерк опустил в размягчитель, справку и заключение, внимательно рассмотрев, вернул Фарру и уселся читать прошение.

Глаз исцика, расчлененный на большие и малые сегменты, приспособлен к двойной фокусировке. Читая нижними секциями глаз, клерк верхними внимательно разглядывал Фарра.

— Род занятий... — он направил на Фарра обе пары секций сразу, затем опустил нижние и стал читать дальше. — ...исследовательская ассоциация. Место работы: Лос-Анджелесский университет. — Отложив бумагу в сторону, он спросил: — Могу я узнать о мотивах вашего прибытия на Исзм?

Терпение Фарра готово было лопнуть. Он указал на бумагу:

— Здесь они подробно изложены.

Клерк читал, не сводя с него глаз. Зачарованный такой ловкостью, тот, в свою очередь, не сводил глаз с исцика.

— «Я провожу отпуск, — читал клерк. — Я посетил множество миров, где растения приносят людям пользу»... — он сфокусировал на Фарре обе секции. — Для чего вам это нужно? Считаете, что информация практически применима на Земле?

— Я заинтересован в непосредственных наблюдениях.

— С какой целью?

— Профессиональное любопытство, — пожал плечами Фарр.

— Надеюсь, вы ознакомились с нашими законами?

— А куда я мог деться? — раздраженно спросил Фарр. — Меня ими напичкали еще до того, как корабль покинул Страховльм.

— Вы понимаете, что никаких особых прав ни на полное, ни на аналитическое изучение вам не предоставят? Вы понимаете?

— Конечно.

— Наши правила строги, я должен это подчеркнуть. Многие посетители об этом забывают и навлекают на себя серьезное наказание.

— Ваши законы, — сказал Фарр, — я теперь знаю лучше, чем свои.

— Противозаконно выдергивать, отрывать, отрезать, присваивать, прятать или вывозить любую растительность, любой растительный фрагмент, семена, рассаду, побег или дерево, безразлично, где бы вы это не нашли.

— Ничего противозаконного я не замышляю.

— Большинство посетителей говорят то же самое, — отозвался клерк. — Будьте любезны пройти в соседний кабинет и оставить там одежду и личные принадлежности. Перед отъездом их возвратят.

Фарр озадаченно взглянул на него.

— Но мои деньги, камера, мои...

— Вас снабдят местными эквивалентами.

Безропотно пройдя в белую эмалированную камеру, Фарр разделся. Сопровождающий упаковал одежду в стеклянную коробку и заметил, что Фарр забыл снять кольцо.

— Если бы у меня были вставные зубы, вы бы и их потребовали, — буркнул Фарр.

Исцик моментально обозрел прошение.

— Вы совершенно определенно заявили, что они естественны и без изменений, — верхние сегменты обличительно уставились на Фарра. — Или здесь допущена неточность?

— Нет, конечно, — возразил Фарр, — они естественны. Я всего лишь пытался пошутить.

Исцик что-то пробормотал в переговорное отверстие. Фарра отвели в соседнюю комнату, и там его зубы подверглись самому тщательному досмотру. «Здесь, пожалуй, отучишься шутить, — сказал себе Фарр. — Чувство юмора у этих людей полностью отсутствует».

Наконец врачи, недовольно покачав головами, вернули Фарра на прежнее место, где его встретил исцик в тесной белой с серым форме. В руке он держал шприц для подкожных инъекций.

Фарр отшатнулся.

— Что это?

— Безвредный радиант.

— Не нуждаюсь.

— Это необходимо для вашей же безопасности, — настаивал исцик. — Многие туристы нанимают лодки и плавают по Фездуху. Случаются штормы, лодки сбиваются с курса, ра-

диант укажет на главной панели ваше местонахождение.

— Я не хочу такой безопасности,— сказал Фарр.— Я не хочу быть лампочкой на панели.

— Тогда вы должны покинуть Исзм.

Фарр покорился, мысленно проклиная врача за длину иглы и количество радианта.

— А сейчас, будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату для трехмерной съемки.

Фарр пожал плечами и вошел в соседнюю комнату.

— На серый диск, Фарр-сайнх. Ладони вперед, глаза шире.

Он стоял не двигаясь, пока по телу скользили плоские щупальца. В стеклянном куполе сформировалось его трехмерное изображение шести дюймов высотой. Фарр хмуро посмотрел на него.

— Благодарю,— сказал оператор.— Одежду и личные принадлежности вам выдадут в соседней комнате.

Фарр нарядился в обычный костюм туриста: мягкие белые брюки, смокинг в серую и зеленую полоску, просторный темно-зеленый вельветовый берет. Берет сразу же провалился на уши.

— А теперь я могу идти?

Сопровождающий смотрел в отверстие. Фарр заметил быстро мелькавшие буквы.

— Вы — Фарр-сайнх, ботаник-исследователь.

Это прозвучало так, словно он сказал: «Вы — Фарр-сайнх, легальный преступник».

— Да, я Фарр.

— Вас ожидают некоторые формальности.

Формальности заняли три часа. Фарр еще раз был представлен сзекру, и тот его тщательно допросил.

Наконец его выпустили. Молодой человек в желто-зеленой полосатой форме сзекра проводил его до гондолы на берегу лагуны. Это было тонкое длинное судно, сделанное из одного стручка. Фарр сел на скамью и был переправлен в город Джеспериано.

Это было его первое знакомство с городом исщиков. Город оказался богаче, чем рисовало Фарру его воображение. Дома росли через неравные отрезки длины вдоль каналов и улиц. Их тяжелые шишковатые кривые стволы поддерживали нижние стручки, массив широких листьев и, наконец, верхние стручки, наполовину утопавшие в листья. Что-то мелькнуло в памяти Фарра, какое-то воспоминание. Та же

пролифериция ветвей. Стручки точь-в-точь увеличенная спорангия. Та же криволинейная нестрогая симметрия. Те же характерные цвета: темно-синий на мерцающем сером фоне, пламенно-оранжевый с алым, доходящий местами до пурпурного, черно-зеленый, белый с розовым, слабо-коричневый и черный.

По улицам бродили жители Исзма — тихие бледные люди, надежно разделенные на гильдии и касты.

Гондола причалила. На берегу уже поджидал сзекр, видимо нижний чин, в желтом берете с зелеными кисточками. Формального представления не последовало, но сзекры тихо обсудили персону Фарра между собой.

Фарр, не видя более причин задерживаться, двинулся к гостинице для космических туристов. Сзекры его не остановили. С этой минуты Фарр вновь стал вольной птицей, оставшись лишь объектом для слежки.

Почти неделю он отдыхал и слонялся по городу. Туристов из внешних миров здесь было немного: руководство исщиков, не запрещая туризм полностью, чтобы не нарушать договора о доступности, тем не менее ухитрилось снизить его до минимума. Фарр пришел было к председателю «Совета по экспорту», надеясь взять у него интервью, но был вежливо и неуклонно выставлен секретарем, решившим, что Фарр намерен обсуждать экспорт высококачественных домов. Ничего иного Фарр и не ожидал. Он исходил все улицы вдоль и поперек, пересек на гондоле лагуну. И на него тратили время по крайней мере три сзекра; они терпеливо следовали за ним по улицам или, наблюдая, сидели в стручках на общественных террасах.

Однажды он прогуливался вокруг лагуны и оказался на дальней стороне острова, на песочно-каменистом участке, открытом всем ветрам и всей силе солнечных лучей. Здесь в скромных стручковых зданиях, стоящих прямо на корнях и отделенных друг от друга полосками желтого песка, жили представители низших каст. Дома были нейтрально-зеленого цвета, а сверху пучок крупных листьев бросал на стручки черную тень.

Дома эти для экспорта не предназначались, и Фарр, человек с развитым социальным сознанием, был возмущен. Какой стыд!

Миллионы земель ютятся в подземельях, когда из ничего, из зернышка, можно по-

строить целый жилой район! Фарр подошел к одному из домов, заглянул в низко висающий стручок. Ветка вдруг обрушилась, и не отскочи он вовремя, его бы искалечило. Все же крайний стручок успел хлопнуть его по голове. Сзекр, стоящий в двадцати футах, медленно приблизился.

— Не советую досаждать деревьям.

— Я никому и ничему не досаждал.

Сзекр пожал плечами.

— Дерево думает по-другому. Оно приче-
но с подозрением относиться к чужим. Между
низшими кастами,— сзекр презрительно сплю-
нул,— ссоры и вражда не прекращаются,
и присутствие чужих дереву не по вкусу.

Фарр повернулся и с любопытством посмо-
трел на дерево.

— По-вашему, дерево обладает сознанием?

Сзекр неопределенно пожал плечами.

— Почему они не вывозятся? — спросил
Фарр.— У вас был бы огромный рынок. Очень
многие нуждаются в жилье, а такие дома были
бы им по средствам.

— Вы сами и ответили,— сказал сзекр.

— Кто торгует на Земле?

— К. Пенне.

— Он богат?

— Исключительно.

— А был бы он так богат, если бы прода-
вал дома наподобие этих?

— Возможно. В любом случае, выгоды нам
не будет. Эти дома выращивать, воспитывать
и перевозить не сложнее, чем дома класса АА,
которыми мы торгуем... Советую впредь не
подходить к деревьям очень близко. Можете
получить серьезные травмы. Дома не столь
терпимы к посторонним, как их обитатели.

Фарр продолжал путь вокруг острова, ми-
мо плодовых деревьев, сгибающихся под тяже-
стью фруктов, мимо приземистых кустарни-
ков, похожих на вековые растения Земли.

Из центра этих кустов росли кисти черных,
как смоль, прутьев десяти футов высотой
и диаметром не тоньше дюйма, гладких, лос-
нящихся, ровных. Когда Фарр подошел побли-
же, сзекр вмешался.

— Но ведь это же не дома-деревья,— за-
протестовал Фарр.— Кроме того, я не собира-
юсь причинять им вреда. Меня, как ботаника,
интересуют необычные растения вообще.

— Все равно,— сказал лейтенант сзек-
ров.— Ни растения, ни метод их выращивания

вам не принадлежат и, следовательно, не долж-
ны вас интересовать.

— Исцики, видимо, имеют плохое предста-
вление о профессиональном любопытстве,—
заключил Фарр.

— В качестве компенсации мы имеем хоро-
шее представление о жадности, воровстве, при-
своении и эксплуатации чужих идей.

Фарр не ответил и, улыбнувшись, пошел по
берегу дальше, к многоцветным стручкам, вет-
вям и стволам города.

Один из этапов слежки привел Фарра в сму-
щение. Он подошел к лейтенанту и указал на
соглядатая, находящегося в нескольких ярдах.

— Почему он гримасничает? Я сажусь —
он садится, я пью — он пьет, я чешу нос — он
чесет нос? Почему?

— Специальная методика,— пояснил
сзекр.— Мы предугадываем ваши мысли.

— Не получится,— сказал Фарр.

Лейтенант кивнул.

— Фарр-сайнх, может быть, совершенно
прав.

Фарр покровительственно улыбнулся.

— Вы что, всерьез думаете, что сможете
угадать мои планы?

— Мы вправе поступать так, как нам ка-
жется правильным.

— После обеда я собираюсь нанять морс-
кую лодку. Вы в курсе?

Лейтенант вытащил бумагу.

— Чартер для вас готов. Это «Лхайз»,
и я нанял экипаж.

Глава II

«Лхайз» оказался двухмачтовым барком
в форме деревянного детского башмака с пур-
пурными парусами и просторной каютой. Вме-
сте с главной мачтой его вырастили на специ-
альном корабельном дереве — мачта в ориги-
нале являлась черенком стручка. Переднюю
мачту, шпринты, бонты, такелаж изготовляли
отдельно — процесс, для исциков столь же
утомительный, как для земных инженеров-эле-
ктронщиков — механическая работа.

«Лхайз» держал на запад. Атоллы выраста-
ли над горизонтом и тонули за кормой. На
некоторых атоллах находились небольшие без-
людные сады; другие были отданы разведе-
нию, посадке, почкованию, прививкам, сорти-
ровке, упаковке и отправке домов.

Как ботаника Фарра очень интересовали плантации. Но в таких случаях слежка усиливалась, превращаясь в досмотр за каждым его движением. На атолле Тжиери раздражение возросло настолько, что Фарр едва не сбежал от стражников. «Лхайз» причалил к волнолому, и пока двое матросов возились со швартовыми, а остальные убрали паруса и спускали боны, Фарр легко прыгнул с кормы на волнолом и направился к берегу. Со злорадством он услышал за спиной ропот недовольства; его охватило злобное веселье.

Он поглядел вперед на берег. Широко в обе стороны уходил сплюснутый прибоем берег; склоны базальтового кряжа утопали в зеленой, синей и черной растительности. Это была сцена нерушимого мира и красоты. Фарр едва удержался, чтобы не броситься вперед и не скрыться среди листвы, но... Сзекры были обходительны, но быстры в обращении со спусковыми крючками.

От пристани к нему направлялся высокий стройный мужчина. Его тело и конечности с интервалом в шесть дюймов опоясывали синие ленты: между кольцами виднелась мертвенно-бледная кожа. Фарр замедлил шаг. Свобода закончилась.

Исцик поднял лорнет — стеклышко на эбонитовом стержне. Такие лорнеты носили представители высоких каст, и они были столь же привычны, как собственные органы. Фарра лорнировали уже не раз, и не было еще случая, чтобы он при этом не взбесился. Как и у любого посетителя Исзма, как и у каждого исцика, у него не было выбора: ни укрыться, ни защищаться он не мог. Теперь он был классифицирован и доступен всем, кто хотел бы на него взглянуть.

— К вашим услугам, Фарр-сайнх,— исцик использовал язык, на котором говорят дети, прежде чем выучить речь своей касты.

— Жду вашей воли,— ответил Фарр стандартной фразой.

— Владельца пристани оповестили, чтобы он приготовился к встрече. Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Мой приезд — невелика важность. Прошу вас не затрудняться.

— Друг-ученый вполне может рассчитывать на такую привилегию,— помахал лорнетом исцик.

— Это радиант вам сейчас сообщил, где я нахожусь? — хмуро спросил Фарр.

Исцик обозрел сквозь стеклышко его правое плечо.

— Криминальных регистраций не имеете, интеллектуальный индекс 23, уровень настойчивости соответствует четвертому классу... Здесь есть и другая информация.

— И к кому же меня привилигировали обращаться?

— Я себя зову Зхде Патасз. Я достаточно удачлив, чтобы культивировать на атолле Тжиери.

— Плантатор? — переспросил Фарр человека в голубую полоску.

— У нас будет о чем поговорить,— повертел лорнетом Зхде Патасз.— Надеюсь, вы у меня погостите.

Подошел самодовольный хозяин пристани. Зхде Патасз помахал лорнетом и удалился.

— Фарр-сайнх,— сказал владелец пристани,— вы серьезно намерены избавиться от гласного эскорта. Это глубоко печалит нас.

— Вы преувеличиваете.

— Вряд ли. Сюда, сайнх.

Он промаршировал по цементному скату в широкую канаву. Фарр плелся позади столь неторопливо, что хозяину пристани приходилось через каждые сто футов останавливаться и дожидаться его. Канавка уводила под базальтовую гряду, где превращалась в подземный ход. Четыре раза хозяин пристани отодвигал панели зеркального стекла, и четырежды двери закрывались за ними. Фарр понимал, что как раз сейчас всевозможные экраны слежения, зонды, детекторы, анализаторы изучают его, устанавливают излучение, массу и содержание металлов. Он равнодушно шел вперед. Им ничего не найти. Одежду и личные вещи у него отобрали, взамен выдали форму визитера: брюки из белого шелка, пиджак, разлинованный в серое и зеленое, и огромный темно-зеленый вельветовый берет.

Хозяин пристани постучал в изъеденную коррозией металлическую дверь. Дверь, словно средневековая спускная решетка, разъехалась на две половинки, открыв проход в светлую комнату. Там, за стойкой, сидел сзекр в обычной желто-зеленой одежде.

— Если сайнх не возражает, мы сделаем его трехмерное изображение.

Фарр спокойно встал на серый металлический диск.

— Ладони вперед, глаза шире.

Фарр стоял неподвижно. Щупальца обследовали тело.

— Благодарим, сайнх.

Фарр шагнул к стойке.

— Это не такое, как в Джеспиано. Позвольте взглянуть.

Клерк протянул ему прозрачную табличку. В центре ее находилось коричневатое пятно, очертаниями напоминающее человека.

— Не очень-то похоже,— сказал Фарр.

Сзекр опустил карточку в прорезь. На поверхности возникла трехмерная копия Фарра. Если бы ее увеличили в сотни раз, на ней можно было бы исследовать что угодно, будь то отпечатки пальцев, поры кожи, конфигурацию ушей или строение сетчатки глаз.

— Мне бы хотелось иметь это в качестве сувенира,— сказал Фарр.— Это копия в одежде. Та, что в Джеспиано, всему миру показывает мои достоинства.

Исцик пожал плечами.

— Возьмите.

Фарр опустил копию в кошелек.

— А сейчас, Фарр-сайнх, вы позволите один нескромный вопрос?

— Один лишний вопрос мне не повредит.

На его мозге был сфокусирован цефалоскоп. Фарр это знал. Любое учащение пульса, любой всплеск страха тут же окажется на рекордере. Он создал в воображении призрак горячей ванны.

— Собираетесь ли вы украсть дом, Фарр-сайнх?

Итак: прохладный уютный фарфор, ощущение теплого воздуха и воды, запах мыла.

— Нет.

— Известно ли вам, хотя бы косвенно, о подобном плане?

Теплая вода, лечь на спину, расслабиться...

— Нет.

Сзекр вытянул губы в гримасе вежливого скептицизма.

— Известно ли вам о наказаниях, предусмотренных для воров?

— О, да,— сказал Фарр.— Сумасшедший дом.

— Благодарю вас, Фарр-сайнх. Можете продолжать путь.

Владелец пристани оставил Фарра под пристальным взглядом двух подсекторов в бледно-желтых и золотых лентах.

— Сюда, пожалуйста.

Поднявшись вверх по скату, они оказались в аркаде со стеклянными стенами. Фарр задержался посмотреть на плантацию. Его филеры встревожились, неуклюже подались навстречу.

— Если Фарр-сайнху угодно...

— Одну минуту,— сердито сказал Фарр.— Спешить некуда.

Справа от него располагался лес, полный спутанных теней и непонятных окрасок — город Тжиери. За спиной росли здания обслуживающего персонала, но их трудно было разглядеть за великолепными домами плантаторов, сзекров, селекторов и корчевщиков, растущих вокруг лагуны. И каждый из этих домов выращивался, обучался, оформлялся с применением секретов, которые исцики держали в тайне даже друг от друга.

Фарру они казались очень красивыми, но все же он колебался в оценке: так трудно порой разобрать, нравится тебе или нет букет неизвестного ранее вина. Пожалуй, эта окружающая обстановка делает его пристрастным, подумал Фарр. Ведь на Земле дома Исзма выглядели вполне пригодными для жилья. Но это была чужая планета, и все на ней казалось чужим.

Он взглянул на поля повнимательнее. Они переливались различными оттенками коричневого, серо-зеленого, зеленого цветов в зависимости от возраста и сорта растений. На каждом поле находилось длинное приземистое строение, где созревающие саженцы отбирались, отмечались этикетками, рассаживались по горшкам и упаковывались, чтобы отправиться в разные концы Вселенной.

Двое молодых сзекров заговорили между собой на языке касты. Фарр отвернулся к окну.

— Сюда, Фарр-сайнх.

— Куда мы идем?

— Вы — гость Зхде Патасз-сайнх.

Прекрасно, подумал Фарр. Ему уже были знакомы дома класса АА, которые экспортировались на Землю и которые затем продавал К. Пенче. Их вряд ли можно было сравнивать с теми, что плантаторы выращивали для себя.

Поведение молодых сзекров привело его

в замешательство. Они стояли неподвижно, как статуи, и глядели в пол аркады.

— В чем дело? — спросил Фарр.

Сзекры тяжело дышали. Фарр опустил глаза в пол. Вибрация, тихий гул. «Землетрясение», — подумал он. Гул стал громче, зазвенели стекла. Нахлынуло чувство опасности. Он взглянул в окно. На ближайшем поле земля вдруг стала трескаться, вспучиваться уродливым бугром и взорвалась. Тонны земли обрушились на нежные саженцы. Наружу полез металлический стержень, он поднялся на десять, на двадцать футов. С лязгом открылась дверь. На поле посыпались коренастые, мускулистые коричневые люди и стали выдергивать саженцы. В дверях остался еще один человек, который, скалясь в неестественной улыбке, выкрикивал непонятные приказы.

Фарр, как зачарованный, смотрел на этот набег невиданных масштабов. В городе Тжиери заиграли горны: раздался свист осколочной стрелы. Двое коричневых людей превратились в кровавые сгустки. Человек на корабле закричал, грабители бросились обратно, под защиту металлической оболочки.

Дверь щелкнула, но один из налетчиков опоздал. Он ударил кулаком в оболочку, затем забарабанил изо всех сил, не выпуская из рук саженцев, которые ломались при ударах.

Стержень задрожал и стал приподниматься. Стрелы, летящие из форта Тжиери, уже стали отщеплять от корпуса металлическую лучину, когда в нем открылось отверстие, похожее на бычий глаз, и оружие выплонуло голубое пламя. В Тжиери заряд угодил в большое дерево, во все стороны полетели щепки, и оно проросло.

Фарру показалось, что он тонет в страшном беззвучном крике... Молодой сзекр, задыхаясь, упал на колени.

Дерево опрокинулось. Огромные стручки лиственной террасы, причудливые балконы плыли в воздухе и рушились в жалкой неразберихе. Из развалин, корчась и извиваясь, выскакивали исцики.

Металлический стержень приподнялся еще на десять футов. Казалось, он вот-вот вырвется из земли и умчится в космос. Коричневый человек, отбрасываемый выпирающей землей, упорно и безо всякой надежды стучал в оболочку корабля.

Фарр посмотрел на небо. Сверху пикирова-

ли три монитора — уродливые, жуткие аппараты, похожие на металлических скорпионов.

Возле корабля осколочная стрела вырыла воронку. Коричневый человек отлетел на шесть футов, трижды перевернулся и остался лежать на спине.

Металлический стержень стал зарываться в землю, поначалу медленно, затем все быстрее и быстрее. Вторая стрела, словно молот, ударила его в нос.

Металл съезжился и дал параллельные трещины. Но корпус корабля уже был под землей, и комья земли шевелились над его верхушкой.

Следующая осколочная стрела взметнула вверх облако пыли.

Молодые сзекры поднялись. Они глядели на искореженное поле и причитали на незнакомом Фарру языке. Один из них схватил Фарра за руку.

— Идем, мы должны спасти вас. Опасно! Опасно!

— Фарр-сайнх, Фарр-сайнх! — причитали они. — Мы отвечаем за вашу жизнь!

— Я здесь в безопасности, — сказал он. — Я хочу посмотреть.

Три монитора медленно проплыли вперед и назад и зависли над кратером.

— Похоже, бандиты удрали, — сказал Фарр.

— Нет! Невозможно! — крикнул сзекр. — Это конец Исзма!

С неба падал тонкий корабль. Он был значительно меньших размеров, чем мониторы, и если те походили на скорпионов, то он напоминал осу. Он сел на кратер и стал медленно, осторожно, словно зонд, погружаться в развороченную почву. Он ревел, дрожал и наконец скрылся из виду.

Вдоль аркады пробежали несколько исциков, их спины на бегу плавно извивались. Побуждаемый внезапным импульсом и не обращая внимания на протестующие крики юных сзекров, Фарр бросился за ними.

Исцики по полю бежали к кратеру. Пробегающая мимо безвольного тела коричневого человека, Фарр остановился. У налетчика были тяжелые льняные волосы, грубые черты, и в руках он все еще сжимал измочаленные саженцы. Как только Фарр остановился, пальцы разжались, и в ту же секунду открылись глаза. В них был разум. Фарр склонился над ним — отчасти из жалости, отчасти из любопытства.

Чьи-то руки обхватили его. Он заметил

желтые и зеленые полосы, разъяренные лица и оскаленные рты с острыми зубами.

— Стойте, — кричал Фарр, когда его волокли прочь с поля. — Отпустите!

Пальцы сзекров впились в руки и плечи. Лица были безумные, и Фарр придержал язык. Под ногами громыхнуло. И земля закачалась.

Сзекры вели его в Тжиери, но затем свернули в сторону. Фарр стал сопротивляться, попытался тормозить ногами. Что-то твердое сзади сдавило шею. Полупарализованный, он прекратил борьбу. Его отвели к одинокому дереву возле базальтовой стены. Дерево было очень старое, с шишковатым черным стволом, тяжелым зонтом листьев и двумя-тремя высохшими стручками. В стволе имелось неправильной формы отверстие. В эту дыру сзекры без всяких церемоний запихнули Фарра.

Глава IV

Хрипло крича, Эйли Фарр падал во тьму. Он пинал и хватал воздух. Голова ударилась обо что-то твердое и острое. Затем ударились плечо, бедро, и вот уже все тело пришло в соприкосновение с поверхностью. Там, где труба изгибалась, падение становилось скольжением. Ноги ударили в мембрану, которая, видимо, не выдержала, затем еще и еще раз. Через какие-то секунды он врезался в эластичную стену. Удар его парализовал. Он неподвижно лежал, собирая осколки разума.

Пошевелившись, он почувствовал голову. Шрам на темени вызывал ноющую боль. Он услышал характерный звук: беспорядочные удары и шорохи скользящего по трубе предмета. Фарр быстро отполз к стене. Что-то твердое и тяжелое ударило его по ребрам; что-то с глухим ударом и стоном врезалось в стену. Наступившую вслед за этим тишину нарушало лишь сдавленное дыхание.

— Кто здесь? — осторожно спросил Фарр.

Ответа не последовало.

Фарр повторил вопрос на всех знакомых языках и диалектах, но безрезультатно. Он с трудом заставил себя подняться. У него не было ни фонаря, ни других способов добыть свет.

Дыхание становилось ровнее, спокойнее. Фарр наощупь пробрался во тьме и наткнулся на скрюченное тело. Он опустился на колени и уложил невидимого человека ровно, выпря-

мив ему руки и ноги, а сам сел рядом и стал ждать. Прошло пять минут. Стены комнаты едва заметно вздрогнули, и донесся глубокий звук, похожий на дальний разрыв. Через минуту или две звук и содрогание повторились. Подземная битва в полном накале, подумал Фарр. Оса против крота. Схватка не на жизнь, а на смерть.

Стены задвигались. Фарр услышал новый, более мощный разрыв. Появилось ощущение близости финала. Человек во тьме судорожно вздохнул и закашлялся.

— Кто здесь? — окликнул Фарр.

Яркий лучик света уперся ему в лицо. Фарр вздрогнул и отодвинулся. Лучик последовал за ним.

— Убери эту чертовщину! — проворчал Фарр.

Луч прошелся вверх-вниз по его телу, задержавшись на полосатом посетительском пиджаке. В отраженном сиянии Фарр разглядел коричневого человека — грязного, измученного, в кровоподтеках. Свет исходил из пружки на его плече.

Коричневый человек заговорил низким хриплым голосом. Язык Фарру был известен, и он отрицательно покачал головой. Коричневый человек еще несколько секунд рассматривал Фарра, как тому показалось, оценивая. Затем, болезненно постанывая, поднялся на ноги и минуту или две исследовал стены, не обращая на Фарра внимания. Он тщательно изучил пол и потолок камеры. Наверху, вне досягаемости, находилось отверстие, через которое они сюда попали. В стене имелся плотно закрытый лаз. Фарр был зол и обижен, и, кроме того, очень болел шрам. Активность коричневого человека действовала на нервы. Яснее ясного было, что бежать отсюда непросто. Сзекры немногочисленные бы стоили, если бы не предусмотрели всего.

Рассмотрев коричневого человека, Фарр решил, что это, наверное, тсорд, представитель наиболее человекоподобной из трех арктурских рас. О них ходили не самые лучшие слухи, и Фарру было не очень-то по душе иметь одного из них в качестве приятеля по камере, и тем более во тьме.

Закончив обследование стен, тсорд вновь переключил свое внимание на Фарра. Глаза у него были спокойными, глубокими, желтыми и холодными и светились, словно грани то-

паза. Он опять заговорил своим полусухим голосом:

— Это не настоящая тюрьма.

Фарр был изумлен. В данных обстоятельствах замечание выглядело более чем странным.

— Кто вы, чтобы так говорить?

Тсорд рассматривал его добрых десять секунд, прежде чем произнести следующую фразу:

— Наверху большое волнение. Искики бросили нас сюда для безопасности. Значит, в любую минуту могут забрать. Нет ни дыр для подслушивания, ни звуковых рецепторов. Это камера хранения.

Фарр с сомнением поглядел на стены. Тсорд издал низкое, стонущее бормотание, вновь приведя Фарра в замешательство. Тут же он понял, что тсорд просто выражает веселье столь странным образом.

— Вас беспокоит, откуда я об этом знаю,— сказал тсорд.— У меня такая способность — чувствовать все это.

Фарр вежливо кивнул. Неотвязный взгляд тсорда становился гнетущим. Тсорд забормотал себе под нос: напевный, монотонный звук. Жалоба? Погребальная песнь? Свет погас, но траурное бормотание не прекращалось. Фарр неожиданно задремал и вскоре заснул. Это был тревожный сон, и он не давал отдыха. Голова раскалывалась и горела. Он слышал знакомые голоса и приглушенные крики: он был дома, на Земле, и кого-то должен был повидать. Друга. Зачем? Во сне Фарр ворочался и разговаривал. Он знал, что спит, он хотел проснуться.

Пустые голоса, шаги, неугомонные образы стали таять, и он заснул здоровым сном.

В овальную дверь ворвался свет, очерчивая силуэты двух искиков,— Фарр проснулся. Он был крайне удивлен, обнаружив, что тсорд исчез. Да и вся комната казалась другой. Он не был более в корне старого черного дерева.

Он с трудом принял сидячее положение. Глаза были затуманены и слезились, и мысли разбегались. Им не за что было зацепиться. Мозг при падении словно раскололся на части.

— Эйли Фарр-сайнх,— сказал искик,— вы способны нас сопровождать? — На них были желтые и зеленые ленты. Сзекры.

Фарр поднялся на ноги и прошел к овальной двери. Один из сзекров шел впереди, другой — позади. Они шли по извилистому коридору.

Идущий впереди сзекр отодвинул панель, и Фарр оказался в аркаде, по которой уже шел однажды.

Они вывели его наружу, под ночное небо. Звезды мерцали. Фарр разглядел Дом-Солнце и несколькими градусами ниже звезду, которую знал под именем Бета Ауригью. Они не вызвали ни боли, ни ностальгии. Он не испытывал никаких чувств, смотрел, не вглядываясь. Ему было легко и покойно.

Обогнув рухнувший дом, они подошли к лагуне. Впереди из ковра мягкого мха поднимался могучий ствол дерева.

— Дом Зхде Патасз-сайнх,— сказал сзекр.— Вы его гость. Он держит слово.

Дверь скользнула в сторону, и Фарр на подгибающихся ногах шагнул внутрь ствола. Дверь тихо закрылась. Фарр остался один в просторном круглом холле. Он прислонился к стене, чтобы не потерять сознание, внезапно раздосадованный собственной слабостью и замедленностью восприятия. Он сделал попытку сосредоточиться: осколки разума медленно начали собираться, соединяться воедино.

Вперед вышла женщина-искик. На ней были черные и белые ленты и черный тюрбан. Розово-фиолетовая кожа между лентами слабо отсвечивала. Черная линия вокруг головы подчеркивала горизонтальный разрез глаз. Фарр вдруг смутился, вспомнив, что он всклокочен, грязен и небрит.

— Фарр-сайнх,— сказала женщина,— позовьте проводить вас.

Она отвела его к шахте подъемника. Диск поднял их на сто футов, и на этой высоте у Фарра закружилась голова. Он почувствовал холодные ладони женщины.

— Сюда, Фарр-сайнх.

Фарр шагнул вперед, остановился, прислонился к стене, ожидая, пока в глазах не прояснится.

Женщина спокойно ждала.

Пятно исчезло. Они стояли в сердцевине ветви, рука женщины придерживала его за талию. Он посмотрел в ее блеклые глаза-сегменты. Она безразлично глядела на него.

— Ваши люди подмешали мне наркотики,— пробормотал он.

— Сюда, Фарр-сайнх.

Она пошла по коридору. Движения ее были столь мягкими и волнообразными, что казалось, будто она плывет. Фарр медленно пошел

следом. Он чувствовал себя немного лучше, ноги окрепли.

Женщина остановилась возле последнего люка, повернулась и сделала руками широкий церемониальный взмах.

— Вот ваша камера. У вас ни в чем не будет недостатка. Для Зхде Патасза дендрология — открытая книга. Он может вырастить все, что захочет. Входите и располагайтесь в его изысканном доме.

Фарр вошел в камеру — одно из четырех соединенных помещений самого совершенного стручка из тех, какие он видел. Это была гостиная. Огромный стол вырастал из пола, на нем висела дюжина подносов с продуктами.

Следующее помещение, выстланное голубыми ворсистыми коврами, видимо, служило комнатой отдыха, а соседнее с ним по лодыжку было заполнено бледно-зеленым нектаром. За спиной у себя Фарр неожиданно обнаружил маленького подобострастного иссика в белых и розовых ленточках слуги дома. Он ловко стянул с Фарра перепачканную одежду. Фарр шагнул в ванну, и слуга хлопнул ладонью в стену. Из маленьких отверстий ударили струи жидкости со свежим запахом и зябко пробежали по коже. Слуга зачерпнул ковшом бледно-зеленого нектара, полил Фарру на голову, и он вдруг оказался покрыт пощипывающей и пузырящейся пеной. Она быстро растворилась, оставив кожу чистой и свежей.

Слуга принес початок бледной пасты. Ее он осторожно наложил на лицо Фарра, растер мочалкой, и борода растаяла.

Прямо над головой рос пузырь жидкости. Его удерживала тонкая оболочка. Он становился все больше, качался и подрагивал. Слуга поднял острый шип. Пузырь лопнул; пролив на Фарра жидкость с мягким запахом гвоздики. Жидкость быстро высохла. Фарр перешел в четвертую камеру, и там слуга помог ему одеться, а затем прикрепил на ногу сбоку черную розетку. Фарр, кое-что знавший об обычаях народа иссиков, был удивлен. Будучи персональной эмблемой Зхде Патасза, розетка была не просто украшением. Она удостоверяла, что Фарр является почетным гостем Зхде Патасза, который, следовательно, берет на себя обязанность защищать его от любых врагов. Фарру предоставлялась свобода действий внутри дома и дюжина прав, обычно принадлежащих хозяину. Фарр мог манипулировать некоторыми нервами дома, его ре-

флексами, импульсами, мог пользоваться трубопроводами. Он мог распоряжаться некоторыми из сокровищ Зхде Патасза и имел довольно широкую возможность поступать так, словно был его «альтер эго». Случай был необычный, а для землянина, пожалуй, уникальный. Фарр стал размышлять, чем же он заслужил такую честь. Видимо, это было просто попыткой загладить вину за неприятности, которые ему причинили в связи с нападением тсордов. Да, подумал Фарр, это, пожалуй, может служить объяснением. Он надеялся, что Зхде Патасз поглядит сквозь пальцы на то, что он не соблюдает в ответ громоздких ритуалов иссиканской вежливости.

Женщина, которая отводила его в камеру, появилась вновь. Она торжественно преклонила перед ним колени. Фарр был недостаточно знаком с манерами иссиков, чтобы решить для себя, была в этом жесте ирония или нет. Очень уж неожиданной показалась ему перемена статуса. Мистификация? Непохоже. Чувства юмора у иссиков не существовало.

— Эйли Фарр-сайнх,— провозгласила женщина.— Теперь, когда вы освоились, не желаете ли вы присоединиться к хозяину, Зхде Патасзу?

Фарр вяло улыбнулся.

— В любое время.

— Тогда позвольте показать вам путь. Я провожу вас в личный стручок Зхде Патасза, где он ожидает с великим нетерпением.

Фарр последовал вслед за ней по трубе, расширявшейся по мере приближения ветви к стволу, затем проехал на лифте вверх по стволу, вылез и пошел по другому проходу. Возле люка она остановилась, поклонилась и широко развела руками.

— Зхде Патасз-сайнх ожидает вас.

Люк отодвинулся, и Фарр нерешительно вошел в камеру. Зхде Патасза он в первый момент не увидел. Фарр медленно двинулся вперед, оглядываясь справа налево. Стручок был тридцати футов длиной и открывался балконом с перилами по пояс высотой. Стены и куполообразный потолок были украшены орнаментом из шелковистого зеленого волокна. На полу густо рос темно-фиолетовый мох. Прямо из стен росли причудливой формы лампы. Здесь имелись четыре кресла-стручка фуксинового цвета, выстроенных вдоль одной из стен. Посередине на полу стояла высокая цилиндрическая ваза с водой,

растениями и черными извивающимися угрями. На стенах висели картины древних земных мастеров — изысканные курьезы чужого мира.

Зхде Патасз спустился с балкона.

— Фарр-сайнх, надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

— Достаточно хорошо,— осторожно ответил Фарр.

— Присядете?

— Как прикажете,— Фарр опустился на один из мягких фуксиновых пузырей. Гладкая кожа застыла по форме тела.

Хозяин томно присел рядом. Последовала пауза, во время которой они пристально изучали друг друга. Зхде Патасз был в голубых лентах своей касты. Кроме того, сегодня его бледные щеки украшали глянцевые красные круги. Фарр догадался, что это не просто случайные украшения. Любой атрибут внешнего вида исциков был тем или иным символом. Сегодня на голове Зхде Патасза не было обычного просторного берета. Шишки и складки на его темени образовывали почти правильной формы крест — признак аристократического происхождения и тысячелетней родословной.

— Вы получаете удовольствие от визита в Исзм?

Фарр немного подумал, затем заговорил официальным тоном:

— Я здесь вижу много интересного для себя. Кроме того, я здесь столкнулся с назойливостью, которая, надеюсь, не будет продолжаться непрерывно.

Он осторожно пощупал кожу на голове.

— И лишь ваше гостеприимство способно компенсировать болезненные ощущения, которые заставили меня испытать.

— Это печальные новости,— сказал Патасз.— Кто причинил вам вред? Назовите имена, и я позабочусь, чтобы их наказали.

Фарр пришел к выводу, что вряд ли он способен опознать сзекров, бросивших его в темницу.

— В любом случае, они были возбуждены налетом, и я не держу на них зла. Но после, судя по всему, меня отравили наркотиками, этому я объяснений найти не могу.

— Ваши замечания правильны,— вкрадчиво заговорил Зхде Патасз.— Сзекры, естественно, подвергли тсорда действию гипнотического газа. Похоже, лишь благодаря нелепой ошибке вы были брошены в ту же камеру

и разделили с ним эту неприятность. Нет сомнения, участвовавшие в этом сейчас испытывают угрызения совести.

Фарр заговорил с оттенком оскорбленности:

— Мои законные права попорчены. Договор доступности нарушен.

— Надеюсь, вы нас простите,— сказал Зхде Патасз.— Вы ведь, конечно, понимаете, что мы должны защищать свои поля.

— Я не имел ничего общего с налетом.

— Да. Мы это понимаем.

Фарр горько улыбнулся.

— Пока я был под гипнозом, вы из меня выжали все, что я знал.

Раздел между сегментами глаз Зхде Патасза превратился в ниточку, что Фарр счел проявлением насмешки.

— Случайно я узнал о вашем несчастье.

— Несчастья? Оскорбления!

Зхде Патасз сделал успокаивающий жест.

— Ничего особенного нет в том, что сзекры применили гипнотический газ к тсорду. Эта раса обладает большими психическими и физическими способностями, кроме того, она печально известна моральным несовершенством. В частности, именно поэтому их наняли для налета.

Фарр был удивлен.

— Вы полагаете, тсорды работали не на себя?

— Да. Организовано все было очень аккуратно, рассчитано очень точно. Тсорды — раса беспокойная, и нет гарантий, что экспедицию снарядили не они, но у нас есть основания думать по-другому. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы найти подлинного виновника налета.

— И потому допросили меня под гипнозом, в нарушении договора о доступности.

— Уверяю вас, вопросы вам задавались лишь те, что имели непосредственное касательство к налету.— Зхде Патасз старался умиротворить Фарра.— Сзекры сверхприлежны, но и вы могли оказаться глубоко законопириванным агентом. Вы производите такое впечатление.

— Боюсь, вы ошибаетесь.

— Разве? — Зхде Патасз казался удивленным.— Вы прибыли на Тжиери в день нападения. На пристани пытались избавиться от эскорта. Во время встречи вы все время пытались

контролировать свои эмоции и реакции, простите, что я указываю на ваши ошибки.

— Не за что, ваяйте дальше.

— В аркаде вы еще раз пытались покинуть эскорт. Вы выбежали на поле — явная попытка принять участие в нападении.

— Чепуха, — сказал Фарр.

— Для нас этого достаточно. Мы удовлетворены. Налет кончился не в пользу тсордов: мы разрушили «крота» на глубине тысячи ста футов. Никто не выжил, кроме персоны, с которой вы делили темницу.

— Что с ним случилось?

Зхде Патасз помедлил. Фарру показалось, что в его голосе промелькнула неуверенность.

— В нормальных условиях он действительно мог бы оказаться самым удачливым из них. — Он замолчал, чтобы придать мыслям форму слов. — Мы верим в превентивное воздействие наказания. Его бы заключили в сумасшедший дом.

— Что с ним случилось?

— Покончил с собой в подземелье.

Фарр был сбит с толку столь неожиданным поворотом событий. Что-то, видимо, успело связать его с этим человеком и что-то оказалось теперь потеряно...

Зхде Патасз заботливо спросил:

— Вы, кажется, потрясены, Фарр-сайнх?

— С какой стати?

— Вы устали или чувствуете слабость?

— Сейчас я более или менее пришел в норму.

Женщина принесла поднос с угощением: листики ореха, горячая ароматная жидкость, сушеная рыба.

Фарр ел с удовольствием, он был голоден. Зхде Патасз с любопытством его разглядывал.

— Странно. Мы с вами принадлежим к различным мирам, мы эволюционировали по разным направлениям; но наши цели, желания и опасения часто похожи. Мы защищаем свою собственность, то, что обеспечивает наше благосостояние.

Фарр почувствовал больное пятно на голове. Оно все еще саднило и пульсировало. Он задумчиво кивнул.

Зхде Патасз подошел к стеклянному цилиндру и стал смотреть на танцующих угрей.

— Порой мы излишне тревожимся, но что делать, опасения заставляют нас превосходить самих себя. — Он повернулся. Долгое время

они не сводили глаз друг с друга: Фарр, сгорбившийся в кресле-стручке, и ищик — высокий, стройный, с большими двойными глазами на орлиной тонкой голове.

— Так или иначе, — сказал Зхде Патасз, — я думаю, вы простите нам эту ошибку. Тсорды и их руководитель или руководители могущественны. Но для них ситуация лучше не станет. И пожалуйста, не смотрите свысока на нашу чрезмерную заботу. Налет был предпринят с огромным размахом и почти привел к цели. Кто задумал, кто составил столь тщательный план операции — мы должны выяснить. Тсорды действовали очень уверенно. Указания хватать как семена, так и саженьцы со специальных участков они получили, видимо, от шпиона, скрывавшегося под видом туриста. Вроде вас, например, — Зхде Патасз вырвал клочок волокна. — Взгляните, вот шелк. Мы инъектируем жидкость в орган рудиментарного стручка. Жидкость содержит такие компоненты, как толченый нерв аммонита, зола кустарника Франз, изохромил-ацетат натрия, порошок метеорита Фанодано. Жидкость подвергается шести критическим операциям и вливается только через хоботок силимпида. Скажите, — обратился он к Фарру, — сколько пройдет времени, прежде чем ваши земные исследователи научатся выращивать в стручке зеленый ворс?

— Вероятно, мы бы и пробовать не стали. Нас бы удовлетворили дома из пяти-шести стручков, а владельцы бы обставляли их как душе угодно.

— Но это же грубость! — воскликнул Зхде Патасз. — Вы это понимаете или нет? Жилище должно быть одним целым — стены, дронаж, украшения, выращенные в нем! Зачем тогда нужны наши огромные знания, две тысячи лет напряженной работы? Любой невежда способен наклеить зеленый ворс, один лишь ищик может вырастить его!

— Да, — сказал Фарр, — я вам верю.

Зхде Патасз продолжал, убеждающе показывая лорнетом:

— И если вы украли женскую особь дома, если ухитрились вырастить пятистручковый дом — это только начало. В него нужно войти, его нужно подчинить, его нужно обучить. Паутина должна быть обрезана: нервы закуляции должны быть изолированы и парализованы. Сфинктеры должны открываться и закрываться при прикосновении. Искусство благоустрой-

ства дома не менее важно, чем искусство выращивания дома. Без правильной обработки дом неудобен и скучен, даже опасен.

— Пенче не обрабатывает ни одного дома из тех, что вы присылаете на Землю.

— Пах! Дома Пенче бездушны и покорны. Им ничего не интересно. Им не хватает красоты и изящества. — Он помолчал. — Я не могу говорить. В вашем языке нет слов, которыми можно было бы выразить чувства ищика к своему дому. Он растит его, растет в нем. Его прах достается дому, когда он умирает. Он пьет его кровь, он дышит его дыханием. Дом защищает его, чувствует цвет его мыслей. Одушевленный дом способен отогнать чужака, разгневанный дом способен убить. А сумасшедший дом... в нем мы содержим преступников.

Фарр зачарованно слушал.

— Все это хорошо для ищиков, но землянин не настолько требователен, во всяком случае, землянин с низким доходом или низкой касты, чтобы вам было понятно. Ему всего лишь нужен дом, чтобы в нем жить.

— Вы можете приобрести дома, — сказал Зхде Патасз. — Мы рады вам их предоставить. Но вы должны использовать услуги аккредитованных распределителей.

— Пенче?

— Да. Он наш представитель.

— Кажется, мне пора спать, — сказал Фарр. — Я устал, и голова болит.

— Жаль. Но отдохните хорошенько, и завтра, если хотите, мы посетим мою плантацию. Чувствуйте себя свободно: мой дом — ваш дом.

Молодая женщина в темном тюрбане отвела Фарра в его камеру. Она церемонно омыла ему лицо, руки и ноги и побрызгала воздух ароматными духами.

Фарр погрузился в прерывистую дремоту. Ему мерещился тсорд. Он видел грубое коричневое лицо, слышал тяжелый голос. Ссадина на голове горела, и Фарр ворочался.

Лицо коричневого человека исчезало, словно погасший огонь, и Фарр наконец крепко заснул.

Глава V

На следующий день Фарра разбудили вздыхающие и шепчущие звуки музыки ищиков. Свежая одежда висела рядом. Он оделся

и вышел на балкон. Вид отсюда был изумительно, сверхъестественно красив. Солнце, Кси Ауригью, еще не взошло. Небо цвета электрик нависало над разноцветным зеркалом моря, темнеющего к горизонту. Справа и слева стояли огромные и замысловатые дома аристократов Тжиери, и против солнца вырисовывались силуэты их крон, а цвета стручков были приглушены: темно-синий, темно-бордовый и глубокий зеленый — такой бывает у старого вельвета. Вдоль канала дюжинами крейсировали гондолы. За каналом располагался базар Тжиери. Здесь распределялись изделия и инструменты промышленных систем Южного континента и некоторых внешних миров, при этом использовались способы обмена, в которых Фарру еще не удалось до конца разобраться.

Из апартamentов раздался звук, словно кто-то дернул за веревку, Фарр обернулся и обнаружил двух служителей — они несли высокий, со многими отделениями буфет, полный еды. И пока Кси Ауригью выпячивалось над горизонтом, Фарр успел позавтракать вафлями, фруктами, морскими клубнями и пастилой.

Едва он закончил, вновь выскочили служители. Их расторопность и проворство немного развеселили Фарра. Они уволокли буфет, и вошла женщина, которая прислуживала ему вчера вечером. Сегодня ее обычный костюм из черных лент был дополнен непонятным головным убором из таких же лент, который маскировал шишки и складки на темени и неожиданно делал женщину привлекательной. Производя утонченные ритуалы приветствия, она сообщила, что Зхде Патасз готов к услугам Фарр-сайнха.

Вместе с ней Фарр спустился в холл у основания огромного ствола. Здесь его ожидал Зхде Патасз, с ним был ищик, которого он представил как Омона Возхда, главного агента кооператива дома растений. Омон Возхд ростом был выше Зхде Патасза, с более широким и менее выразительным лицом, да и характер у него был, видимо, более живой и прямолинейный. Он носил синие и черные ленты и черные кружки на щеках — костюм, который навел Фарра на мысль о принадлежности его владельца к одной из высших каст. В отношении к нему Зхде Патасза сквозили одновременно снисходительность и уважение — во всяком случае, так показалось Фарру. Позицию Зхде Патасза Фарр приписал противоречию между

кастой Омона Возха и его мертвенно-бледной кожей жителя одного из южных архипелагов, или даже Южного континента, отличавшихся от кожи аристократов-плантаторов Фездха слабым голубоватым оттенком. Фарр, достаточно сбитый с толку тем чрезвычайным вниманием, которое ему все время оказывали, более его не разглядывал.

Зхде Патасз проводил гостей к шарабану с мягкими сиденьями, которые поддерживали над землей сотни почти безшумных воздушных струй. Шарабан не имел никаких украшений, но и сама по себе коробка, выращенная вместе с перилами, изогнутыми и сплюсненными дугообразными сиденьями и свисающей бахромой темно-коричневого меха была весьма впечатляющей. Слуга в красных и коричневых лентах накрыл выступающий вперед зуб, включая контроль. На заднее сиденье сели еще двое слуг. Они несли инструменты, эмблемы и прочее снаряжение, о предназначении которого Фарр не догадывался.

В последнюю минуту к ним присоединился четвертый искик, человек в синих и серых лентах, которого Зхде Патасз представил «Удир Че — мой главный архитектор».

— Настоящее исцианское слово, — сказал Зхде Патасз, — разумеется, другое, и включает в себя элементы многих других значений: биохимик, инструктор, поэт, предвестник, воспитатель и так далее. Конечный эффект тем не менее тот же, так что его смело можно назвать создателем новых домов.

За архитектором, как само собой разумеющееся, появились трое вездесущих сзекров на другой, меньшей по размерам платформе. Одного из них Фарр вроде бы узнал — он охранял его во время налета тсордов, и затем от него же Фарр натерпелся всяческих оскорблений. Но, может быть, это был другой сзекр — непривычному глазу все они казались на одно лицо. Фарру пришло в голову забавы ради пожаловаться Зхде Патасзу на этого человека: тот клятвенно обещал наказать виновного. Но он тут же справился с побуждением: Зхде Патасз, судя по всему, относился к своим обязанностям серьезно.

Платформы проскочили между массивными жилищами — домами городского центра — и вылетели на дорогу, что вела вдоль ряда небольших полей. Здесь росли серо-зеленые саженьцы — дома-дети, решил Фарр.

— Дома классов ААА и ААБР для контролеров работ с Южного континента, — пояснил Зхде Патасз весьма покровительственным тоном. — Вот там — четырех- и пятистручковые деревья для мастеровых. Каждый район выполняет свои специальные задания, описанием которых я не хочу вас утомлять. Разумеется, продукция, идущая на экспорт, не доставляет нам столько хлопот — мы продаем немногочисленные легко выращиваемые и стандартные структуры.

Фарр поморщился. Покровительственные оттенки в голосе Зхде Патасза становились все более отчетливыми.

— Если бы, вы решили разнообразить ассортимент, вы могли бы необычайно увеличить вывоз товара.

Зхде Патасз и Омон Возхд, похоже, развеселились:

— Мы вывозим столько домов, сколько хотим. К чему стремиться вперед? Кто оценит уникальные, исключительные свойства наших домов? Вы же сами говорите, что для землянина дом — не что иное, как коробка, в которой можно укрыться от непогоды.

— Вы и в самом деле нерациональны, Фарр-сайнх, — сказал Омон Возхд, — если только мне удалось подобрать слово с наименее обидным звучанием. На Земле, вы говорите, для жилища не нужно ничего. В то же время жилище на Земле — излишек богатства, и излишек столь значительный, что на обширные проекты тратится неисчерпаемая энергия. Богатство это может позволить решить проблему дефицита домов очень легко — вернее, те, кто контролирует это богатство. Понимая, что подобный курс для вас нереален, вы обращаетесь к нам, относительно бедным исцикам, которые, по вашему мнению, должны быть почему-то менее черствыми, чем люди вашей планеты. А увидев, что у нас есть собственные интересы, вы возмущаетесь — именно в этом лежит иррациональности вашей позиции.

Фарр засмеялся:

— Это искаженное отражение действительности. Мы богаты, верно. Потому что постоянно стараемся выпустить максимум продукции при минимуме усилий. Дома исциков и могут служить этим фактором обеспечения минимума усилий.

— Интересно, — пробормотал Зхде Патасз. Омон Возхд глубокомысленно кивнул.

Глайдер свернул и поднялся, чтобы перелететь через заросли остроконечных кустарников с черными шарами наверху. Вдали, за каймой берега, лежал спокойный мировой океан, голубой Фездх. Глайдер, разрезая носом низкие волны прибора, заскользил к острову.

Зхде Патасз заговорил мрачным, чуть ли не замогильным голосом:

— Сейчас вам покажут то очень небольшое, что вам разрешено видеть: экспериментальную станцию, где мы задумываем и создаем новые дома.

Фарр собрался было дать соответствующий ответ, высоко оценить и выразить заинтересованность, но Патасз более не обращал на него внимания, и он промолчал.

Платформа неслась над водой, вода под струями кипела, за кормой оставалась пена. Лучи Кси Ауригью искрились в голубой воде, и Фарр подумал, что все выглядело бы так по-земному, если бы не этот глайдер странной формы, не эти долговязые молочно-белые в полосочку люди за спиной и не эта необычная растительность на острове впереди. Домов, наподобие этих, он еще не видел: тяжелые, низкие, с плотно сплетенными черными ветвями. Листва, только что освобожденная от коричневой паутины, непрестанно шевелилась.

Глайдер замедлил движение у берега и остановился в двенадцати футах от земли. Удир Че, архитектор, выскочил с черной коробкой в руках. Он оказался по колено в воде и смешно потащился к берегу. Деревья не остались равнодушными к его приходу: поначалу они склонились к нему, затем расплели и расцепили ветви. Через секунду в растительности оказался проем, достаточно широкий для глайдера. Оказавшись за стеной деревьев, Удир Че вновь забрался на борт, а ветви сомкнулись, наглухо закрывая проход.

— Деревья уничтожают любого, кто неправильно представит сигнал, — он излучается из коробки. В прошлом плантаторы часто отправляли друг против друга экспедиции, сейчас этого, разумеется, нет, и в караульных деревьях нет, стало быть, особой необходимости. Но мы очень консервативны и храним старые обычаи.

Фарр оглянулся вокруг, стараясь не проявлять излишнего любопытства. Зхде Патасз спокойно и весело глядел на него.

— Когда я прибыл на Исзм, — сказал наконец Фарр, — я надеялся, что представится удач-

ный случай, но такого даже не ожидал. Должен признаться, что я озадачен. Почему вы мне это показываете? Он пристально посмотрел на бледные хрящевые лица искиков, но ничего не мог прочесть в их выражении.

Зхде выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Скорее всего, вы ищите ответ там, где его нет. Это вполне нормальное отношение хозяина к почетному гостю.

— Возможно, — согласился Фарр. Он вежливо улыбнулся. — Но если иные мотивы все же существуют?

— Допустим. Налет тсордов все еще заботит нас, и мы хотим получить большие информации. Но все же давайте не будем затруднять себя подобными вопросами. Думаю, вас как ботаника должны заинтересовать мои и Удира Че изобретения.

— О да, конечно! — И последующие два часа Фарр рассматривал дома со стручками на опорах для планет с высокой гравитацией систем Слио-8 и Форты Мантинона; просторные сложные дома со стручками-баллонами для Феи, где сила тяжести вдвое меньше, чем на Исзме. Были деревья, у которых от центрального ствола-колонны отходили, изгибаясь, четыре широченных листа, опускались до земли и создавали таким образом четыре куполообразных здания, освещенных бледно-зелеными лампами. Были дома с прочным стволом, единственным стручком-башенкой сверху и копьевидной листвой у основания: эти дома служили наблюдательными башнями феодальным племенам Эты Скорпиона. В огражденном стенами пространстве росли деревья разной степени подвижности и разумности.

— Новая, многообещающая область исследований, — сказал Фарру Зхде Патасз. — Мы обыгрываем идею выращивания деревьев для выполнения специальных задач, таких, как караульная служба, садовый надзор, разработка простейших механизмов. Не думайте, что я шучу. На атолле Дюрок, насколько мне известно, мастер-плантатор у себя в резиденции вывел дерево, которое поначалу вырабатывает разноцветные волокна, а затем сплетает их в ковер желаемого образца. Да и сами мы вносим свою лепту в создание подобных чудес. К примеру, вон тот купол — мы добились соединения, о котором человек, не знакомый с основами адаптации, сказал бы, что оно невозможно.

Фарр издал вежливый возглас удивления и восхищения. Он заметил, что Омон Возхд и Удир Че внимают словам плантатора с исключительным уважением, словно они присутствовали при чем-то значительном. И Фарру вдруг показалось, что каковы бы ни были мотивы необычного гостеприимства Зхде Патасза, ему скоро удастся в них разобраться.

Зхде Патасз продолжал с ломким, хрипловатым аристократическим акцентом:

— Механизм соединения, если можно так выразиться, в теории несложен. Животное тело зависит от пищи и кислорода, плюс некоторых поддерживающих компонентов. Растительная система, разумеется, продуцирует эти субстанции и перерабатывает отходы животного. Оно стремится стать закрытой системой, нуждаясь лишь в притоке энергии от внешнего источника. Наши достижения, к сожалению, далеки от законченности. Совершенной сети еще нет: весь обмен осуществляется через полупроводниковые мембраны, отделяющие растительные флюиды от животных. Тем не менее начало положено.

Рассказывая, Зхде Патасз направился к бледной желто-зеленой полусфере, над которой вращались и трепетали длинные желтые ветви. Он вытянул руку, и открылся проход в виде арки. Омон Возхд и Удир Че из осторожности оставались в тылу. Фарр с сомнением посмотрел на них.

Зхде Патасз еще раз наклонился:

— Думаю, вы как ботаник будете восхищены нашими успехами.

Фарр разглядывал отверстие, стараясь увидеть хоть что-нибудь находящееся внутри. Там, в глубине нечто, что исцики подталкивали его увидеть, что-то такое, что ему следовало испытать... Опасность? Им не было нужды его обманывать, он и так целиком был в их власти. Тем более Зхди Патасз был связан всеобщими законами гостеприимства, он ничем в этом положении не отличался, скажем, от шейха бедуинов. Опасности здесь, видимо, не было. Фарр сделал шаг вперед и оказался внутри дома.

В центре находился слегка выступающий пласт земли, жирной почвы, на котором покоился крупный пузырь, мешок желтой камеди. Поверхность мешка была изборозжена нитями сосудов и трубками вен, защищенных оболочкой, которая в верхней части переходила

в светло-серый ствол. От ствола симметрично росла крона ветвей с широкими листьями в форме сердца. Все это Фарру удалось увидеть за мгновение, хотя с того момента, как он вошел, его внимание было привлечено тем, что содержалось в капсуле со смолой, — обнаженное тело тсорда. Ноги его были погружены в темный желтый осадок на дне мешка, голова располагалась в непосредственной близости от ствола. Верхушка черепа была отделена, обнажилась масса оранжевых шариков — мозг. Руки тсорда были подняты до уровня плеч и оканчивались вместо ладоней клубками спутанного серого ворса, который так же скручивался в веревки, уходящие к стволу. Над обнаженным мозгом висел нимб. Приглядевшись, Фарр понял, что это сетка почти невидимых нитей также сплетавшихся в веревку и исчезающих в стволе. Глаза были затянуты темно-коричневой пленкой, заменявшей тсорду веки.

Фарр сделал глубокий вдох, стараясь совладать с отвращением, смешанным с жалостью. Он почувствовал внимание исциков и резко обернулся. Раздвоенные глаза всех троих были устремлены на него. Фарр изо всех сил старался держать чувства под контролем. Чего бы исцики от него не ожидали, он обязан их разочаровать.

— Должно быть, это тсорд, вместе с которым меня заперли.

Зхде Патасз шагнул вперед, его губы изогнулись.

— Вы его узнаете?

Фарр покачал головой.

— Я с трудом мог его разглядеть. Он для меня ничем не отличается от любого другого человека этой расы. — Он поближе подошел к мешку с янтарной массой. — Он жив?

— В известной степени.

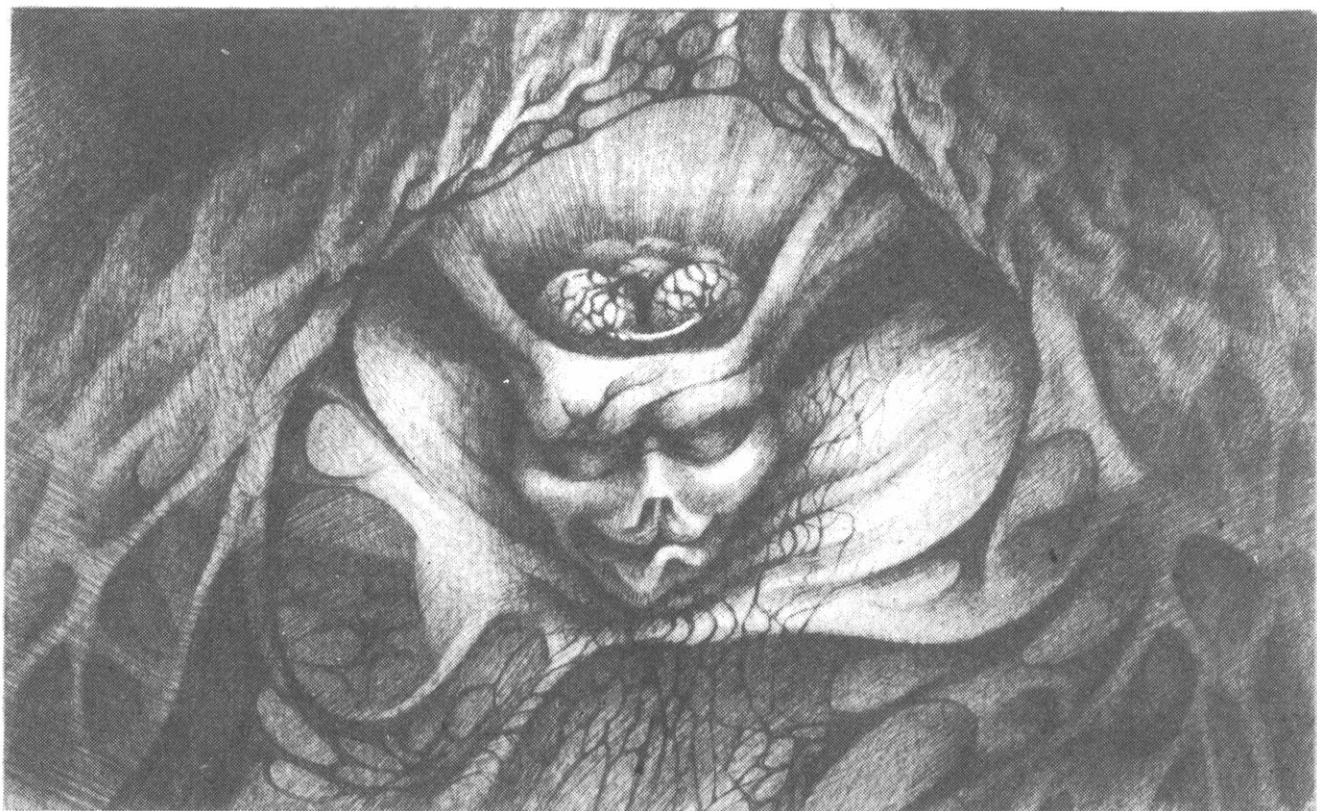
— Зачем вы меня сюда привели?

Зхде Патасз выглядел обеспокоенным, возможно, был даже рассержен. Фарр догадался, что какой-то сложный план пошел насмарку. Он вгляделся в мешок. Неужели тсорд двигался? Омон Возхд, стоявший слева, очевидно тоже заметил почти неразличимое движение мускула.

— Тсорд обладает большими психическими ресурсами, — сказал Омон Возхд, двигаясь вперед.

Фарр повернулся к Зхде Патасзу.

— Я полагал, что он умер, — сказал он.

— Так и есть,— сказал Зхде Патасз.— Он уже не Чайон Тентесский Четырнадцатый, барон замка Бяникристи. Он перестал быть личностью и превратился в орган, придаток дерева.

Фарр вновь оглянулся на тсорда. Глаза его были открыты, лицо приняло странное выражение. Фарру показалось, что тсорд слышит их слова, понимает их. Омон Возхд замер и напряженно ждал. Так же выглядел Зхде Патасз и Удир Че. Удир Че разразился фразой на языке исциков, указывая на листву. Фарр посмотрел и увидел, что листья шевелятся. В доме не было ни малейшего сквозняка. Фарр опустил взгляд на тсорда, и тут их глаза встретились. Лицо тсорда было напряжено, мускулы вокруг рта затвердели. Фарр никак не мог заставить себя оторвать взгляд. Рот открылся, зашевелились губы. Над головой скрипнули и застонали тяжелые ветви.

— Невероятно,— гаркнул Омон Возхд.— Реакция неправильная!

Ветви качнулись и накренились. Послышался ужасный треск, и вся масса листвы обрушилась на Зхде Патасза и Удира Че. Во второй

раз раздался стон ломающегося дерева: ствол раскололся, и дерево упало. Лопнул мешок, и тсорд вывалился наружу и повис над полом, удерживаемый канатами ворса, которыми оканчивались его руки. Голова его откинулась назад... рот страшно оскалился...

— Я не дерево! — выкрикнул он горловым булькающим голосом.— Я — Чайон Тентесский.— Из рта его потекли струйки желтой лимфы. Он конвульсивно закашлялся и уставился на Фарра.— Беги, беги отсюда. Оставь этих проклятых древожителей. Выполни то, что должен!

Омон Возхд бросился помогать Зхде Патасзу выбраться из-под рухнувшего дерева; Фарр оторопело смотрел на них. Тсорд обмяк.

— Теперь я умираю,— произнес он гортанным шепотом.— Не как дерево Исзма, а как тсорд, Чайон Тентесский!

Фарр отвернулся и стал помогать Зхде Патасзу и Омону Возхду извлекать Удира Че из-под листвы. Но безуспешно. Сломанная ветвь проткнула ему шею. Зхде Патасз издал крик отчаяния.

— Существо убивает после смерти, как вредит и при жизни! Оно убило самого талантливого из наших архитекторов! — Зхде Патасз повернулся и пошел прочь из дома. Омон Возхд и Фарр последовали за ним.

В молчании и унынии они возвратились в город Тжиери. От расположения плантатора к Фарру не осталось ничего, кроме обычной вежливости. Когда глайдер скользил по центральной улице, Фарр произнес:

— Зхде Патасз-сайнх, сегодняшние события глубоко взволновали вас, и, думаю, мне не стоит более злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Фарр-сайнх вправе поступать, как считает нужным, — тактично ответил Зхде Патасз.

— Я на всю жизнь сохраняю воспоминания о пребывании на атолле Тжиери, — сказал Фарр. — Вы позволили мне заглянуть в проблемы, которые интересуют плантаторов Исзма, и я благодарю вас.

Зхде Патасз поклонился.

— Заверяю Фарр-сайнха, что у нас, в свою очередь, никогда не сотрется память о нем.

Глайдер остановился на площади, рядом с которой росли три гостиницы, и Фарр высадился. Чуть помедлив, Омон Возхд сделал то же. Последовал финальный обмен формальными благодарностями и столь же формальными возражениями, затем глайдер отъехал.

Омон Возхд подошел к Фарру.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил он вежливо.

— Мой чартер все еще действует, — сказал Фарр. Он поморщился, не испытывая ни малейшего желания посещать плантации на других атоллах. — Вероятно, я вернусь на Джеспано. А потом...

— А потом?

Фарр раздраженно пожал плечами.

— Еще не знаю.

— Как бы то ни было, желаю приятного путешествия.

— Благодарю вас.

Когда он отправился в ресторан на ужин, сзекры вновь оказались за спиной, и Фарр почувствовал удушье. После ужина — типичные изсмские блюда из морских и растительных паст — Фарр спустился по улице к причалу, где приказал, чтобы «Лхайз» немедленно подготовили к отплытию.

Капитана на борту не оказалось: боцман

возражал, что раньше следующей зари отплыть никак невозможно. Чтобы убить вечер, он отправился на прогулку вдоль берега. Прибой, теплый ветер, песок были совершенно как на Земле, но силуэты чужих деревьев и двое сзекров за спиной совершенно портили картину, и Фарр ощутил приступ ностальгии. Он поостранствовал уже достаточно. Пора было возвращаться на Землю.

Глава VI

Фарр оказался на борту «Лхайза» прежде, чем солнце Кси Ауригью окончательно прояснило горизонт, и когда перед ним раскинулись свободные просторы Фездха, Фарр вновь обрел хорошее расположение духа. Экипаж был за работой: пропускали тросы, разворачивали паруса, и «Лхайз» был охвачен лихорадкой отправления. Фарр забросил тощий багаж в каюту, разыскал капитана и приказал ему отплывать. Капитан поклонился, затем отдал экипажу несколько распоряжений. Прошло полчаса, а «Лхайз» все еще был у причала. Фарр подошел к капитану, стоявшему на носу.

— В чем дело?

Капитан указал вниз, где матрос в плоскосте что-то делал с бортом.

— Корпус ремонтируется, Фарр-сайнх. Мы скоро отправимся.

Фарр вернулся на приподнятую корму и уселся в тени под навесом. Прошло еще пятнадцать минут. Фарр успокоился и стал даже получать удовольствие от окружающей обстановки, от суеты на причале, от прохожих в полосочках и ленточках всевозможных цветов... Трое сзекров подошли к «Лхайзу» и взошли на борт. Они переговорили с капитаном, тот повернулся и дал экипажу команду.

Паруса наполнились ветром, отдали швартовы, заскрипела оснастка. Фарр, неожиданно разъярившись, выскочил из кресла. Он собрался было приказать сзекрам высадиться на берег, но остановился. Результат можно было знать заранее. Заставив себя успокоиться, Фарр вернулся в кресло. Разрезая и вспенивая голубую воду, «Лхайз» выходил в море. Атолл Тжиери уменьшился, превратился в тень над горизонтом и исчез из виду. «Лхайз», подгоняемый ветром в корму, летел на запад. Фарр нахмурился. Насколько он мог припомнить, он

не давал никаких указаний насчет места назначения. Он подозвал капитана:

— Я вам не давал приказов. Почему мы держим курс на запад?

Одна из пар сегментов глаз капитана переместилась.

— Наше место назначения — Джеспиано. Разве не этого желает Фарр-сайнх?

— Нет, — агрессивно ответил Фарр. — Мы поплывем на юг, на Виджэнх.

— Но, Фарр-сайнх, если мы не будем держать курс прямо на Джеспиано, вы можете пропустить вылет корабля!

От изумления Фарр с трудом мог говорить.

— Да вам-то какое дело? — сказал он наконец. — Я что, упоминал, что хочу сесть на космический корабль?

— Нет, Фарр-сайнх. Я не слышал.

— Тогда будьте добры не предугадывать более моих желаний. Мы отправимся на Виджэнх.

Капитан помедлил.

— Ваши приказы, Фарр-сайнх, должны быть тщательно взвешены. Но следует учитывать еще и приказания сзекров. Они хотят, чтобы «Лхайз» плыл на Джеспиано.

— В таком случае, — сказал Фарр — пусть сами сзекры и оплачивают чартер. От меня вы ничего не получите.

Капитан медленно повернулся и отправился за советом к сзекрам. Последовал короткий спор, в ходе которого капитан и сзекры бросали пристальные взгляды в сторону Фарра, стоящего поодаль. Все же «Лхайз» повернул на юг, а рассерженные сзекры прошли на нос.

Путешествие продолжалось. Вскоре Фарр лишился покоя. Экипаж был бдителен, но уже менее исполнителен. Сзекры следили за каждым его шагом, и при любом удобном случае с откровенной наглостью обыскивали каюту. Фарр чувствовал себя более арестантом, чем туристом. Было почти очевидно, что его сознательно вызывают на провокацию, словно хотят внушить отвращение к Исзму. «Не так уж это и сложно, — сказал себе Фарр мрачно. — День, когда я покину эту планету, будет счастливейшим в моей жизни».

Над горизонтом выросла группа островов. Это был атолл Виджэнх, словно брам-близнец похожий на Тжиери. Фарр заставил себя выйти на берег, но не нашел там более интересного занятия, чем сидеть на террасе гостиницы

с кубком марциза, терпкого, чуть солоноватого напитка из морских водорослей. Выходя, он обнаружил плакат с фотографией корабля и расписанием прилетов и вылетов. КК «Андрей Саймик» должен был покинуть Джеспиано через три дня. Затем вылетов не предусматривалось на целых четыре месяца. Фарр с большим интересом рассматривал плакат. Вернувшись в порт, он аннулировал чартер, после чего предпринял воздушный перелет на Джеспиано.

Он прибыл в тот же вечер и тут же взял билет до Земли на КК «Андрей Саймик», после чего сразу ощутил покой и уверенность. «Восхитительная ситуация, — говорил он себя. — Полгода назад я не мог думать ни о чем, кроме как о путешествии на неведомую планету, а сейчас мечтаю лишь о возвращении на Землю».

Гостиница аэропорта представляла собой огромную поросль, созданную дюжиной сцепившихся между собой деревьев. Фарру предоставили удобный стручок, нависавший над каналом, который соединял лагуну с центром города Джеспиано. Узнав время отправления, Фарр успокоился. Ресторанные блюда в импортной фасовке вновь казались ему вкусными. Посетители, жившие в гостинице, принадлежали преимущественно к антропоидным расам, было здесь также с дюжину землян.

Единственным раздражающим фактором оставалась непрекращающаяся слежка сзекров и притом столь назойливая, что Фарр пожаловался сначала администрации гостиницы, а затем лейтенанту сзекров — и в том и в другом случае ответом ему было лишь слабое пожатие плечами. В конце концов он пересек отгороженную площадку и вошел в маленькое бетонное бунгало, офис районного договорного администратора. Это было одно из очень немногих численных неорганических зданий на Исзме. Администратором оказался коротенький толстый землянин со сломанным носом, ершиком черных волос и суетливыми повадками. У Фарра немедленно возникла к нему неприязнь. Тем не менее он спокойно и убедительно изложил свои претензии, и администратор обещал принять меры.

На следующий день Фарр явился в Административный дворец, большое величественное здание, возвышающееся над центральным каналом. На этот раз администратор был с ним лишь подчеркнуто вежлив, хотя

и пригласил на ленч. Они ели на балконе. Внизу по каналу проплывали стручки-лодки, полные фруктов и цветов.

— О вашем случае я звонил в Сзекр-центр,— говорил администратор Фарру.— Они говорили туманно, что для них необычно. Обычно они выражаются ясно и безоговорочно: он шпионил.

— Я до сих пор не могу понять, за что они меня преследуют.

— Вероятно, вы присутствовали, когда компания арктуриан...

— Тсорды.

Администратор поправился:

—... когда тсорды совершили массированный налет на плантацию Тжиери.

— Верно, я там был.

Администратор вертел в руках кофейную чашечку.

— Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы возбудить их подозрения. Они считают, что один или несколько туристов планировали и руководили набегом, и, похоже, вас они выбрали как одну из наиболее подходящих кандидатур.

Фарр откинулся в кресле.

— Это неправдоподобно. Сзекры накачали меня гипнотиками и допросили. Они знают все, что знаю я. И, наконец, плантатор на Тжиере сделал меня своим гостем. Они не верят, что я замешан во что-то. Это невозможно.

Администратор слабо, уклончиво пожал плечами.

— Может быть, сзекры согласились, что конкретных претензий к вам они не имеют. Но, так или иначе, вам удалось превратиться в объект для подозрений.

— Выходит, виновен я или нет, мне никуда не деться от их назойливости? Это противоречит букве и духу договора.

— Думаю я так же, как и вы, знаком с требованиями договора.— Администратор был раздражен. Он пододвинул Фарру вторую чашку, метнув на него любопытный взгляд.— Надеюсь, вы не виновны... но, возможно, вам что-то известно. Вы общались с кем-нибудь, кого они подозревают?

Фарр беспокойно зашевелился.

— Они бросили меня в один погреб с тсордом. Я с трудом мог с ним говорить.

Было очевидно, что ответ администратора не убедил.

— Тогда, должно быть, вы сделали что-нибудь не так. Чтобы вы ни говорили, искики никого не беспокоят просто ради каприза.

У Фарра лопнуло терпение и он воскликнул:

— Кого же вы представляете? Меня? Или сзекр?

— Попробуйте моими глазами взглянуть на ситуацию,— холодно произнес администратор.— В конце концов нет никакой гарантии, что вы тот, за кого вас принимают.

— Прежде всего они должны доказать. Но даже в этом случае вы — мой законный представитель. Зачем еще вас здесь держат?

Администратор уклонился от ответа.

— Я разговаривал с комендантом. Он уклончив. Может быть, он считает вас жертвой, приманкой или курьером. Возможно, они ждут, когда вы сделаете неверный шаг и выведете их на того, кто вами руководит.

— Им долго придется ждать. Кроме того, меня оскорбили.

— Как так?

— После налета меня бросили в погреб. Я имею в виду, меня заключили в полую корню под землей. Я сильно ушиб голову. Ссадины до сих пор дают себя чувствовать.

Он пощупал темя, где наконец-то начали прорасти волосы, и вздохнул. Ясно было, что администратор ничего делать не будет. Он обвел взглядом балкон.

— Это место, должно быть, звукоизолировано?

— Мне нечего скрывать,— чопорно ответил администратор.— Они могут слушать днем и ночью. Что они, возможно, и делают.— Он встал.— Когда уходит ваш корабль?

— Через два или три дня, в зависимости от окончания погрузки.

— Советую вам терпимо относиться к слежке. Так будет лучше.

Фарр небрежно поблагодарил и вышел. Сзекры уже ждали. Они вежливо кивнули, когда он выходил на улицу. Фарр сделал глубокий вздох. Он уступал. Поскольку его положение не обещало улучшиться, оставалось только смириться.

Он вернулся в гостиницу и принял душ в полупрозрачном утолщении на стене стручка. Вместо воды из форсунки, необычайно похожей на коровье вымя, струился прохладный сок со свежим запахом. Переодевшись в чис-

тую одежду, выданную гостиницей, Фарр отправился на террасу. Ему наскучило одиночество, и он с интересом оглядел столики. Он имел некоторое слабое представление о других гостях. Мистер и миссис Эндервуд, странствующие миссионеры; Джонас Ральф и Вильфред Виллеран — инженеры, возвращавшиеся на Землю с большой Экваториальной Автострады Капеллы-12 и в эту минуту сидевшие вместе с группой путешествующих школьных учителей, только что прибывших на Исзм, трое круглых коммерсантов из Монаго, потомков земного ствола, но условиями Монаго или Таурса-61 111 модифицированных в собственный соматический тип.

Справа от них сидели трое нинисов — высоких, стройных, почти не отличимых от людей, подвижных, прозорливых и многоречивых. Затем двое молодых землян (Фарр решил, что они студенты); за ними — группа велиарктуриан, представителей расы, от которой отделились и через миллион лет развились на другой планете тсорды. По другую сторону от монагиан сидели четверо исциков, значение которых Фарра не интересовало, и неподалеку от них, озабоченно потягивая нарцис из кубка, еще один исцик в голубом, белом и черном. Фарр опешил. Он не был уверен — исцики все казались ему похожи друг на друга — но этот почти наверняка был ни кто иной как Омон Возхд.

Почувствовав его взгляд, тот повернул к нему голову и вежливо кивнул, затем встал и подошел к нему.

— Могу я к вам присоединиться?

Фарр указал на кресло.

— Я не ожидал, что так скоро буду иметь удовольствие возобновить наше знакомство, — сухо сказал он.

Омон Возхд произвел один из туманных жестов, значение которого было за пределами понимания Фарра.

— Вам известно о моем намерении посетить Землю?

— Нет, конечно.

— Странно.

Фарр промолчал.

— Наш друг Зхде Патасз просил передать вам сообщение, — сказал Омон Возхд. — Первое: он посылает со мной подлинный салют по типу 8 и говорит, что испытывает чувство

стыда за неприятное происшествие, омрачившее вам последний день на Тжиери. Для нас до сих пор загадка, откуда у тсорда была такая психическая сила, позволившая ему совершить подобное действие. Второе: он рекомендует вам как можно осторожнее выбирать знакомства в ближайшие несколько месяцев. И третье: на Земле, где я буду чужестранцем, он поручает меня вашему покровительству и гостеприимству.

Фарр размышлял вслух:

— Откуда Зхде Патасз-сайнх узнал, что я собираюсь вернуться на Землю? Когда я покидал Тжиери, я не имел такого намерения.

— Я говорил с ним не далее, чем вчера ночью по телекому.

— Ясно, — недовольно произнес Фарр. — Да, естественно, я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам. Какую часть Земли намерены вы посетить?

— Мои планы еще не окончательны. Я буду инспектировать дома Зхде Патасза на различных участках, и скорее всего мне придется много путешествовать.

— А что значит «осторожно выбирать знакомства в ближайшие несколько месяцев»?

— Только одно. Похоже, слухи о налете тсордов достигли Джеспано, а значит, будут распространяться далее. Определенные преступные элементы могут заинтересоваться вашей деятельностью. Впрочем, я говорю слишком свободно. — Омон Возхд встал, поклонился и вышел. Фарр в недоумении смотрел ему вслед.

На следующий вечер администрация гостиницы, обратив внимание на большое число гостей с Земли, организовала банкет с земной кухней и земной музыкой. Явились почти все гости-земляне и прочие.

Фарр быстро захмелел от скотча с содовой и вскоре принялся ухаживать за самой юной и миловидной из приезжих учительниц. Она не отвергала его галантности, и они прогуливались рука об руку по террасе, нависавшей над берегом. Они болтали о пустяках, затем она вдруг бросила на него лукавый взгляд.

— Насколько я могу видеть, вы определенно не относитесь к общему типу.

— К типу? Какому типу?

— О, вы знаете. К типу людей, способных дурачить исциков и красть деревья у них из-под носа.

— Ваш инстинкт вас не подводит,— рас-
смеялся Фарр,— и верно, не отношусь.

Она вновь посмотрела на него искоса.

— Я слышала о вас кое-что другое.

Фарр старался, чтобы голос его был легким и небрежным.

— Вот как? И что же вы слышали?

— Разумеется, все это секрет, потому что, если искики узнают, вас пошлют в сумасшедший дом, так что вполне естественно, что вы не захотите об этом говорить. Но человек, который мне это сказал, вполне надежен, и я, конечно, никому не скажу ни слова. Но я вас только приветствую.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите,— раздраженно сказал Фарр.

— Конечно, вы никогда не согласитесь признаться,— с сожалением произнесла молодая женщина.— В конце концов я могу оказаться агентом искиков — они их используют, вы знаете.

— Раз и навсегда,— сказал Фарр,— я не понимаю, о чем вы говорите.

— О набеге на Тжиери,— сказала молодая женщина.— Говорят, что вы руководили набегом извне. Что вы контрабандой вывозите деревья с Исзма на Землю. Все об этом говорят.

— Что за нелепая чушь,— печально рассмеялся Фарр,— если бы это было так, неужели я был бы на свободе? Разумеется, нет. Искики значительно умнее, чем вы о них думаете. Откуда возникла эта идея?

Молодая женщина пришла в замешательство. Наверняка невинному, заурядному Эйли Фарру она предпочла бы похитителя деревьев.

— Не знаю, уверяю вас.

— Где вы об этом слышали?

— В отеле. Некоторые из гостей говорили.

— Любовь к сенсациям.

Молодая женщина фыркнула, и ее отношение к Фарру стало заметно холоднее. Когда они вернулись и сели, комнату пересекли четверо сзекров в головных уборах, говоривших о высоком ранге владельцев. Они остановились перед столиком Фарра и поклонились.

— Если Фарр-сайнху угодно, требуется его присутствие в одном месте.

Фарр откинулся на спинку кресла. Он посмотрел вокруг, но все отводили глаза. Учительница пребывала в крайней степени возбуждения.

— Где же требуется мое присутствие? — произнес Фарр голосом, полным бешенства.— И зачем?

— Нужно сделать обычные формальные уточнения, связанные с вашими легальными занятиями на Исзме.

— Они не могут подождать хотя бы до завтра?

— Нет, Фарр-сайнх. Прошу вас, пойдемте.

Кипя от негодования, Фарр встал и в окружении сзекров покинул террасу.

В четверти мили от гостиницы на берегу стояло маленькое трехстручковое дерево. Внутри на диване сидел старый искик. Он указал Фарру садиться напротив и представился. Его звали Юзимр Адислж, он принадлежал к касте ученых теоретиков, философов и прочих, формулирующих абстрактные принципы.

— Узнав о вашем пребывании на Джеспано и о том, что вы очень скоро отлетаете, я счел долгом немедленно с вами познакомиться. Я знаю, что на Земле вы работаете в области непосредственно связанной с нашим полем деятельности.

— Все верно,— сказал Фарр,— я чрезвычайно польщен вашим вниманием, но хотелось бы, чтобы оно выражалось в менее настойчивой форме. В гостинице теперь все уверены, что сзекр арестовал меня за попытку украсть дом-дерево.

Юзимр Адислж равнодушно пожал плечами:

— Страстная тяга к нездоровым сенсациям — характерная черта этих человекообразных потомков обезьяны. Думаю, лучше к ним относиться с презрением.

— Верно,— сказал Фарр.— Я согласен. Но была ли необходимость посылать четырех сзекров передать ваше приглашение? Это неблагоприятно.

— Не имеет значения. Люди нашего положения не должны заботиться о таких пустяках. А теперь расскажите о ваших мотивах и о сути ваших интересов.

Четыре часа они спорили об Исзме, о Земле, о Вселенной, о людском многообразии и о будущем. Когда сзекры, чье количество и ранг сократились до двух нижних чинов, наконец проводили его в отель, он почувствовал себя вознагражденным.

На следующее утро, выйдя на террасу к завтраку, он вызвал нечто благоговейного трепе-

та. Миссис Эндервью, симпатичная молодая жена миссионера, сказала:

— Мы были совершенно уверены, что вас посадили в тюрьму. Или даже в сумасшедший дом. И мы удивлены, что вы сейчас же не подняли администратора.

— В этом нет необходимости,— сказал Фарр.— Всего лишь ошибка. Но благодарю вас за участие.

Монахиане спросили его:

— Правда, что вы с тсордами сумели полностью перехитрить сзекр? Если так, то мы можем предложить вам очень выгодно сбыть дерево, которым вам удалось завладеть.

— Я не способен перехитрить никого,— сказал Фарр.— У меня нет никаких деревьев.

— Разумеется, разумеется,— кивнул, подмигивая, монахианин.— Здесь, на Исзме, даже трава имеет уши.

На следующий день звездолет «Андрей Саймик» спустился с небес, и час вылета был установлен окончательно: через два дня в 9 утра. В течение этих дней сзекры были еще более прилежны. Вечером перед вылетом один из них подошел и шепотом сообщил:

— Если Фарр-сайнх обладает временем, его просят зайти в портовую контору.

— Очень хорошо,— сказал Фарр, готовясь к худшему. Он отправил багаж в космопорт и явился в портовую контору, ожидая, что его подвергнут последнему, самому интенсивному допросу.

Сзекры полностью разочаровали его. Его отвели в стручок, где помощник коменданта сказал в завершение:

— Фарр-сайнх, на протяжении последних недель вы чувствовали нашу заинтересованность.

Фарр выразил согласие.

— Я не могу вскрывать перед вами подоплеку происходившего,— сказал сзекр,— но слежка была вызвана соображениями вашей безопасности.

— Моей безопасности?

— Мы подозреваем, что вы находитесь в опасности.

— Вот как? Восхитительно.

— Отнюдь. Совсем наоборот. В тот вечер, когда давали концерт, мы извлекли отравленный шип из вашего кресла. Или другой случай: пока вы были на террасе, вам в кубок добавили яду.

От изумления челюсть Фарра отвисла. Где-то кем-то была совершена чудовищная ошибка.

— Вы в этом уверены? Это невероятно.

Исцик, развлекаясь, сузил щелочки двойных глаз.

— вспомните правила, связанные с прибытием на Исзм. Они позволяют нам держать под запретом ввоз оружия. Яд — другое дело. Щепотку пыли можно заразить миллионом вирусов и спрятать без всякого труда. Далее, любой приезжий, замысливший убийство, может воспользоваться удавкой или ядом. Бдительность сзекров предупреждает акты физического насилия, поэтому встревожить нас может только яд. Каковы вспомогательные средства? Еда, питье, инъекции. Классифицируя подобные способы и приспособления, мы всегда можем найти раздел и прочитать: «Отравленный шип, заноза или зазубрина предназначены для прокола бедра или ягодицы посредством вертикального давления под действием силы тяжести». Следовательно, в нашу слежку неизменно входит проверка мест, на которых вы любите посидеть.

— Понятно,— сказал Фарр сдавленным голосом.

— Отраву у вас в питье мы обнаруживаем с помощью реагента, который темнеет в случае любого изменения первоначального материнского раствора. Когда помутнел один из бокалов скотча с содовой, мы его заменили.

— Это крайне непонятно,— сказал Фарр.— Кому понадобилось меня травить? Чего ради?

— Я имею право сообщить вам только предупреждение.

— Но против чего вы меня предупреждаете?

— Детали не окажут никакой пользы для вашей безопасности.

— Но я же ничего не сделал!

Помощник коменданта сзекр покачал головой.

— Вселенная существует восемь миллиардов лет, и последние 2 миллиарда производит разумную жизнь. За это время не наберется и часа, когда торжествовала бы полная справедливость. Не исключено, что состояние ваших личных дел вполне согласуется с происходящими событиями.

— Другими словами...

— Другими словами — ходите беззвучно, глядите по углам и не позволяйте соблазни-

тельным самочкам увлечь себя в кмнаты.— Он дернул тугую струну, вошел молодой сзекр.— Проводите Эйли Фарр-сайнх на борт «Андрея Саймика». Мы отменяем все дальнейшие проверки.

Фарр недоверчиво воззрился на него.

— Да, Фарр-сайнх,— сказал сзекр.— Мы чувствуем, что вы были честны.

Совершенно запутавшись, Фарр покинул стручок. Что-то было не так. Исцики отменили проверки. Такого не бывало никогда и ни с кем.

Оказавшись в каюте на борту корабля, он улегся на эластичную панель, служившую койкой. Итак, он был в опасности. Так сказал сзекр. Эта мысль никак не укладывалась в голове. Фарр был человек довольно смелый. Он не побоялся бы вступить в бой с явными врагами. Но знать, что в любую минуту тебя могут лишиться жизни и не подозревать кто, зачем и как... От таких раздумий в желудке поднималась тошнота. Конечно, думал Фарр, помощник коменданта может и ошибаться. Может быть, он воспользовался таинственной угрозой, чтобы заставить Фарра держаться подальше от Исзма.

Он встал и тщательно обыскал каюту, не обнаружил ни скрытых механизмов, ни шпионских тайничков. Затем он навел порядок в своем имуществе таким образом, чтобы сразу можно было заметить нарушение. Отодвинув ворсистую панель, Фарр выглянул в коридор. Он был пуст. Фарр вышел и торопливо пошел в комнату отдыха.

Там он изучил список пассажиров. На борту, включая его самого, находились двадцать восемь пассажиров. Некоторые из имен были ему знакомы: мистер и миссис Эндервью, Джонас Ральф, Вильфред Виллеран и Омон Возхд, прочие приблизительные транскрипции чужеродных фонем не значили для него ничего.

Фарр вернулся в каюту, запер дверь и улегся на кровать.

Глава VII

Своих спутников он смог увидеть не раньше, чем «Андрей Саймик» вышел в межзвездное пространство, и капитан, чтобы огласить, как полагается, список корабельных правил, пришел в комнату отдыха. Здесь к тому времени собрались семеро исциков, девять землян,

трое коммерсантов с Монаги, трое монахов с Кодайна, совершавших ритуальное паломничество по планетам, и еще пятеро с различных миров. Большинство пассажиров прибыли на Исзм этим же кораблем. Исцики, за исключением Омона Возхда, были наряжены в золотые и черные ленты — форма агентов плантаторов, людей высокопоставленных и строгих, более или менее равных по рангу. Фарр предположил, что по меньшей мере двое из них — сзекры. Группу землян составляли двое словоохотливых юных студентов, сидящие санитарные инженеры, возвращавшиеся на Землю, супруги Эндервью, Ральф и Виллеран и Карто и Модел Влевски, молодая путешествующая пара.

Фарр изучил всех, пытаясь каждого в отдельности представить в роли потенциального убийцы, но вскоре окончательно запутался. Попавшие на борт корабля, автоматически становились источниками подозрений, особенно кодайнские монахи и торговцы с Монаги. Не было никаких причин подозревать исциков да и землян — какой им смысл причинять ему вред? Какой смысл кому бы то ни было убивать его? Он рассеянно почесал голову, с огорчением обнаружив, что шрам, оставшийся от падения в полость корня на Тжиери, никуда не делся.

Путешествие было скучным — одинаковые часы прерывались лишь трапезами и периодами сна, которые каждый пассажир мог назначать по собственному желанию. Чтобы избавиться от скуки, а может быть, и потому, что скука не давала думать ни о чем другом, Фарр затеял невинный флирт с миссис Эндервью. Муж ее был погружен в писание многотомного доклада об успехах миссии на Дана Куури, что на планете Мазен, и появлялся только во время еды, оставляя миссис Эндервью на попечение себя самой и Фарра. Это была очаровательная женщина с чувственным ртом и провоцирующей полуулыбкой. Усилия Фарра не заходили далее игры ума, теплоты в голосе, многозначительного взгляда или двух — и он был весьма удивлен, когда миссис Эндервью (он так и не запомнил ее имени) однажды вечером спокойно явилась в его каюту с улыбкой пугливой и безрассудной.

Фарр сидел на кровати, моргая.

— Можно войти?

— Вы уже вошли.

Миссис Эндервю медленно кивнула и за-
творила за собой панель. Фарр вдруг обнару-
жил, что она гораздо милее, чем он позволил
себе заметить, и что пользуется духами непре-
одолимой сладости: алоэ, кардамон, лимон.

Она присела рядом и сказала:

— Я так скучаю! Ночь за ночью Меррит
пишет и думает только о своем бюджете.
А я — я люблю веселье.

Приглашение вряд ли могло быть более
откровенным. Фарр прикинул так и этак. Он
кашлянул. Миссис Эндервю, слегка покрас-
нев, смотрела на него.

Раздался стук в дверь. Фарр вскочил на
ноги, словно уже был в чем-то виновен, и отод-
винул панель. Снаружи стоял Омон Возхд.

— Фарр-сайнх, можно вас на секунду?
Я понимаю, что сейчас не самое удобное вре-
мя.

— Да,— сказал Фарр.— Как раз сейчас
я занят.

— Дело безотлагательное.

Фарр повернулся к женщине.

— Одну минутку. Я сейчас вернусь.

— Поспешите! — она выглядела очень не-
спокойно. Фарр с удивлением поглядел на нее
и открыл было рот, чтобы заговорить.

— Шш! — предостерегла она. Он пожал
плечами и вышел.

— В чем дело? — спросил он Омона Воз-
хда.

— Фарр-сайнх, вы хотите сохранить
жизнь?

— И даже очень,— сказал Фарр.— Но...

— Тогда пригласите меня в каюту.— Омон
Возхд сделал шаг вперед.

— Это едва ли возможно,— сказал Фарр.—
И вообще...

— Вы поняли меня или нет? — серьезно
спросил ищик.

— Нет,— сказал Фарр.— Я хочу, но, види-
мо, не могу.

Омон Возхд кивнул.

— Галантность следует отбросить. Давай-
те войдем в каюту. Времени мало.— Отод-
винув панель, он шагнул внутрь. Фарр прошел
следом, чувствуя себя очень глупо.

Миссис Эндервю вскочила.

— О! — воскликнула она, заливаясь крас-
кой.— Мистер Фарр!

Фарр беспомощно развел руками. Миссис
Эндервю попыталась выйти из каюты, но

Омон Возхд загородил ей путь. Он улыбнул-
ся — рот раскололся, обнажая серое нёбо и ду-
гу острых зубов.

— Прошу вас, миссис Эндервю, не уходи-
те, ваша репутация в безопасности.

— Я не хочу терять время,— резко ответи-
ла она. Фарр вдруг увидел, что она совсем не
миловидна, что у нее помятое лицо, а глаза
злые и себялюбивые.

— Прошу вас,— сказал Омон Возхд,— не
сейчас. Сядьте, если угодно.

Стук в дверь. Голос, хриплый от бешенства.

— Откройте, эй вы там, откройте!

— Конечно же,— сказал Омон Возхд и ши-
роко распахнул панель. В дверном проеме
стоял Эндервю, сверкая белками глаз. В руке
он держал шуттер, рука его дрожала. Он уви-
дел ищика, и плечи его поникли, а челюсти
лязгнули.

— Извините, что не приглашаю войти,—
сказал Фарр.— У нас слегка тесновато.

Эндервю возобновил атаку.

— Что здесь происходит?

Миссис Эндервю шагнула вперед, держась
за перила.

— Ничего,— произнесла она сдавленным
голосом.— Совсем ничего. Она выбралась
в коридор.

— Для вас здесь ничего нет,— небрежно
сообщил Омон Возхд Эндервю.— Вам бы
следовало присоединиться к вашей даме.

Эндервю медленно повернулся на каблу-
ках и отошел.

Фарр почувствовал слабость в коленях. Он
не мог измерить глубину причин, не мог разо-
браться в водоворотах мотивов и целей... Он
сел на койку, краснея от мысли, что его прове-
ли как простака.

— Отличный способ вычеркнуть человека
из жизни,— сказал Омон Возхд.— По крайней
мере, не противоречит земным установкам.

Фарр быстро вскинул глаза, уловив в этом
замечании сарказм.

— Что же, вы спасли мою кожу — по
меньшей мере два или три квадратных фута.

— Пустяки,— ответил Омон Возхд, пока-
чивая несуществующим лорнетом.

— Для меня не пустяки,— сказал Фарр.—
Я люблю свою кожу.

Ищик повернулся, чтобы выйти.

— Пойдите,— окликнул его Фарр, подни-
маясь.— Я хочу знать, что происходит.

— Все и так очевидно.

— Может быть, я дурак.

Исцик задумчиво посмотрел на него.

— Наверное, вы слишком близки к происходящему, чтобы увидеть картину целиком.

— Вы из сзекр?

— Все иностранные агенты из сзекр.

— Ладно, что же все-таки происходит? Что от меня нужно Эндервью?

— Они тщательно взвесили пользу и опасность, которую вы можете принести.

— Это совершенно фантастично!

Омон Возхд сфокусировал на нем обе фракции глаз и заговорил, размышляя:

— Каждая секунда бытия — новый мираж. Осознание ежесекундно ожидающих нас бесчисленных вариаций и возможностей — улицы в будущее. Мы идем по одной из них, но кто знает, куда приведут другие. Это вечное волшебство, таинственная неопределенность в последующие секунды вкупе с минувшей и есть непрерывно разворачивающийся ковер развязки.

— Да-да,— сказал Фарр.

— Разум наш немеет перед чудом жизни, перед мощью ее и величием.— Омон Возхд отвел наконец глаза.— В сравнении с ней происходящее сейчас имеет не больше внутреннего значения, чем один единственный вздох.

— Вдыхать я могу, сколько захочу,— сказал Фарр жестко.— А умереть могу лишь однажды, так что, видимо, практическая разница тут все же имеется. Очевидно, вы думаете так же, и я признаю, что нахожусь у вас в долгу. Но — почему?

Омон Возхд помахал отсутствующим лорнетом.

— Конечно, рациональность для исциков — совсем не то, что для землян. Тем не менее мы подчиняемся некоторым инстинктам, таким, как благоговение перед жизнью и стремление помогать знакомым.

— Ясно,— сказал Фарр,— значит, ваш поступок — не более чем дружеская услуга?

Омон Возхд поклонился.

— Можно сказать и так. А теперь я пожелаю вам спокойной ночи.— Он вышел из каюты.

Фарр в оцепенении опустился на койку. За последние несколько минут чета Эндервью из добродушного миссионера и его привлекательной супруги превратились в пару безжалостных убийц. Но почему? Почему?

Фарр в отупении покачал головой. Помощник коменданта упоминал ядовитый шип и отравленное питье: очевидно, на них лежит ответственность и за это. Он гневно вскочил на ноги, подбежал к двери, отодвинул ее и посмотрел вдоль перил. Вправо и влево уходили полосы серого стекла. Наверху такие же перила давали доступ к следующим каютам. Фарр добрался до конца перил и через арку заглянул в комнату отдыха. Двое исциков и двое молодых туристов играли в покер. Искики одной парой сегментов смотрели в карты, другой — на противников и выигрывали.

Фарр вернулся. Он поднялся по трапу на верхнюю палубу. Тишину нарушали звуки механизмов — заглушенные вздохи насосов, бормотание вентиляции, неразборчиво болтали в комнате отдыха пассажиры.

Фарр подошел к двери с табличкой «Мэрит и Антея Эндервью» и подождал, прислушиваясь. Он ничего не услышал — ни звуков, ни голосов. Он поднял руку, чтобы постучать, но задержал ее, вспомнив объяснение жизни Омоном Возхдом,— бесконечность улиц в будущее... Он мог постучать, а мог и вернуться к себе в каюту. Он постучал.

Никто не ответил. Фарр оглядел коридор вдоль перил. Еще можно было вернуться... Он потянул дверь. Она открылась. В комнате было темно. Фарр нащупал локтем выключатель, свет залил комнату. Меррит Эндервью жестко сидел в кресле и глядел на него бесстрашными глазами. Он был мертв. Антея Эндервью лежала на нижней койке, расслабленная и совершенно недвижимая.

Фарр не стал подходить ближе, она тоже была мертва. Шуттер, поставленный на нижний уровень вибрации, гомогенизировал их мозги; их мысли и память превратились в сероватую массу, а улицы в будущее, которые они избрали, рухнули в небытие. Фарр не двигался. Он пытался удержать дыхание, но знал, что беда уже случилась. Он вышел и затворил за собой дверь. Стюардесса, видимо, вскоре обнаружит трупы.

...Через некоторое время он стоял в своей каюте и думал с растущим беспокойством. Он может оказаться в центре подозрений. Этот дурацкий флирт с Антеей Эндервью, возможно, стал уже достоянием гласности. Его присутствие в каюте легко можно установить. На всех предметах в каюте должна остаться плен-

ка от его дыхания, и если никто из пассажиров на борту не обладает той же группой дыхания, все станет ясно.

Фарр решил. Он вышел из каюты и прошел через комнату отдыха. Никто на него не смотрел. Он поднялся по трапу мостика и постучал в дверь каюты капитана.

Капитан Дорристи отодвинул панель. Это был приземистый молчаливый мужчина с косящими черными глазами. За его спиной стоял Омон Возхд. Фарр заметил, что мускулы щек у него напряглись, а рука сделала движение, словно крутанула лорнет. Внезапно Фарр почувствовал облегчение. Он увернулся от удара, который Омон Возхд старался ему нанести.

— Двое пассажиров мертвы. Это супруги Эндервью.

— Интересно,— сказал Дорристи.— Входите.

Фарр шагнул в дверь. Омон Возхд глядел в сторону.

— Господин Возхд сказал мне, что вы убили их,— мягко сказал Дорристи.

Фарр обернулся и взглянул на ищика.

— Возможно, он самый искусный лжец на корабле. Он сам все это и подстроил.

Посмотрев на одного и на другого, Дорристи ухмыльнулся.

— Он говорит, что вы ухлестывали за этой женщиной.

— Это было лишь вежливое внимание. Путешествие было скучноватым до сегодняшнего дня.

Дорристи взглянул на ищика.

— Что вы скажете на это господин Возхд?

Ищик продолжал вертеть несуществующий лорнет.

— Что-то иное, чем вежливость, привело миссис Эндервью в каюту Фарра.

— Что-то иное, чем альтруизм, заставило Омона Возхда прийти в мою каюту и не дать Эндервью убить меня.

Омон Возхд выразил удивление.

— Я ничего не знаю о вашей связи.

Вспыхнув от гнева, Фарр повернулся к капитану.

— Вы ему верите?

Дорристи угрюмо улыбнулся.

— Я не верю никому.

— Вот что произошло. В это трудно поверить, но это — правда.— Фарр рассказал ему свою историю.— ...когда Возхд вышел, я задумался. Я собирался докопаться до сути тем или иным путем, и потому я пришел в каюту Эндервью. Открыв дверь, я увидел, что они мертвы. И сразу же пришел сюда.

Дорристи ничего не сказал, но теперь рассматривал Омона Возхда пристальнее, чем Фарра. Наконец он пожал плечами и сказал искику:

— Я опечатаю каюту. Полиция вскрыет ее. Свои вещи вы можете получить, когда мы вернемся на Землю.

У Омона Возхда помутнели нижние части глаз. Он небрежно покачал отсутствующим лорнетом.

— Я слышал рассказ Фарра,— сказал он,— он убедил меня в своей искренности. Думаю, что я ошибся. Непохуже, что он способен совершить преступление. Приношу свои извинения.

Он вышел из кабины. Фарр с триумфом глядел ему вслед.

Дорристи взглянул на Фарра.

— Выходит, вы их не убивали?

— Разумеется, нет! — оскорбился Фарр.

— Тогда кто?

— Полагаю, что кто-то из искиков. А почему — не имею ни малейшей догадки.

Дорристи кивнул, затем грубовато пробурчал уголком рта:

— Ладно, разберемся, когда сядем в Барстоу.— Он искоса взглянул на Фарра.— Я буду благодарен, если вы поменьше будете об этом говорить. Ни с кем этого не обсуждайте.

— Я и не собирался,— коротко ответил Фарр.

Глава VIII

Тела сфотографировали и отправили на холодное хранение, каюту опечатали. Корабль гудел сплетнями, и Фарр обнаружил, что случай с супругами Эндервью не так-то просто сохранять в тайне.

Земля приближалась. Особых опасений Фарр не испытывал, но беспокойство и ощущение таинственности оставались: почему Эндервью не кому-нибудь, а именно ему устраивали ловушку? Будет ли и на Земле оставаться опасность? Он начинал злиться. Эти

интриги — не его дело, он не желает в них участвовать. Но неприятное убеждение давило на сознание: он вовлечен, как бы стойко он не отрицал эту мысль. У него хватало работы: его занятия, тезисы, подготовка стерес, которые он надеялся продать одной из широковещательных сетей.

Но осталось что-то еще, странная безотлагательность, воздействие чего-то, что непременно следовало сделать. Это тревожило Фарра, вносило в его душу неудовлетворенность... Словно в мозгу, где-то глубоко-глубоко оставалась неясная извилина. Это не было связано ни со смертью Эндервью, ни со всем происходившим на Исме. Что-то следовало сделать, что-то, о чем он забыл... или не знал никогда?

Омон Возхд заговорил с ним лишь однажды, подходя в комнате отдыха. Он сказал:

— Вы должны знать, что находитесь лицом к лицу с угрозой. На Земле я буду бессилен вам помочь.

Негодование Фарра еще не прошло.

— На Земле вы, возможно, понесете наказание за убийство.

— Нет, Эйли Фарр-сайнх, мою причастность не докажут.

Фарр вгляделся в его бледное узкое лицо. Искик и землянин, имея различное происхождение, после эволюции подошли к одному гуманоидному приближению: обезьяноподобной амфибии. Но между этими расами никогда не существовало контакта или симпатии. Фарр спросил с любопытством:

— Вы их не убивали?

— Разумеется, человеку с интеллектом Эйли Фарра нет необходимости повторять очевидное.

— Не стесняйтесь, повторяйте. Повторяйте и переповторяйте. Я глуп. Вы их убили?

— С вашей стороны неучтиво требовать ответа на такой вопрос.

— Очень хорошо, не отвечайте. Но зачем вы пытались свалить это убийство на меня? Вы ведь знаете, что я этого не делал. Что вы против меня имеете?

Тонкий рот Омона Возхда растянулся в улыбке.

— Совершенно ничего. Преступление, если преступление было совершено, никогда бы не приписали вам. Следствие доказало бы вашу невиновность в два или три дня, а вместе с тем выявило бы еще кое-какие детали.

Почему вы сняли свои обвинения?

— Я увидел, что сделал ошибку. Я всего лишь человек — и далек от непогрешимости.

Внезапно на Фарра напал гнев:

— Почему вы говорите намеками и недомолвками? Почему не скажете прямо, если вам есть, что сказать?

— Фарр-сайнх сам утверждает за меня. Мне нечего сказать. Сообщение, которое я должен был сделать, я сделал. Он не должен ожидать, что я буду кривить душой.

Фарр кивнул и ухмыльнулся.

— В одном вы можете быть уверены: если я найду способ сорвать вам игру, я это сделаю.

С каждым часом Солнце становилось ярче, и с каждым часом Фарр становился ближе к дому. Он не мог заснуть. В желудке образовался кислый комок. Недомогание, замешательство, беспокойство привели к психическому недомоганию. Вдобавок шрам на голове никак не заживал: он болел и чесался. Фарр опасался, что на Исме в рану попала инфекция. Он встревожился — рисовались картины выпадения волос и приобретения кожей молочно-белого, как у исциков, оттенка. Не исчезла также таинственная внутренняя неудовлетворенность. Он порывался в памяти, пересмотрел день за днем, месяц за месяцем, стараясь выделять и подчеркивать, обобщать и проверять, — но без успеха. Он скомкал проблему, все замечания и пометки в один гневный ком и отшвырнул его.

Но наконец после самого долгого, самого изводящего из путешествий, какие только совершал Фарр, звездолет «Андрей Саймик» вошел в Солнечную систему.

Глава IX

Солнце, Земля, Луна... Архипелаг ярких круглых островов после долгого пути в морях тьмы. Солнце проплыло по одну сторону корабля, Луна промелькнула по другую. Прямо по курсу раскинулась Земля: серая, зеленая, желтовато-коричневая, белая, в облаках и ветрах, в закате и льдах, сквозняках, морозах и пыли — пуп Вселенной, склад, конечная станция, расчетная палата, куда представители внешних рас прибывают как провинциалы.

Была полночь, когда корпус звездолета коснулся Земли. Сквозь дрожь доносились тенор, баритон, бас и многие другие, неведомые человеческому уху, голоса генераторов.

Пассажиры ожидали в салоне, и нервы каждого из них, неподвижно сидевших в креслах или стоявших, были напряжены до предела.

Насосы вздыхали, нагнетая снаружи воздух. В иллюминаторах светились фонари. Входной люк лязгнул, открываясь, послышались приглушенные голоса, капитан Дорристи впустил высокого человека с резкими интеллигентными чертами лица, коротко подстриженными волосами и темно-коричневой кожей.

— Это детектив инспектор Кирди из специальной бригады, — сказал Дорристи. — Он будет расследовать смерть мистера и миссис Эндервью. Прошу оказать ему помощь: от этого зависит, насколько быстро мы освободимся.

Никто не заговорил. С одной стороны, словно ледяные статуи, стояли исцики. Из уважения к земным нарядам они были одеты в брюки и накидки. В выражении их лиц читались подозрение и недоверие, чувствовалось, что даже здесь, на Земле, они намерены хранить от посторонних свои секреты.

Трое младших по званию детективов вошли в комнату и огляделись. Напряжение возросло.

Инспектор Кирди заговорил приятным голосом:

— Я постараюсь вас не затруднять. Я бы хотел поговорить с мистером Омоном Возхдом.

Омон Возхд изучил Кирди через зрительный прибор, который на этот раз у него оказался с собой, но, видимо, правое плечо детектива инспектора Кирди не содержало никаких полезных сведений, он никогда прежде не посещал Исзм и вообще не путешествовал дальше Луны.

Омон Возхд сделал шаг вперед и назвал.

Кирди пригласил его в каюту капитана. Прошло десять минут. В дверях появился помощник.

— Мистер Эйли Фарр.

Фарр встал и последовал за помощником.

Кирди и Омон Возхд сидели лицом друг к другу. Они разительно отличались друг от друга: один бледный, с аскетическим орлиным профилем, другой — темный, горячий, прямой.

Кирди обратился к Фарру:

— Я хотел бы, чтобы вы выслушали рассказ мистера Возхда и сказали мне, что об этом думаете. — Он обернулся к исцику. —

Не были бы вы так добры повторить свое заявление?

— По существу,— сказал Омон Возхд,— ситуация такова. Еще до вылета с Джеспериано у меня были основания подозревать, что Эндервью замыслили причинить вред Фарр-сайнжу. Этими подозрениями я поделился с друзьями.

— С остальными джентльменами с Исзма? — уточнил Кирди.

— Совершенно верно. С их помощью я установил в каюте Эндервью следящую ячейку. Мои опасения оправдались. Они вернулись в каюту и были убиты. Находясь у себя, я был свидетелем происшедшего. Разумеется, Фарр-сайнх не имеет к этому отношения. Он был и есть абсолютно невиновен.

Они внимательно рассматривали Фарра. Тот нахмурился. Неужели он оказался столь простодушен, столь непроницателен?

Омон Возхд вновь обратил фракцию глаз на Кирди.

— Фарр, как я сказал, был невиновен. Но я счел разумным оградить его от дальнейшей опасности, и потому ложно обвинил его. Разумеется, Фарр-сайнх отказался сотрудничать и предупредил меня. Мои обвинения не вызвали доверия у капитана Дорристи, и я от них отказался.

Кирди повернулся к Фарру.

— Вы продолжаете верить, что Омон Возхд убийца?

Фарр боролся со злостью.

— Нет,— процедил он сквозь зубы.— Его история до такой степени фантастична, что я в нее верю.— Он посмотрел на искика и спросил: — Почему вы раньше об этом не говорили? Вы сказали, что все видели. Кто же убил их?

Омон Возхд вертел в руке свой зрительный прибор.

— Я знаком с вашими процессуальными уголовными законами,— сказал он.— Мои обвинения не обладают достаточным весом, авторитеты потребуют решающих улик. Такие улики существуют. Когда вы их обнаружите, мое заявление станет ненужным, в лучшем случае окажет косвенную помощь.

Кирди обернулся к помощнику.

— Возьмите мазки кожи, образцы дыхания и пота у всех пассажиров.

Когда образцы были собраны, Кирди вышел в середину салона и заявил:

— Я буду спрашивать каждого отдельно. Тем пассажирам, что согласятся давать показания с помощью цефалоскопа, разумеется, будет больше доверия. Напоминаю, что этот прибор не может помочь доказать вину — он способен лишь подтвердить невиновность. Самое худшее, что он сможет сделать,— это не суметь оградить вас от подозрений. Напоминаю, что многие считают отказ от цефалоскопа не только своим правом, но и моральной обязанностью. Следовательно, те, кто предпочтет давать показания без версификации с помощью инструмента, не должны опасаться предвзятости.

Допрос длился три часа. Вначале ему подверглись искики. Они по одному покидали салон и возвращались с одинаковым выражением терпеливого спокойствия на лицах. Затем были допрошены кодайниане, монагиане, за ними все прочие неземляне и, наконец, Фарр. Кирди указал на цефалоскоп.

— Воспользоваться прибором выгоднее прежде всего вам.

— Нет,— сказал Фарр с горькой усмешкой.— Я терпеть не могу разных приспособлений. Можете принимать или не принимать на веру показания, как хотите.

Кирди вежливо кивнул.

— Очень хорошо, мистер Фарр.— Он сверился с записями.— Вы впервые встретили Эндервью на Джеспериано, на Исзме?

— Да,— Фарр описал обстоятельства.

— Вы никогда не видели их прежде?

— Никогда.

— Насколько мне известно, во время визита на Исзм, вы были свидетелем набега?

Фарр рассказал об этом случае и о своих дальнейших приключениях. Кирди задал еще один-два вопроса, затем позволил Фарру вернуться в салон.

Один за другим были допрошены оставшиеся земляне: Ральф и Виллеран, супруги Влевски, юные студенты. Остался лишь Пол Бенгстон, седоволосый санитарный инженер. Кирди проводил студентов в салон.

— Итак,— сказал он,— цефалоскоп и другие методы позволили снять подозрение со всех допрошенных. Очень существенно, что ни у кого из пассажиров, с которыми я беседовал, компоненты дыхания не совпадают со снятыми с браслета миссис Эндервью.

Все в комнате заволновались. Взоры устре-

мились на Пола Бенгстона, к лицу которого то приливалась, то отливалась кровь.

— Не пройдете ли со мной, сэр?

Тот поднялся, сделал несколько мелких шагов вперед, оглянулся направо, налево, затем прошел вслед за Кирди в каюту капитана.

Прошло пять минут. Затем появился мощный инспектор.

— Мы приносим извинения, что заставили ждать. Можете высаживаться.

Комнату отдыха охватил гул. Посреди всеобщей суматохи Фарр сидел неподвижно. Что-то давило изнутри — гнев, разочарование, унижение. Это нарастало и, наконец, выплеснулось, наполнив разум яростью. Фарр вскочил, пробежал через комнату и поднялся по ступенькам в каюту капитана.

Помощник Кирди остановил его.

— Извините, мистер Фарр, я думаю, вам лучше не вмешиваться.

— Мне все равно, что вы думаете, — огрызнулся Фарр. Он надавил на дверь. Она была заперта. Он стал стучать. Капитан Дорристи отодвинул ее на фут и высунул квадратное лицо.

— Ну? В чем дело?

Фарр уперся рукой в подбородок капитана, толкнул его внутрь. Затем распахнул дверь и вошел в каюту. Дорристи замахнулся, чтобы нанести удар, и Фарр был рад — это давало повод бить в ответ, крушить, калечить. Но один из помощников встал между ними.

Кирди стоял, глядя на Пола Бенгстона. Он повернул голову.

— Да, мистер Фарр.

Дорристи с красным лицом, кипя от негодования и невнятно бормоча что-то, отошел.

— Этот человек — преступник? — спросил Фарр.

Кирди кивнул.

— Улики очевидны.

Фарр взглянул на Бенгстона. Лицо его стало неясным, оплыло и, казалось, изменилось, как при комбинированных съемках: искренность, добродушный юмор сменились жесткостью и бессердечием. Фарр удивился, как он мог так обмануться. Он подался вперед. Пол Бенгстон встретил его взгляд с неприязненным вызовом.

— Почему? — спросил он. — Почему все это случилось?

Бенгстон не ответил.

— Я хочу знать, — сказал Фарр. — Почему? Молчание.

Фарр смирил гордыню.

— Почему вы не хотите отвечать? — спросил он снова.

Пол Бенгстон пожал плечами и глуповато рассмеялся.

Фарр стал умолять:

— Это из-за чего-то, что я знаю? Чего-нибудь, что я видел?

Бенгстона охватило нечто похожее на истерику. Он сказал:

— Мне просто не нравится твоя прическа.

И он расхохотался до слез.

— Больше я от него ничего не могу добиться, — мрачно сказал Кирди.

— Что его побудило к этому? — жалобно спросил Фарр. — Какие причины? Почему Эн-дервью хотели меня убить?

— Если узнаю, я сообщу вам, — сказал Кирди. — Где я могу вас найти?

Фарр подумал. Что-то ему нужно было сделать... Это придет к нему в свое время.

— Я собираюсь в Лос-Анджелес. Я останюсь в отеле «Император».

— Дурак, — сказал Бенгстон.

Фарр сделал полшага к нему.

— Полегче, мистер Фарр, — сказал Кирди. — Я вам сообщу.

Фарр взглянул на Дорристи. Тот усмехнулся и сказал:

— Ничего, не будем извиняться.

Глава X

Когда Фарр вернулся в комнату отдыха, пассажиры уже высадились и теперь проходили через иммиграционную контору. Фарр затопил след, его охватил приступ клаустрофобии — звездолет «Андрей Саймик», величественная птица космоса, превратился вдруг в клетку, в стальной гроб. Фарр не имел больше сил ждать, он должен был скорей ступить на твердую землю.

Наступило утро. Порыв ветра дунул в лицо, принес запах шалфея и пустынную пыль, и мерцали звезды, тускнея на востоке. На верхней площадке трапа Фарр машинально посмотрел вверх, разыскивая Кси Ауригью. Вон там — Капелла, а вокруг нее вращается яркая звезда и рядом — Исзм. Фарр спустился по трапу и ступил на поле. Он вновь был

на Земле. В голове неожиданно и быстро вспыхнула мысль: конечно же, подумал он, успокаиваясь, ему нужно повидать этого человека, К. Пенче.

Но не сейчас. Завтра. Сначала в отель «Император». Ванна. Сто галлонов горячей воды. И сто галлонов скотча — «ночной колпак». И — в постель.

Подошел Омон Возхд.

— Было приятно с вами познакомиться, Фарр-сайнх. И мой совет вам — будьте осторожны. Я боюсь, что вы еще в очень большой опасности.

Он поклонился и отошел. Фарр проводил его взглядом. У него не было желания смеяться над предостережением. Он быстро оформил въезд и отправил багаж в «Император». Обогнув ряд гелиомобилей, он вошел под свод общественного туннеля. Под ногами появился диск (он всегда вызывал вибрацию в шахте, и постоянно возникала мысль: а что если на этот раз она не появится?).

Диск медленно остановился. Фарр заплатил за проезд в док на одноместной машине, сел, набрал на пульте место назначения и развалился на сиденьи. Он не мог разобраться в мыслях. В памяти оживали картины недавнего прошлого: районы космоса, Исзм, Джеспано, многостручковые дома. На борту «Лхайза» он шел к атоллу Тжиери. Он вновь испытал ужас набега на поля Патасза, падение в темницу-корень, заключение в паре с тсордом. Он вспомнил жуткое посещение островка для экспериментов Патасза... Картины сменяли одна другую, и они были отчетливы, хотя Исзм остался далеко, во многих световых годах отсюда.

Гудение машины убаюкало его. Веки отяжелели, он задремал.

Он заставил себя проснуться, заморгал. Все происшедшее было призрачно, фантазмагорично. Но так было на самом деле. Фарр пытался собраться с мыслями. Но разум отказывался рассуждать и строить планы. Здесь в тоннеле, в самом обычном тоннеле, убийство казалось невозможным.

На Земле ему мог помочь один человек — К. Пенче. Земной агент по продаже домов Исзма, человек, которому Омон Возхд вез плохие новости.

Машина вздрагивала, редела и неслась по главному тоннелю к океану. Дважды она останавливалась в лабиринте местных тоннелей и, наконец, остановилась.

Дверца открылась, и служитель в форме помог ему выйти. Он зарегистрировался в будке со стереозэкранами: лифт поднял его на двести футов до поверхности, затем еще на пятьсот футов до этажа, на котором находилась его комната. Он оказался в длинном зале, где преобладали уютные оливково-зеленый, соломенный, красновато-коричневый и белый тона. Одна стена была из стекла, и отсюда открывался вид на Санта-Монику, холмы Биверли и океан. Фарр довольно вздохнул. Дома Исзма во многих отношениях были более замечательны, но никогда не смогут заменить ему отель «Император».

Фарр принял ванну и поплавал в горячей воде, приятно пахнувшей глиной. Ритмично выбрасывались струи холодной воды, массируя ноги, спину, ребра, плечи... Он едва не заснул. Дно мягко поднялось, поворачивая его вертикально, и проставило на ноги. Струи воздуха высушили тело; лучи солнечной лампы придали коже быстрый приятный загар.

Он вышел из ванны и нашел высокий сосуд скотча с содовой — не сто галлонов, но достаточно, и постоял у окна, потягивая виски и наслаждаясь чувством крайней усталости.

Солнце взошло. Его свет, словно прилив, затопил огромные просторы города. Где-то там, где находился прежде Сигнальный холм, а теперь размещался богатый район, жил К. Пенче. Фарр вдруг почувствовал замешательство. Странно, подумал он, почему с ним должно быть связано решение всего? Ладно, в этом он разберется, когда увидит этого человека.

Фарр поляризовал окно, и свет в комнате погас. Он установил сигнализатор стенных часов на полдень, упал на кровать и заснул.

Когда окно деполяризовалось и дневной свет залил комнату, Фарр сел в кровати и искал меню. Он заказал кофе, грейпфрут, бекон и яйца, затем соскочил с кровати и подошел к окну. Величайший город мира простирался насколько хватало глаз. Белые шпили пронзали городскую дымку, повсюду суетилась и вибрировала торговая жизнь.

Стена вытолкнула стол с завтраком. Фарр отвернулся от окна, уселся, стал есть и смотреть новости по стереозэкрану. Через минуту он позабыл о своих заботах. За долгое время отсутствия он был лишен возможности следить за происходящим. События, которые год назад

его не интересовали, теперь казались значительными. Он почувствовал упоение. Это было хорошо — находиться дома, на Земле.

Голос с экрана сказал:

— А теперь сообщения из открытого космоса. Только что стало известно, что на борту пакетбота из серии «Красный шар» «Андрей Саймик» погибли двое пассажиров, выдававших себя за миссионеров, возвращающихся со службы в созвездии Матрэм...

Фарр смотрел, забыв о завтраке. Упоение исчезло.

Голос излагал суть происшествия. Экран смоделировал звездолет: сначала внешний вид корабля, затем камера пробралась внутрь и направилась прямо к роковой каюте. Как мил и непосредствен был комментатор! Каким второстепенным, незначительным выглядело событие в его изложении!

— ...как установлено, обе жертвы и убийца принадлежали к преступной корпорации «Плохая погода». Очевидно, они посетили Исзм, третью планету Кси Ауригью, с целью похитить женскую особь дома.

Голос прервался. Появилось изображение супругов Эндервью и Пола Бенгстона.

Фарр выключил экран и убрал столик обратно в стену, затем встал и вновь подошел к окну, взглянуть на город. Нужно было срочно встретиться с К. Пенче.

Из стенового шкафа он извлек белье, бледно-голубой волокнистый костюм, новые сандалии. Одеваясь, он намечал, как проведет этот день. Прежде всего, конечно, Пенче... Фарр призадумался, застегивая сандалии. Что он должен сказать ему? И вообще, какое отношение Пенче может иметь к его заботам? Что он может сделать? Его монополия зависит от истцов: он вряд ли рискнет противодействовать им.

Фарр вздохнул и отбросил раздражающие размышления. Идти было нелогично, но, наверняка, совершенно правильно. Он был уверен в этом, он чувствовал это всем нутром.

Закончив одеваться, он подошел к стереоэкрану и набрал офис К. Пенче. Появилась эмблема фирмы — обычный импортный дом Исзма, с вертикальными полосами массивных букв: «К. Пенче дома». Инстинктивно, на всякий случай, Фарр не стал нажимать на кнопку, которая бы включила его изображение на экране К. Пенче.

Женский голос произнес:

— Предприятие К. Пенче.

— Это...— Фарр помедлил и решил не называть своего имени.— Соедините меня с К. Пенче.

— Кто говорит?

— Мое имя — тайна.

— Какое у вас дело?

— Тайна.

— Я соединяю вас с секретарем Пенче.

Появилось изображение секретаря. Это была молодая, томная, обаятельная женщина. Она взглянула на экран.

— Пришлите, пожалуйста, свое изображение.

— Нет,— сказал Фарр.— Соедините меня с К. Пенче. Я буду говорить непосредственно с ним.

— Боюсь, что это невозможно,— сказала секретарша. Это противоречит правилам нашего учреждения.

— Сообщите мистеру Пенче, что я только что прибыл с Исзма на борту «Андрея Саймика».

Секретарша отвернулась и заговорила в микрофон. Через секунду ее лицо растаяло, и на экране появился К. Пенче. У него было крупное, властное лицо. В глубоких прямоугольных впадинах пылали глаза, бугры мускулов обрамляли рот. Брови изгибались в сардонические дуги; выражение не было ни приятным, ни неприятным.

— Кто говорит? — спросил он.

Ответ всплыл из глубины мозга, как пузыри со дна темной цистерны. Это были слова, которые он никогда не собирался произносить.

— Я прилетел с Исзма, Я достал...— Фарр слушал себя с изумлением. Слова пришли опять.— Я прилетел с Исзма...— он изо всех сил стиснул зубы.

— Кто это? Где вы?

Фарр откинулся, выключил экран и бессильно рухнул в кресло. Что это было? Он ничего общего не имел с Пенче. Он ничего не имел для Пенче. «Ничего», естественно, означало женскую особь дома. Фарр мог быть наивным, но не до такой степени. У него не было ни дома, ни саженьца, ни побега, ни семени, ни черенка.

Зачем ему необходимо было увидеть Пенче? Пенче не может помочь ему... Но голос из другой части мозга доверительно шептал: «Пенче известны все нити, он даст добрый совет...»

Ну что ж, вяло подумал Фарр. Вполне может оказаться и так.

Фарр расслабился. Да, конечно,— это могло быть его мотивом. Но, с другой стороны, Пенче — бизнесмен, зависящий от Исзма. Если Фарру и следовало к кому-нибудь обращаться, то лишь в полицию, в спецбригаду.

Он сидел, почесывая подбородок. Конечно, ничего страшного не случится, если он его повидает... Да и гора с плеч...

Фарр вскочил с возмущением. Это было бессмысленно. Зачем ему надо видеть Пенче? Хоть бы одну логичную причину... Причин не было вообще. Он принял окончательное решение: он ничего общего не имеет с Пенче.

Он покинул комнату, прошел в главный коридор отеля и подошел к стойке, чтобы получить деньги по банковскому купону. Изображение отправили в банк; ждать нужно было всего несколько секунд. Фарр забарабанил пальцами по углу стойки. Рядом с ним дородный мужчина спорил с клерком. Мужчина хотел передать постояльцу сообщение, к чему клерк относился скептически. Мужчина стал гневно выкрикивать слова; клерк стоял за стеклянным бастионом, чопорный, привередливый и качал головой. Уверенный в своих силах, защищенный правилами и инструкциями, он наслаждался.

— Если вы не знаете его имени, почему вы уверены, что он живет в нашем отеле?

— Я знаю, что он здесь,— сказал мужчина.— Это очень важно, чтобы он получил сообщение.

— Очень странно,— размышлял клерк.— Вы не знаете, как он выглядит, вы не знаете его имени... Вы можете свое сообщение передать не по адресу.

— Это мое дело.

Клерк с улыбкой покачал головой.

— Очевидно, все, что вам известно, это что он прибыл в пять утра. В это время у нас остановилось несколько гостей.

Фарр подсчитал деньги. Беседа вторглась в сознание. Он замер с раскрытым бумажником в руке.

— Этот человек прибыл из космоса. Он только что высадился с «Андрея Саймика». Теперь вы понимаете, кого я имею в виду?

Фарр тихо отошел. Он совершенно ясно представлял, что случилось. Пенче выяснил, откуда шел вызов; для него это было важно.

Он послал человека в «Император», чтобы установить с ним контакт. Из дальнего угла комнаты он наблюдал, как крупный мужчина в ярости отошел от стойки. Фарр знал, что на этом он не остановится. Кто-нибудь из боев или горничных информирует его за деньги.

Фарр отошел к двери и оглянулся. Женщина с невыразительной внешностью шла вслед за ним. Он встретился с ней взглядом, она отвела глаза. В походке ее случилась едва заметная заминка, но и без того подозрения Фарра уже возросли до предела. Женщина быстро прошла мимо, ступила на ленту у выхода и, миновав парк с орхидеями возле отеля, выехала на бульвар Заката.

Фарр направился следом, стараясь не потерять ее в толпе. Он поравнялся с транспортным навесом и свернул налево к стоянке гелиотакси. Ближайший экипаж, стоявший под навесом, был пуст. Фарр вскочил и сказал наугад:

— Лагуна Бич.

Экипаж взлетел. Фарр смотрел в иллюминатор. В сотне ярдов за кормой поднялся еще один экипаж.

— Сверни к Риверсайд,— сказал Фарр водителю.

Экипаж позади тоже повернул.

— Высади меня здесь,— сказал Фарр.

— Южные ворота? — спросил водитель, подозревавший, наверное, что у Фарра не все дома.

— Да. Южные ворота.

Не очень далеко от офиса Пенче, подумал Фарр. Совпадение.

Экипаж опустил ся. Фарр заметил, что преследовавший их экипаж не отставал. Он не испытывал особых опасений: отделаться от хвоста — дело крайне простое, это может легко сделать даже ребенок, который смотрит стерео.

Белая стрелка указывала вход в подземку. Фарр вошел в шахту. Диск подхватил его и мягко закачался, остановившись. Подземку сделали будто специально для того, чтобы можно было избавиться от тени. Он набрал место назначения и удобно уселся в кресле. Машина разгонялась, гудела, тормозила, покачивалась. Дверца открылась. Фарр вылез и на лифте поднялся на поверхность. Он заметил следы и замер — что же он делает? Это ведь Сигнальный холм, некогда утыканный нефтяными вышками, а теперь потерявшийся под валами

экзотической зелени: десять миллионов деревьев и кустарников, окутывавших особняки и дворцы. Здесь были бассейны, водопады и тщательно ухоженные клумбы с цветами: алый гибискус, пламенно-желтый флажок, гардения цвета сапфира. В сравнении с этим висячие сады Вавилона были ничто, Бейль-Эйр казался помойкой, а Топанга — выскочкой.

В общей сложности Пенче владел двенадцатью арками Сигнального холма. Свои земли он расчистил, не обращая внимания на протесты и вежливые просьбы и побеждая на судебных процессах. Ныне холм был переполнен домами-деревьями с Исзма, шестидесятью разновидностями четырех основных типов, единственным, что ему было позволено продавать.

Фарр медленно брел вдоль тенистой аркады, которая прежде звалась Атлантик-авеню. Интересно, думал он, что совпадение все же привело его сюда. Что ж, он ведь был рядом, и, может быть, повидать Пенче — неплохая идея...

— Нет! — сказал упрямо Фарр. Он принял решение, и никакое иррациональное побуждение не заставит его передумать. Странное дело, невзирая на огромную величину Лос-Анджелеса, он оказался почти у дверей К. Пенче. Слишком странно, слишком мало шансов на случайность. Видимо, сработало подсознание.

Он оглянулся. Возможно, никто не следил, но минуту или две он вглядывался в сотни проходивших мимо людей, молодых и старых, в нарядах всех фасонов, величин и цветов. По неуловимым признакам он выделил стройного человека в сером костюме: тот создавал странное впечатление. Фарр изменил направление, бросился в лабиринт открытых магазинов и киосков под аркадой, подошел к кафетеррию, утопавшему в тени пальмовых листьев, и спрятался за стеной зелени.

Прошла минута. Наконец появился человек в сером костюме: он спешил. Фарр вышел и тяжелым взглядом уставился в холодное, напояженное лицо.

— Не меня ли вы ищете, мистер?

— Чего ради? — сказал человек в сером костюме. — Я вас никогда в жизни не видел.

— Надеюсь, и я больше вас не увижу, — сказал Фарр. Он отправился к ближайшей шахте и сел в машину. Подумав минуту, он набрал Альтадену. Машина загудела. Фарр неудобно

сидел на краешке кресла. Как они сумели его выследить? В туннеле? Немыслимо.

На всякий случай он снял Альтадену и набрал Помону.

Через пять минут он бесцельно брел по бульвару Долины. Еще через пять минут он засек хвост — молодого рабочего с пустым лицом. «Или я сошел с ума? — спросил себя Фарр. — Или у меня развилась мания преследования?». Он задал тени суровую задачу, обходя кварталы, словно искал какой-то конкретный дом. Молодой рабочий не отставал.

Фарр зашел в ресторан, вызвал по стереозкрану специальную бригаду и попросил, чтобы его соединили с инспектором Кирди.

Кирди вежливо приветствовал Фарра. Он отрицал, что приставил к нему человека, но похоже, что заинтересовался.

— Подождите немного, — сказал он. — Я свяжусь с другими департаментами.

Прошли три или четыре минуты. Фарр увидел, что безликий молодой человек вошел в ресторан, занял местечко поукромнее и заказал кофе.

Кирди вернулся.

— Мы не имеем к этому отношения, — сказал он. — Возможно, частное агенство.

Фарр выглядел разочарованным.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Вам досаждают все это время?

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Спуститесь в туннель, стряхните его.

— Я спускался в туннель дважды — они не отстают.

Кирди был в замешательстве.

— Надеюсь, они расскажут мне, как этого добились. Мы, например, более не следим за подозреваемыми — они слишком легко нас смахивают.

— Я попытаюсь еще раз, — сказал Фарр. — А затем будет фейерверк.

Он вышел из ресторана. Молодой человек допил кофе и быстро вышел следом.

Фарр спустился в туннель. Он ждал, но молодой человек не появлялся. Это было уже слишком. Он вызвал машину и оглянулся вокруг. Вообще никого не было поблизости. Фарр сел и набрал Венчна. Машина тронулась. Разумного способа, каким его могли бы выследить в туннелях, не существовало.

В Венчна его тенью оказалась привлека-

тельная молодая домохозяйка, якобы вышедшая за покупками.

Фарр забрался в шахту и отправился на Лонг Бич. Там оказался стройный человек в сером костюме, который впервые привлек его внимание на Сигнальном холме. Он был непробиваем, когда Фарр узнал его, и безучастно пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего вы ждали?».

Сигнальный холм опять оказался неподалеку, в какой-нибудь миле-двух. Может быть, это все же хорошая мысль — в конце концов заглянуть к Пенче.

— Нет!

Фарр зашел в кафе внутри аркады, сел на виду у «хвоста» и заказал сендвич. Человек в опрятном сером костюме уселся за столик неподалеку и запасся чаем со льдом. Фарру очень захотелось выколотить правду из этой ухоженной физиономии. Но не стоит: можно кончить тюрьмой. Кто организовал эту слежку? Пенче? Фарр сразу же отбросил эту мысль. Человек Пенче появился в гостинице, когда он уходил, и ему тогда удалось уклониться от встречи.

Кто же тогда? Омон Возхд?

Фарр сидел неподвижно, затем рассмеялся — громким, чистым, пронзительным смехом. Люди удивленно оглядывались. Человек в сером бросил на него осторожный, оценивающий взгляд. Фарр продолжал сотрясаться от хохота, сбрасывая нервное напряжение. Хоть бы раз подумать об этом, а ведь все было так ясно, так просто!

Он взглянул на потолок аркады, представив небо над ним. Где-то в нем, в пяти или десяти милях, висел азробот. А внутри сидел исцик с чувствительным зрительным прибором и радио. Куда бы ни направился Фарр, радиант в левом плече посылал сигнал. В экранные-лорнете он был виден не менее отчетливо, чем маяк.

Он подошел к стереозкрану и вызвал Кирди. Тот крайне заинтересовался его догадкой.

— Я слышал об этом способе. Очевидно, так они и сделали.

— Да,— сказал Фарр.— Очевидно. Как бы мне от них избавиться?

— Одну минуту.— Прошло пять минут. Кирди вернулся к экрану.— Оставайтесь на месте, я пришлю к вам человека.

Посыльный вскоре прибыл. Фарр прошел

в туалет и перевязал плечо и грудь плетеной металлической тесьмой.

— Ну, а теперь,— зловеще сказал он себе,— теперь посмотрим.

Стройный человек в сером костюме беззастенчиво проводил его до туннеля. Фарр набрал Санта-Монику.

На станции Оушен-авеню он вышел на поверхность, прошел вперед по бульвару Уиллишир, затем назад в направлении Биверли Хилз. Он был один. Он использовал все уловки, о которых знал. Никто за ним не следовал. Он зашел в Клуб Единорога — просторный, пользующийся дурной репутацией салон с приятным старомодным запахом опилок, воска и пива. Он подошел прямо к стереозкрану и вызвал отель «Император». Да, для него было сообщение. Клерк включил запись, и в следующую секунду Фарр глядел в массивное сардоническое лицо Пенче. Густой хриплый голос звучал примирительно: слова были тщательно подобраны и взвешены.

— Я хотел бы повидать вас при ближайшем удобном для вас случае, мистер Фарр. Мы оба понимаем, что необходимо благоразумие. Я уверен, ваш визит принесет выгоду нам обоим. Я буду ждать вас.

Запись кончилась, появился клерк.

— Должен ли я стереть или зарегистрировать, мистер Фарр?

— Стереть,— сказал Фарр. Он покинул кабину и направился в дальний конец бара. Бармен задал традиционный вопрос:

— Что тебе, брат?

— «Вена Штадтбрау»,— заказал Фарр.

Бармен повернулся, крутанул колесо, разрисованное виноградной лозой и пестрое от этикеток. Сто двадцать положений колеса соответствовали ста двадцати бакам. Он подставил глиняную кружку, и в нее ударила струя темной жидкости. Бармен выжал грушу до конца и поставил кружку перед Фарром.

Фарр сделал большой глоток и расслабился. Он потерял лоб.

Он был в замешательстве. Происходило что-то очень странное. Пенче выглядел достаточно благоразумным. В конце концов, возможно, это не плохая идея — Фарр вяло отбросил эту мысль. Удивительно, как много масок находит это побуждение. Трудно ограждать себя от них. Прежде всего нужно объявить для себя вето на любую деятельность, которая включала бы визит к Пенче. Во избе-

жании компромисса — оцепенение, контрпобуждение, которое наденет оковы на свободу действий. Кутерьма. Как может человек думать ясно, если подсознательный толчок не отличается от сознательных чувств?

Фарр заказал еще пива. Бармен повиновался. Это был маленький коротышка со щеками-яблоками и тонкими усиками. Фарр вернулся к своим мыслям. Это была интересная психологическая проблема, и при других обстоятельствах Фарр занялся бы ей с удовольствием. Он попытался объяснить побуждение. «Что пользы мне видеть Пенче? Он гонится за выгодой. И уверен, что у Фарра есть то, что ему нужно».

Это может быть только женская особь дома.

У Фарра ее не было. Следовательно, ему не было никакого смысла встречаться с Пенче.

Но до конца он был неудовлетворен, понимая, что упрощает. Искики тоже замешаны в деле, и они тоже уверены, что у него есть женская особь дома. Пока они следили за ним, их не интересовало, где он должен скрывать эту гипотетическую особь.

Пенче, естественно, не хочет, чтобы они об этом узнали. Если искики узнают, что Пенче участвует в деле, первое, что они сделают, — разорвут договор. Или даже убьют его.

Пенче играет на высокие ставки. Во-первых, он мог выращивать собственные дома. Они стоили бы ему долларов двадцать — тридцать, а продавал бы он их в любом количестве по две тысячи за штуку. Он бы стал богатейшим человеком во Вселенной, богатейшим человеком в истории Земли. Моголы древней Индии, магнаты викторианской эпохи, нефтяные короли, пан-евразийские синдикаты в сравнении с ним выглядели бы нищими.

Это было во-первых. Во-вторых, Пенче, вполне возможно, мог бы лишиться монополии. Фарр вспомнил его лицо, хрящеватый рот, нос челноком, глаза, словно закопченные стеклянные окошки в стенке доменной печи. Фарр инстинктивно понял его позицию.

Это была бы интересная борьба. Пенче, возможно, недоучел проницательного мозга искиков, фанатического усердия, с которым они защищают свое добро. Вероятно, и они недооценили могучего богатства Пенче и гениальности земных технологов. Древний парадокс: неистощимая сила и несокрушимый объ-

ект. «И я, подумал Фарр, я между ними. Если я не выскочу, меня, очень может быть, раздавят.— Он задумчиво приложился к пивной кружке.— Если бы я знал точно, что происходит, если бы знал, как ухитрился впутаться в эту историю, я бы нашел способ выскочить. Еще бы — ведь я обладаю такой силой! Или это лишь кажется?»

Фарр опять потребовал пива. Внезапно он резко обернулся и оглядел бар. Никто не следил за ним. Фарр взял кружку и отправился к столику в темном углу.

Ситуация — по крайней мере вовлеченность Фарра — начала проявляться с момента набега тсордов на Тжиери. Фарр возбудил подозрения искиков; они арестовали его. Он делил заключение с выжившим тсордом. По полости корня искики пустили гипнотический газ. Наверняка, они изучили его вдоль и поперек, изнутри и снаружи, разум и тело. Если бы он был соучастником, если прятал при себе побег или семя, они бы узнали это.

«Что же они сделали на самом деле?»

Его освободили, ему облегчили возвращение на Землю. Он стал приманкой, живцом.

А на борту «Андрея Саймика» — что все это значило? Предположим, они поняли опасность, которую представляет Фарр, и решили убрать его. А как насчет Бенгстона? Возможно, его функции заключались в том, что он шпионил за ними обоими. Он убил Эндервью либо защищая интересы Пенче, либо, чтобы завладеть большим кусом добычи. И провалился. Теперь он под охраной специальной бригады.

Выстроившаяся картина была экспериментальной, умозрительной, но приводила к логическому заключению: К. Пенче организовал налет на Тжиери. Ему же принадлежал металлический крот, который на глубине тысячи ста фунтов разрушила затем металлическая оса. Налет едва не увенчался успехом. У искиков, должно быть, тряслись поджилки. Они теперь без передышки будут выслеживать организаторов налета. Несколько смертей не значат ничего. Деньги тоже не значат ничего. И Эйли Фарр не значит ничего.

Легкий холодок пробежал по спине.

Очаровательная блондинка в сером наряде из блестящей кожи задержалась возле столика.

— Эй, Чарли! — Ее волосы были рассыпаны по плечам.— Ты что такой унылый? — И она упала в кресло рядом с ним.

Мысли Фарра забрели уже на беспокойную территорию, и появление девушки его испугало. Он смотрел на нее, и ни единый мускул на его лице не шевелился. Прошло пять, десять секунд.

Она заставила себя рассмеяться и поежилась в кресле.

— Ты выглядишь так, будто таскаешь в голове все беды мира.

Фарр осторожно поставил пиво на стол.

— Пытаюсь выбрать лошадь,— сказал он.

— В такой духоте? — Воткнув в рот сигарету, она вытянула губы.— Дай-ка огоньку.

Фарр зажег сигарету, рассматривая девушку из-под век, обдумывая каждую деталь ее внешности, стараясь поймать на фальши, на нетипичной реакции. Он не заметил, как она вошла; и не видел, чтобы где-нибудь на столе оставался ее недопитый бокал.

— Со мной можно разговаривать за выпивкой,— беззаботно сказала она.

— А что будет после того, как я куплю тебе выпивку?

Она смотрела в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я думаю... Я думаю, это тебе решать.

В еще более резких терминах Фарр осведомился у нее — сколько. Она покраснела, все еще глядя в противоположную стену бара, затем заволновалась:

— Я думаю, ты ошибся. Или я ошиблась... Я думала, ты будешь так добр — поставишь выпивку...

Фарр опросил весело:

— Ты работаешь на бар? На должности?

— Конечно,— ответила она чуть ли не агрессивно.— Это отличный способ провести вечер. Иногда встречаешь хорошего парня... Что у тебя с головой? — Она подалась вперед, вглядываясь.— Кто-нибудь стукнул?

— Если я расскажу тебе, где раздобыл этот шрам,— сказал Фарр,— ты назовешь меня лгуном.

— Валяй, попробайся.

— Некоторые люди на мне помешались. Они подвели меня к дереву и втокнули внутрь. Я падал в корень две или три сотни футов. А по пути расцарапал голову.

Девушка смотрела на него искоса, губы ее растянулись в кривую улыбку.

— А на дне ты повстречал маленьких розовых человечков с зелеными фонариками. И большого белого пушистого кролика.

— Я же тебе говорил,— сказал Фарр.

Она наклонилась к его виску.

— Тебе идут длинные серые волосы.

— Я их надеюсь сохранить,— сказал Фарр, убирая голову.

— Успокойся,— она холодно смотрела на него.— Ты что, очень спешишь? Или я должна рассказать тебе историю своей жизни?

— Одну минуту,— сказал Фарр. Он встал и направился к бару. Он указал бармену:

— Блондинка за моим столом, видите ее?

Бармен взглянул.

— И что?

— Она часто здесь болтается?

— Впервые в жизни вижу.

— А разве она не работает у вас на должности?

— Брат, я же тебе сказал. Я вижу ее впервые в жизни.

Фарр вернулся к столу. Девушка молчала и барабанила пальцами по столу. Фарр пристально посмотрел на нее.

— Ну? — буркнула она.

— На кого ты работаешь?

— Я тебе сказала.

— Кто тебя ко мне подослал?

— Не говори ерунды.— Она попыталась подняться. Фарр схватил ее за запястье.

— Пусти! Я закричу!

— Очень надеюсь,— сказал Фарр.— Я бы хотел увидеть кого-нибудь из полиции. Сиди тихо, или я сам их позову.

Она медленно опустилась в кресло, затем подалась к нему, подняв лицо вверх и обвив ладони вокруг его шеи.

— Я так одинока! Честное слово. Я вчера приехала из Сизтла, не знаю здесь ни души. Поэтому не будь со мной таким... Мы могли бы так понравиться друг другу... Правда?

Фарр ухмыльнулся.

— Сначала поговорим, а потом будем нравиться.

Что-то ранило его, что-то сзади, на шее, где касались ее пальцы. Он моргнул и схватил ее за руки. Она вскочила, вырвалась, глаза ее светились радостью.

— А теперь, что ты теперь будешь делать?

Он рванулся к ней; она отпрянула, лицо ее стало озорным. Глаза Фарра наполнились слезами, в суставах появилась слабость.

Он зашатался, столик опрокинулся. Бармен взревел и выскочил из-за стойки. Фарр сделал

два неверных шага вслед девушке, которая спокойно направилась к выходу. Бармен загородил ей дорогу.

— Одну минуту!

В ушах стоял крик. Фарр услышал, как девушка чопорно произнесла:

— Пропустите меня! Он пьян. Он оскорбил меня... каких только гадостей не наговорил.

Бармен смотрел свирепо и нерешительно.

— Что-то непонятное здесь происходит.

— Тем более — не впутывайте меня в эту историю.

Колени Фарра подогнулись; сухой комок заполнил горло, рот. Он чувствовал вокруг движение, чувствовал осторожные ладони на теле и слышал очень громкий голос бармена: «В чем дело, Джек? Что случилось?»

Разум Фарра был уже не здесь, а за оградой из переплетенных стеклянных ветвей. Голос рвался из горла:

— Вызовите Пенче... Вызовите К. Пенче...

— К. Пенче,— произнес кто-то тихо.— Парень спятил.

— К. Пенче...— бормотал Фарр.— Он заплатит... Позовите его, скажите ему — Фарр...

Глава XI

Эйли Фарр умирал. Он погрузился в красный и желтый хаос фигур, они толпились и качались вокруг. Когда движение прекратилось, когда фигуры вытянулись и улетели, когда алые и золотые цвета расплылись и погрузились во тьму, Эйли Фарр, видимо, скончался.

Он видел, как приходит смерть,— словно сумерки вслед закату жизни... Внезапно он почувствовал неуютность, разлад. Яркий взрыв зелени нарушил гармонию красного, розового и голубого...

Эйли Фарр вновь ожил.

Доктор выпрямился и отложил шприц.

— Еще бы чуть-чуть,— сказал он,— и все.

Конвульсии прекратились, Фарра милосердно лишили сознания.

— Кто этот парень? — спросил патрульный.

Бармен скептически взглянул на Фарра.

— Он просил вызвать Пенче.

— Пенче? К. Пенче?

— Так он сказал.

— Ладно. Позовите его. В крайнем случае он на вас может только накричать, не больше.

Бармен отправился к экрану. Патрульный посмотрел на доктора, который все еще стоял на коленях перед Фарром.

— Что с ним стряслось?

Доктор пожал плечами.

— Трудно сказать, какая-то болезнь. В наши дни существует столько всякой дряни, которой можно напичкать человека...

— Ссадина у него на голове...

Доктор взглянул на череп Фарра.

— Нет. Это старая рана. Его укололи в шею, вот отметка.

Бармен вернулся.

— Пенче говорит, что он уже в пути.

Они посмотрели на Фарра с новым выражением.

Санитары положили по бокам его стальные шесты, просунули под телом металлические ленты и прикрепили их к шестам, подняли его и понесли. Бармен семенил рядом.

— Ребята, куда вы его забираете? Я должен буду сказать Пенче.

— Он будет находиться в травматологической больнице на Лонг Бич.

Пенче прибыл через три минуты после отъезда «скорой помощи». Он вошел, посмотрел направо, налево.

— Где он?

— Вы мистер Пенче? — уважительно спросил бармен.

— Конечно, это Пенче,— сказал патрульный.

— Вашего друга отправили в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Пенче повернулся к одному из людей, стоявших позади.

— Разберитесь, что здесь случилось,— сказал он и покинул бар.

Санитары положили Фарра на стол и сняли с него одежду. С удивлением они рассматривали металлическую полосу, опоясывавшую правое плечо.

— Это что такое?

— Что бы то ни было, надо снять.

Они сняли металлическую тесьму, омыли Фарра антисептическим газом, сделали ему несколько различных уколов и отправили его в палату на отдых.

Пенче вызвал главный офис.

— Когда мистер Фарр будет транспортабелен?

— Одну минуту, мистер Пенче.
Пенче ждал. Клерк наводил справки.
— Он уже вне опасности.
— Его можно перевозить?
— Он еще без сознания, но доктор говорит, что с ним все будет в порядке.
— Будьте добры, пусть «скорая помощь» отвезет его ко мне домой.
— Очень хорошо, мистер Пенче. Да, принимаете ли вы на себя ответственность за здоровье мистера Фарра?
— Да, — сказал Пенче. — Оформите.

Дом Пенче на Сигнальном холме был роскошным изделием типа 4 класса АА, эквивалентным среднему традиционному земному зданию стоимостью в тридцать тысяч долларов. Пенче продавал дома четырех разновидностей класса АА в количестве, которое мог себе позволить, по десять тысяч долларов за штуку — за ту же цену, что и дома классов А, Б и ББ. Для себя исцики, разумеется, выращивали дома более тщательно. Это обычно бывали старые жилища с взаимосвязанными стручками, стенами, окрашенными флуоресцентной краской, сосудами, выделяющими нектар, маслом и соляной раствор, воздухом, обогащенным кислородом и всевозможными добавками, фотофобными стручками, стручками с бассейнами, в которых циркулировала и тщательно фильтровалась вода, стручками в которых росли орехи, кристаллы сахара и сыгные вафли. Исцики не экспортировали ни таких, ни трех-, четырехстручковых стандартных домов. Выращивать их было не проще, но отдача от них была невелика.

Миллиард землян все еще жили в условиях ниже нормы. Северные китайцы рыли пещеры в лесу, дравидане строили грязные хижины. Американцы и англичане занимали разрушающиеся многоквартирные дома. Пенче находил ситуацию прискорбной: огромный рынок не использовался. Пенче хотел использовать его.

Существовала практическая трудность. Эти люди не могли платить тысячи долларов за дома классов АА, АБ, ББ, даже если бы Пенче мог бы их продавать неограниченно. Ему были необходимы трех-, четырех-, пятистручковые стандартные дома, которые исцики отказывались поставлять.

Проблема имела классическое решение: набег на Исзм за деревом-самкой. Должным об-

разом оплодотворенная женская особь могла дать миллион семян в год. Почти половина из них будут женскими. Через несколько лет Пенче сможет получать десять, сто, тысячу, пять тысяч миллионов.

Для большинства людей разница между десятью миллионами и ста миллионами в год кажется незначительной. Пенче, однако, оперировал в мыслях миллионами. Деньги — это не просто средство покупать, но и энергия, орудия власти, основа для убеждения и эффективности. На себя он тратил мало денег, личная жизнь его была достаточно скромна. Он жил в своем демонстраторе класса АА на Сигнальном холме, тогда как мог бы обладать небесным островом на околоземной орбите. Он мог бы разнообразить свой стол самыми редким мясом и дичью, изысканными консервами, коллекционными винами, необычными напитками и фруктами с других планет. Он мог бы заполнить гарем гуриями, о которых и султан не мечтал. Но Пенче питался бифштексами и пил кофе и пиво. Он оставался бакалавром, позволяя себе попадаться на глаза общественности, лишь когда пресса затрагивала его бизнес. Как многие одаренные люди бывают лишены слуха, так и Пенче был почти лишен склонности к радостям цивилизации.

Он сознавал собственный недостаток и порой испытывал меланхолию. В такие минуты он сидел, сгорбившись, похожий на дикого кабана, и раскаленная топка просвечивала сквозь закопченные стекла его глаз. Но чаще всего на его лице царил кислое и сардоническое выражение. Прочих людей можно было смягчить, отвлечь, удержать под контролем с помощью добрых слов, красивых вещей, удовольствий — Пенче знал их все и пользовался знанием, как плотник пользуется молотком, не задумываясь о внутренней сути инструмента. Он наблюдал и действовал без иллюзий и предрассудков; именно в этом, быть может, и таилась огромная сила Пенче, то внутреннее зрение, которое позволяло ему видеть мир и себя самого в свете грубой объективности.

У себя в студии он ожидал, когда придут «скорая помощь» и санитары вынесут носилки. Он вышел на балкон и заговорил тяжелым хриплым голосом:

— Он в сознании?
— Приходит в себя, сэр.
— Несите его сюда.

Глава XII

Эйли Фарр пробудился в стручке с пыльно-желтыми стенами и темным коричневым потолком с ребристым сводом. Он поднял голову, заполненную тьмой, и, обведя стручок глазами, увидел тяжелую угловатую мебель: кресла, диван, стол, заваленный бумагами, одну или две модели домов и древний испанский буфет.

Над ним склонился тонкий человек с крупной головой и серьезными глазами. На нем был белый форменный жакет, от которого пахло антисептиками. Доктор.

За спиной доктора стоял Пенче. Это был высокий мужчина, но не столь высокий, как представлялось Фарру. Он медленно подошел и посмотрел на него сверху вниз.

У Фарра в мозгу что-то щелкнуло. Горло наполнилось воздухом, голосовые связки завибрировали: рот, язык, зубы, небо выдавили слова. Фарр был изумлен, услышав их.

— У меня — дерево.

Пенче кивнул.

— Где?

Фарр глупо посмотрел на него.

Пенче спросил:

— Как вам удалось вывезти дерево с Исзма?

— Я не знаю,— сказал Фарр. Он приподнялся, опершись на локоть, потер подбородок, моргнул.— Я не знаю, что говорю. У меня нет никакого дерева.

— Или у вас оно есть, или у вас его нет,— нахмурился Пенче.

— У меня нет никакого дерева.— Фарр попытался сесть. Доктор помог ему, поддерживая за плечо. Фарр чувствовал слабость.

— Что я здесь делаю? Меня кто-то отравил. Девушка. Блондинка в таверне.— Он посмотрел на Пенче с нарастающим гневом.— Она работает на вас.

Пенче кивнул.

— Это верно.

Фарр потер лицо.

— Как вы меня разыскали?

— Вы обращались в «Император» по стерео. В холле мой человек постоянно ждал вызова.

— Так,— устало произнес Фарр.— В общем, все это ошибка. Как, зачем и почему, я не знаю. Кроме того, я пострадал. Мне это не нравится.

Пенче взглянул на доктора.

— Как он?

— Сейчас уже все в порядке. Скоро к нему вернуться силы.

— Хорошо. Можете идти.

Доктор покинул стручок. Пенче подтащил кресло, стоявшее у него за спиной, и уселся.

— Анна работает слишком грубо,— сказал Пенче.— Ей еще не доводилось пользоваться иглой.— Он пододвинулся ближе вместе с креслом.— Расскажите о себе.

— Прежде всего,— сказал Фарр,— где я?

— Вы в моем доме. Я за вами присматриваю.

— Зачем?

Пенче, внутренне веселясь, качнул головой взад и вперед.

— Вы сказали, что привезли для меня дерево. Или семья. Или побег. Что бы то ни было, мне это нужно.

Фарр заговорил ровным голосом:

— У меня его нет. Я ничего о нем не знаю. Во время налета я находился на Тжиери — больше ничего общего я с этой историей не имею.

Пенче спросил совершенно спокойно.

— Вы связывались со мной, когда прибыли в город. Зачем?

— Не знаю,— покачал головой Фарр.— Мне что-то нужно было сделать. Я это делал. Только что я сказал, что имею для вас дерево. Почему — непонятно.

— Я вам верю,— кивнул Пенче.— Мы найдем это дерево. Может быть, не сразу, но...

— Нет у меня вашего дерева! И мне нет до вас дела,— он встал, оглянулся и направился к двери.— А сейчас я пойду домой.

Пенче весело смотрел ему вслед.

— Двери на запоре, Фарр.

Фарр остановился, глядя на твердую розетку дверей. Релакснерв, должно быть, где-то в стене. Он надавил на желтую пыльную поверхность, похожую на пергамент.

— Не сюда,— сказал Пенче.— Возвращайтесь-ка обратно, Фарр...

Дверь раздвинулась. Омон Возхд стоял в проеме. На нем был облегающий костюм в бело-синюю полоску, шляпа-колокол щегольски надвинута на уши. Лицо его было безмятежным, строгим, полным человеческой, но неземной силы.

Он вошел в комнату. Следом вошли двое

исчиков, разлинованных в желтое и зеленое: сзекры. Фарр отпрянул, освобождая проход.

— Хелло,— сказал Пенче.— А я то думал, дверь надежна. Вы, ребята, наверное, знаете все уловки.

Омон Возхд вежливо кивнул Фарру.

— Сегодня мы потеряли вас на некоторое время, рад видеть вас.— Он посмотрел на Пенче, затем опять на Фарра.— Вашей целью, как видно, был дом К. Пенче.

— Судя по всему,— сказал Фарр.

Омон Возхд тактично пояснил:

— Когда вы находились в подzemелье на Тжиери, мы вас анестезировали с помощью гипнотического газа. Тсорд сразу понял. Эта раса способна в течение шести минут удерживать дыхание. Когда вы уснули, он ухватился за возможность сделать вас исполнителем своей воли.— Он взглянул на Пенче.— Он до конца верой и правдой служил хозяину.

Пенче промолчал. Омон Возхд вновь обратился к Фарру.

— Он захоронил инструкции в глубине вашего мозга. Затем он отдал вам украденное дерево. Шесть минут прошли. Он сделал вдох и потерял сознание. Позднее мы отправили вас к нему, надеясь, что таким образом приказ сотрется. Мы потерпели неудачу: тсорд порази нас своими психическими возможностями.

Фарр поглядел на Пенче. Тот стоял, небрежно опершись о стол. Напряжение нарастало, и скоро должен был произойти взрыв — так при легчайшем прикосновении выскакивает «чертик из коробки».

Омон Возхд отвернулся от Фарра — тот уже сослужил свою службу.

— Я прибыл на Землю,— сказал он,— с двумя миссиями. Должен сообщить вам, что по причине налета тсордов партия домов класса АА вам отправлена быть не может.

— Так-так,— сказал Пенче кротко.— Жаль.

— Вторая моя миссия — найти человека, которому Эйли Фарр должен был передать дерево.

— Вы проверили память Фарра? — заинтересованно спросил Пенче.— Но и почему же вы не смогли ничего узнать?

Вежливость у исчиков в крови, в рефlekсах. Омон Возхд склонил голову.

— Тсорд приказал Фарру все забыть и вспомнить лишь тогда, когда его нога

коснется Земли. Он обладал огромной гипнотической силой: разум Фарр-сайнха отличается значительной стойкостью. Мы могли лишь следить за ним. Его место назначения было здесь — это дом К. Пенче. Таким образом, теперь я могу завершить выполнение второй миссии.

— Ну? Выкладывайте,— сказал Пенче.

Омон Возхд поклонился. Голос его был спокоен и официален.

— Мое первоначальное сообщение к вам изменилось, Пенче-сайнх. Вы не получите более домов класса АА. Если вы высадитесь на территории Исзма или его колоний, вы понесете наказание за преступление, совершенное против нас.

Пенче качал головой — так бывало всегда, когда его охватывало сардоническое веселье.

— Выходит, вы меня уволили, и я вам больше не агент.

— Правильно.

Пенче повернулся к Фарру и спросил его неожиданно резким голосом.

— Деревья? Где они?

Фарр невольно приложил ладонь к бурому пятну на темени.

— Подойдите, Фарр, присядьте,— сказал Пенче.— Дайте взглянуть.

Фарр зарычал:

— Держитесь от меня подальше, я вам не игрушка.

— Тсорд загнал шесть семян под кожу на черепе Фарр-сайнха,— произнес Омон Возхд.— Это был очень остроумный тайник. Семена маленькие. Мы искали тридцать минут, прежде чем нашли.

Фарр с отвращением ощупал голову.

— Садитесь, Фарр,— хриплым голосом сказал Пенче.— Останемся там, где стоим.

— Я знаю, где стою! — Фарр отпрянул к стене.— Не с вами!

— Не хотите бросить исчиков,— рассмеялся Пенче.

— Я не бросаю никого. Если у меня в голове и есть семена, это касается только меня!

Пенче шагнул вперед, лицо его слегка изказилось.

— Семена были извлечены, Пенче-сайнх. Бутры, которые Фарр-сайнх может нащупать,— это танталовые шарики.

Фарр ощупал свой череп. И верно, они были здесь: твердые выступы, которые до сих пор

он считал относящимися к шраму. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Ладонь скользнула по волосам и задержалась. Он невольно взглянул на Пенче, на исциков. Похоже, они на него не смотрели. Он прижал маленький предмет, который обнаружил в волосах. Словно маленький пузырек, капсула размером не больше пшеничного зерна, и соединилось все это с кожей волокнами. Анна, блондинка, увидела лишь длинные серые...

Фарр нетвердо произнес:

— С меня достаточно... Я пошел.

— Нет,— бесцветно произнес Пенче.— Вы останетесь здесь.

Омон Возхд вежливо сказал:

— Я надеюсь, земные законы не позволяют задерживать человека против его воли. Если мы не противодействуем, то в равной мере становимся виновными. Или это не так?

Пенче улыбнулся.

— В некоторых пределах.

— В целях самозащиты мы требуем, чтобы вы не совершали противозаконных действий.

Пенче агрессивно подался вперед.

— Вы уже сказали. А теперь убирайтесь к черту.

Фарр взгляделся в глубину его тлеющих глаз. Гнев и унижение мешали ему говорить. Наконец он вымолвил:

— Нет уж, я лучше пойду. Меня тошнит от игры в простака.

— Лучше живой простак, чем мертвый болван.

Фарр оттолкнул руку Пенче.

— А я попытаю счастья.

Омон Возхд пробормотал что-то своим исцикам. Они разделились и стали по обе стороны сфинктера.

— Вы можете идти,— сказал Омон Возхд Фарру.— К. Пенче вас не задержит.

Фарр остановился.

— В ваших услугах я тоже не нуждаюсь.

Он оглядел стручок и подошел к стеерозкрану.

Пенче это одобрил; он усмехнулся в сторону исциков.

— Фарр-сайнх! — воскликнул Омон Возхд.

— Все легально! — ликовал Пенче.— Оставайтесь его.

Фарр прикоснулся к кнопкам. Экран замерцал, и на нем возникла расплывчатая фигура.

— Дайте мне Кирди,— сказал Фарр.

Омон Возхд подал знак. Исцик справа скользнул вдоль стены, перерезал соединяющую трубку. Изображение погасло.

Брови Пенче полезли вверх.

— Говорите о преступлениях,— взревел он,— а сами ломаете мой дом!

Губы Омона Возхда стали растягиваться, обнажая бледные десны, зубы.

— Прежде чем я...

Пенче поднял левую руку. Его указательный палец выбросил струю оранжевого пламени. Омон Возхд увернулся, огненная игла отстригла ему ухо. Двое других с поразительной скоростью бросились к двери.

Пенче вновь поднял палец. Фарр рванулся вперед, схватил его за плечо, развернул. Пенче сжал челюсти и выбросил правый кулак в коротком апперкоте. Удар угодил Фарру в область желудка. Фарр промазал круговой правой и отшатнулся назад. Пенче мгновенно развернулся, но исцики уже скрылись за сфинктером и тот затянулся за ними. Фарр и Пенче остались в стручке одни. Фарр отшатнулся от стены, и Пенче качнулся назад.

— Вы спасли их, идиот!

Стручок сотрясаясь, дергался. Фарр, полубезумевший от душившей его ярости, бросился вперед. Пол в стручке покрылся рябью, Фарр упал на колени.

— Спасли, я сказал! На кого вы работаете — на Землю или на Исзм? — рывкнул Пенче.

— Вы — не Земля! — задыхался Фарр.— Вы — Пенче! Я буду драться, потому что меня уже мутит оттого, что меня используют! — Он постарался подняться на ноги, но слабость его одолела. Он рухнул на спину, дыхание оборвалось.

— Дайте взглянуть, что у вас в голове.

— Держитесь от меня подальше. Я вам разобью физиономию.

Пол стручка рванулся вверх, подбросив Фарра и Пенче. Пенче встревожился:

— Что они делают?

— То самое,— сказал Фарр.— Они — исцики, а это — дом Исзма. Они могут играть на нем, как на скрипке.

Стручок затихал, вибрируя и содрагаясь.

— Все...— сказал Пенче.— А теперь — что у вас там в голове?

— Не подходите! Что бы то ни было — это мое!

— Нет — мое, — мягко произнес Пенче. — Я заплатил, чтобы его привезти сюда.

— Вы не знаете даже, что это такое.

— Знаю. Я это вижу. Это побег. Первый стручок только что вылез наружу.

— Вы спятили! Дерево не может прорасти у меня в голове!

Стручок стал натягиваться, выгибаясь кошачьей спиной. Крыша над головой закричала.

— Надо бы выбраться отсюда, — пробормотал К. Пенче, подошел к сфинктеру и дотронулся до открывающегося нерва.

Сфинктер оставался закрыт.

— Они перерезали нерв, — сказал Фарр.

Стручок продолжал вытягиваться. Пол крепился. Сводчатая крыша скрипела. Тванг! Ребро лопнуло, щепки посыпались вниз. Острая щепка упала в футе от Фарра.

Пенче прицелился пальцем в сфинктер: заряд ударил в диафрагму. Она отплатила обломком зловонного пара.

Пенче отпрянул назад, потрясенный.

Лопнули еще два ребра.

— Они убьют нас, если попадут, — сказал Пенче, обозревая выгнутый потолок. — Назад!

— Эйли Фарр, зеленый ходячий дом... Вы сгините, Пенче, прежде, чем соберете урожай.

— Прекратите истерику, — сказал Пенче. — Идите сюда.

Пол опрокинулся. Мебель начала скользить в пасть. — Пенче отчаянно уворачивался. Фарр поскользнулся. Стручок изгибался. Осколки ребер отщепились, отлетели, забарабанили по стенам. Мебель громоздилась друг на друга над Фарром и Пенче, сталкиваясь, калечась, разбиваясь.

Стручок задрожал; стулья и столы запрыгали, опрокидываясь. Фарр и Пенче пытались высвободиться, прежде чем тяжелая мебель не раздавит им кости.

— Они действуют снаружи, — выкрикнул Фарр. — Дергают нервы.

— Если бы мы смогли выбраться на балкон...

— Мы бы вылетели на землю.

Дрожь возрастала. Осколки мебели и ребер загрохотали, как горошины в банке. Пенче стоял, упершись руками в стол, и пытался удерживать его. Фарр подхватил осколок и принялся бить в стену.

— Что вы делаете?

— Искики стоят снаружи и бьют по нервам. Я пытаюсь попасть по другим.

— Вы нас можете убить! — Пенче взглянул на голову Фарра. — Не забудьте, что это растение...

— Вы больше боитесь за растение, чем за себя, — Фарр не переставал стучать, выбирая ровные места.

Он попал по нерву. Стручок вдруг застыл, страшно напрягшись. Стена начала выделять крупные капли сока с кислым запахом. Стручок неистово задрожал, его содержимое загрохотало.

— Не тот нерв! — закричал Пенче. Он схватил осколок и стал стучать. По стенам стручка прошел звук, похожий на сдавленный стон. Пол пошел буграми, корчась в растительной агонии. Потолок начал рушиться.

— Нас раздавит! — воскликнул Пенче. Фарр заметил блеск металла — шприц доктора. Он схватил его, вонзил в зеленую выпуклость вены и надавил на поршень.

Стручок вздрагивал, трясся, пульсировал. Стены вздувались пузырями и лопались. Сок стекал и струился во входной канал. Стручок бился в конвульсиях, дрожал и осыпался. Фарр и Пенче выкатились на балкон вместе с обломками ребер и мебели и полетели вниз. Фарр задержал падение, уцепившись за прут баллюстрады. Прут оборвался, и Фарр упал. Лететь до газона ему пришлось не больше фута, он приземлился на кучу хлама. Под ним оказалось что-то резиновое; оно ошупало его ноги и оттолкнуло с большей силой. Это был Пенче.

Они покатались по газону. Силы Фарра были почти на исходе. Пенче сдавил ему ребра, навалился и схватил за горло. Фарр увидел сардоническое лицо в дюйме от своего. Он изо всех сил ударил коленями. Пенче вздрогнул, задохнулся, но быстро оправился. Фарр вонзил ему в нос большой палец и выкрутил. Голова Пенче откинулась назад, хватка ослабла.

— Я вырвал эту штуку... — закричал Фарр. — И сломал ее...

— Нет! — захлебнулся Пенче. — Нет! — закричал он. — Фроун! Карлайл!

Фигуры появились. Пенче поднялся.

— В доме трое искиков. Не выпускать. Станьте у ствола, стреляйте наверняка.

— Стрельбы сегодня вечером не будет, — произнес холодный голос.

Лучи двух фонарей уперлись в Пенче. Он трясся от злобы.

— Кто вы?
— Специальная бригада. Я — детектив, инспектор Кирди.
— Возьмите исчиков, — выдохнул Пенче. — Они в моем доме.

Исчики вышли на свет. Омон Возхд сказал:
— Мы находимся здесь, чтобы вернуть свою собственность.

Кирди недружелюбно посмотрел на них.

— Что еще за собственность?

— В голове Фарра. Росток дома.

— Вы обвиняете Фарра?

— Еще чего! — сердито сказал Фарр. — Они пилились на меня каждую минуту, они обыскивали меня, гипнотизировали...

— Виноват Пенче, — жестко произнес Омон Возхд. — Агент Пенче обманул нас. Он поместил шесть семян туда, где мы наверняка должны были их найти. У него также был тонкий корешок, он соединил его с кожей Фарра, спрятав среди волос. Мы его не заметили.

— Большая удача, — сказал Пенче.

Кирди с сомнением смотрел на Фарра.

— Эта вещь и в самом деле осталась жива?

Фарр выдавил смешок.

— Жива? Она пустила корни, дала стручок, покрылась листочками. Она проросла. У меня теперь дом на голове!

— Это собственность Исзма, — заявил Омон Возхд. — Я требую его возвращения.

— Это моя собственность, — сказал Пенче. — Я купил ее, заплатив за нее.

— Это моя собственность, — сказал Фарр. — В чьей голове она растет?

Кирди покачал головой.

— Пожалуй, всем вам следует пройти со мной.

— Никуда я не пойду, пока не арестован, — сказал Пенче с большим достоинством. — Говорю вам, арестуйте исчиков. Они разломали мой дом.

— Пойдемте со мной, вы все, — сказал Кирди и бросил полицейским: — Опустите машину.

Омон Возхд сделал выбор. Он горделиво выпрямился во весь рост, белые волосы сверкнули во тьме. Взглянув на Фарра, он порывлся в одежде и извлек шуттер.

Фарр плашмя бросился на землю.

Заряд пролетел над головой. Из пистолета Кирди вырвалось голубое пламя. Омона Возхда осветил голубой ореол. Он был уже мертв, но стрелял вновь и вновь. Фарр покатился по

темной земле. Двое других исчиков открыли по нему огонь, не обращая внимания на пистолеты полицейских. Они высвечивались голубым сиянием, умирали, но продолжали стрелять. Заряды попали Фарру в ноги. Он застыл и остался лежать неподвижно.

Исчики рухнули.

— А теперь, — удовлетворенно произнес Пенче, — я позабочусь о Фарре.

— Полегче, Пенче, — сказал Кирди.

— Держитесь от меня подальше, — сказал Фарр.

— Я заплачу десять миллионов за то, что растет у вас в волосах.

— Нет! — свирепо огрызнулся Фарр. — Я сам его выращу. И буду раздавать семена бесплатно...

— Рискованное предприятие, — сказал Пенче. — Если это семена самца, пользы не будет никакой.

— А если самки... — Фарр замолчал. Полицейский доктор принялся перевязывать ему ноги.

— ...польза будет, — сухо докончил Пенче. — Но вы встретите противодействие.

— Чье?

— Исчиков.

Санитары принесли носилки.

— Они будут мешать. Я даю вам десять миллионов. Я беру шанс.

Усталость, боль, нервное истощение сломали Фарра.

— Ладно... Меня тошнит от всей этой возни.

— Тогда подпишем контракт! — с триумфом закричал Пенче. — Эти офицеры будут свидетелями!

Фарра положили на носилки. Заметив в его волосах растительный побег, доктор склонился над ним, протянул руку и выдернул его.

— Ой! — крикнул Фарр.

— Что он делает? — закричал Пенче.

— Вам бы стоило получше следить за своим имуществом, Пенче, — слабым голосом произнес Фарр.

— Где он? — в панике закричал Пенче, хватая доктора за ворот.

— Кто? — спросил доктор.

— Дайте свет! — крикнул Пенче.

Фарр некоторое время смотрел, как Пенче и его люди шарят по кустам в поисках бледного побега, затем впал в беспамятство.

Днями позже Пенче пришел к Фарру в больницу.

— Вот,— сказал он,— ваши деньги.— Он положил купон на столик, посмотрев на него: — Десять миллионов долларов.

— Это куча денег,— сказал Фарр.— Вы, должно быть, нашли побег?

Пенче кивнул.

— Он был еще жив. Он и сейчас растет... Но... это самец.— Он взял со стола купон, поглядел на него, затем положил обратно.— Чистое пари.

— У вас были хорошие шансы,— сказал Фарр.

— Денег мне не жалко,— сказал Пенче и посмотрел в открытое окно на Лос-Анджелес. Фарр пытался угадать, о чем он думает.

— Легко найдено, легко потеряно,— сказал Пенче и полуобернулся, собравшись уходить.

— А что теперь? — спросил Фарр.— У вас нет женской особи, вы не можете перепродать дома.

— Женские особи есть на Исзме,— сказал Пенче.— И даже очень много. Я попытаюсь достать несколько штук.

— Еще один налет?

— Называйте, как хотите.

— А вы как это называете?

— Экспедицией.

— Рад, что я не имею к этому отношения.

— Человек никогда не может знать заранее,— заявил Пенче.— Может быть, вы еще передумаете.

— Уж на этот-то счет не сомневайтесь,— заверил его Фарр.

СОДЕРЖАНИЕ

Пол Андерсон РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧИНЫ	3
Уильям Тенн УИНТРОП БЫЛ УПРЯМ	20
Филип К. Дик ВТОРАЯ МОДЕЛЬ	52
Джек Вэнс ДОМА ИСЗМА	78

ФАНДЕТ ЭКСПРЕСС

Выпуск 5

Ответственный за выпуск:

Моргун Л. И.

Художественное оформление и иллюстрации:

Навдаев П.— *главный художник*

Никитенко М.

Малышенок Е.

Техническое редактирование:

Шешенина С. Е.

Корректор:

Есакова Г. П.

КОРПОРАЦИЯ "УРАЛКОМ"

"УРАЛКОМ" (URALCOM) – молодая русская корпорация, одна из крупнейших в Уральском регионе и Западной Сибири.

В корпорацию на начало 1991г. входило уже 17 предприятий муниципального подчинения. Объем продаж фирм URALCOM в 1990 году превысил 100 миллионов рублей и уже за три месяца 1991 г. прошлогодний уровень значительно перекрыт.

Основные направления деятельности корпорации URALCOM на сегодняшний день, это:

- Сотрудничество с фирмами Австрии, Венгрии, Индии и Вьетнама.
- Ремонт, обслуживание, продажа сложной электронной и компьютерной техники.
- Изготовление и монтаж металлических арочных конструкций под зернохранилища, гаражи, производственные и спортивные сооружения.

– Транспортные услуги: автомашины транспортного предприятия корпорации URALCOM осуществляют перевозки во все точки Советского Союза, планируются первые рейсы в Австрию и Венгрию.

– Сельскохозяйственные кооперативы концерна.

– Здравоохранение и спорт: в 1990 г. приняла посетителей первая платная стоматологическая поликлиника URALCOM, в 1991 г. заканчивается строительство плавательного бассейна.

– Торговые предприятия URALCOM включают магазины оптовой и розничной торговли, они готовы сотрудничать в области приобретения и реализации товаров любого назначения - обуви, одежды, продовольствия и бытовой электроники.

– Деревообрабатывающие предприятия URALCOM: производство и экспорт изделий в Австрию и Венгрию.

– Корпорация является акционером ряда Уральских банков, участвовала в основании Фонда науки и техники Урала, в лабораториях URALCOM опытные технические специалисты высокой квалификации разрабатывают сегодня новые технологии по переработке промышленных отходов в строительные материалы, абразивные порошки, типографскую краску. От разработки идеи до ее реализации проходит не более года и уже в 1991 году первые два завода концерна выходят на проектную мощность.

URALCOM – участник внешнеэкономических связей, готов рассмотреть Ваши предложения по совместной деятельности.

URALCOM – это надежная гарантия, отличное качество, высококвалифицированное обслуживание.

Наш адрес: 620075 г. Свердловск, ул. Бажова, 45
Телефоны: (3432) 56-05-36; 56-05-37
Телефакс: (3432) 56-05-37
Телекс: (3432) 721911 (RTB) SU URALCOM
Телетайп: 221988 УПП URALCOM

Сдано в набор 26.08.91 Подписано в печать 18.12.91. Формат 84х108/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 8. Усл. кр. от. 2016000. Уч.-изд. л. 11,172. Зак. 2214. Тираж 150 000 Цена 7 р. 50 к. ISBN 5—290—00015—1 «Транс Ф» 1991 129301, Москва, ул. Космонавтов, д. 14, корп. 2
Отпечатано в типографии «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.
Цена на обложке указана без учёта налога на добавочную стоимость.

ВПХО «Транс Ф» Советского фонда милосердия
и здоровья

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

сериал остросюжетных фантастических произведений выдающихся мастеров этого жанра. Готовятся к выходу в свет романы: «Забыть о Земле» Мак Аппа, «Чума из космоса» Гарри Гаррисона, «Что может быть проще времени» Клиффорда Саймака, «Космические течения» Айзека Азимова и многие другие популярные произведения наиболее известных и читаемых авторов

Принимаются заявки на распространение.
За справками обращаться: г. Москва, тел. 282-10-90

Д. Вэнс
У. Тенн
П. Андерсон
Ф. К. Дик

